АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ
ДМИТРИЙ ПРОХОРОВ

ДЕЛО ХАНССЕНА

«КРОТЫ» В США

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В США арестован сотрудник ФБР Роберт Ханссен, с 1979 года работавший на российские спецслужбы. Он признал себя виновным в шпионаже в пользу другой страны и выдал суду всю информацию, которой владел…

Книга рассказывает о наших агентах в американских спецслужбах.

- Александр Колпакиди, Дмитрий Прохоров
  - Вместо предисловия
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Приложения
    - Приложение № 1
    - Приложение № 2
    - Приложение № 3
    - Приложение № 4
    - Приложение № 5
    - Приложение № 6
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Александр Колпакиди, Дмитрий Прохоров
Дело Ханссена. «Кроты» в США

Вместо предисловия

В октябре 2000 года у первого секретаря постоянного представительства России при ООН Сергея Олеговича Третьякова заканчивался срок командировки. Однако, когда настало время возвращаться в Москву, он вместе с семьей исчез из поля зрения российских дипломатов в Нью-Йорке. По сложившейся традиции российское посольство направило властям США соответствующие запросы: что произошло с Третьяковым, находится ли он на территории США и если да, то добровольно ли, и каковы его планы. Но ответа на эти вопросы со стороны официальных американских представителей не последовало.

Только 31 января 2001 года пресс-секретарь госдепартамента США Ричард Баучер собрал журналистов на брифинг и сообщил, что российский дипломат Сергей Третьяков в октябре прошлого года связался с представителями американских властей и выразил желание остаться в США. На вопросы о том, просил ли Третьяков политического убежища, и о возможности так называемого «консульского доступа» к нему Баучер отвечать отказался, заявив, что не может говорить об этом, поскольку «существует очень давняя практика — не комментировать дела подобного рода». А на уточняющий вопрос: «Какого рода?» — просто ответил: «Такого рода».

Такая позиция госдепартамента навела журналистов на мысль, что Третьяков на самом деле был не обычным дипломатом, а сотрудником российской разведки (СВР или ГРУ), действующим в Нью-Йорке под дипломатическим прикрытием. Дело в том, что в последнее время многие российские дипломаты, работавшие в международных организациях по российской квоте, по истечении срока командировки оставались за рубежом вольнонаемными служащими, не делая из этого тайны для своих бывших коллег. Так, только в период с 1991 по 1993 год в США самовольно остались пятнадцать российских дипломатов[1]. Характерно также, что советник по прессе постоянного представительства РФ при ООН Кирилл Сперанский в ответ на вопрос спецкора газеты «Московские новости» Ильи Бараникаса: почему Россия проявила беспокойство и интересуется судьбой Третьякова, сказал: «Если бы российская сторона изначально знала о намерении Третьякова, все бы было спокойно».

Впрочем, разговоры о судьбе Третьякова очень скоро затихли бы, но 18 февраля 2001 года ФБР арестовало своего специального агента Роберта Ханссена, которому было предъявлено обвинение в работе на советскую, а потом и российскую разведку. Этот факт

подтвердил предположения журналистов о том, что Третьяков был не «чистым» дипломатом, а являлся сотрудником СВР, «купившим» себе американское гражданство ценой предательства.

Разоблачение очередного российского «крота» в спецслужбах США заставило директора ФБР Луиса Фри собрать 20 февраля пресс-конференцию для журналистов. Нервно поигрывая скулами, он заявил, что случившееся — это «один из наиболее серьезных случаев шпионажа в истории США» и что поступок Ханссена является «самым чудовищным предательством, какое только можно вообразить».

Шефу ФБР вторил председатель сенатского комитета по разведке Ричард Шелби, сказавший в интервью агентству «Associated press», что Ханссен причинил США колоссальный ущерб. «Это очень, очень, очень серьезный случай шпионажа, — заявил он. — Речь идет не просто об агенте, а о ветеране ФБР, который занимался контрразведкой весьма длительное время. Он знает многое. Он мог сообщить очень ценные сведения».

Не остался в стороне даже президент США Джордж Буш-младший. 20 февраля во время полета в Теннесси он со свойственной ему прямотой заявил с борта президентского лайнера «Эр форс-1»: «Это тяжелый день для всех, кто любит нашу страну, и печальный день для всех работников спецслужб». Кроме того, Буш-младший пообещал всем потенциальным предателям, что они «будут пойманы и наказаны», и дал указание создать специальную комиссию во главе с Уильямом Уэбстером (в прошлом шеф и ЦРУ, и ФБР — *Авт.)* для проверки надежности организационной структуры ФБР.

Дело Ханссена вызвало живейший интерес не только в США и России, но и во всем мире. При этом всех гораздо больше интересовали не секреты, которые он выдал, а причины, толкнувшие его на предательство. Тем более что, по заявлению бывших коллег Ханссена, его меньше всего можно было заподозрить в измене.

В предлагаемой книге мы постараемся вскрыть эти причины. Но для того чтобы было понятно почему «дело Ханссена» вызвало такой резонанс в США, мы считаем необходимым рассказать как о структуре американского разведсообщества, так и о некоторых, предшествовавших описываемому случаях вербовки его сотрудников советской, а позднее и российской разведкой.

Глава первая
Американское разведсообщество: история и структура

За прошедшие десятилетия у большинства советских (а затем и российских) читателей сложилось не совсем верное представление о том, кто в США занимается разведкой. Действительно, всем известно о существовании ЦРУ. Большинство также знает о существовании ФБР. Однако лишь немногие смогут назвать такие крупные и влиятельные американские спецслужбы, как АНБ и РУМО. А уж о том, что, помимо перечисленных организаций, разведкой в США занимается еще дюжина ведомств, знают только специалисты, а также те, кто всерьез интересуется историей разведки.

Разведывательное сообщество — принятое в США официальное наименование совокупности всех ведомств, занимающихся разведкой и контрразведкой. Основы структуры сообщества были заложены законом о национальной безопасности, принятым 26 июля 1947 года. В настоящее время в Разведывательное сообщество входят:

— Центральное разведывательное управление (Central Intelligence Agency).

Из министерства обороны:

— Разведывательное управление министерства обороны (Defense Intelligence Agency);

— Агентство национальной безопасности (National Security Agency);

— Разведка сухопутных сил (Army Intelligence);

— Разведка ВМС (Navy Intelligence);

— Разведка ВВС (Air Force Intelligence);

— Разведка корпуса морской пехоты (Marine Corps Intelligence);

— Национальное управление картографии (National Imagery and Mapping Agency);

— Управление национальной разведки (National Reconnaissance Office).

Из министерства юстиции:

— Федеральное бюро расследований (Federal Bureau of Investigation);

— Управление по борьбе с наркотиками (Drug Enforcement Agency).

Из государственного департамента:

— Управление разведки и исследований (Bureau of Intelligence and Research).

Из министерства финансов:

— Управление разведывательного обеспечения (Office of Intelligence Support);

— Секретная служба США (United States Secret Service).

Из министерства энергетики:

— Разведка министерства энергетики.

Центральное разведывательное управление не входит в состав ни одного из американских министерств и подчинено непосредственно президенту США. Управление по борьбе с наркотиками в оперативном плане подчинено ФБР. Управление национальной разведки занимается аэрокосмической разведкой (в русскоязычной литературе часто встречаются такие его названия, как «Национальное бюро аэрокосмической разведки», «Национальное управление воздушно-космической разведки» и т. д.).

Как же организовано управление всем этим конгломератом спецслужб?

Основные направления практической деятельности Разведывательного сообщества определяются президентом США и Советом национальной безопасности (СНБ). Они утверждают все важнейшие тайные операции, проводимые спецслужбами, иногда выступают их инициаторами, следят за их реализацией.

Членами СНБ являются президент, вице-президент, государственный секретарь и министр обороны. СНБ вырабатывает рекомендации для президента по вопросам внутренней, внешней и оборонной политики, имеющим непосредственное отношение к национальной безопасности. Совет выступает от имени президента, являясь высшей руководящей инстанцией для всех служб внешней разведки и контрразведки в Соединенных Штатах.

Помимо СНБ при президенте США существуют два совещательных органа. Прежде всего, это Президентский консультативный совет по внешней разведке (ПКСВР), созданный 6 февраля 1956 года президентом Эйзенхауэром. Первоначально он был назван Советом консультантов по проблемам внешней разведки при президенте. Членами совета стали крупные специалисты в области экономики, международных отношений и разведки. Нынешнее наименование ПКСВР получил уже в 60-е годы во время президентства Джонсона.

Как известно, во второй половине 70-х годов, после ряда скандальных разоблачений и расследования, проведенного в

сенате комиссией Черча, спецслужбы США подверглись гонениям. На этой волне президент Картер в мае 1977 года принял решение об упразднении ПКСВР. Вместо него в 1978 году был создан другой совещательный орган — Совет по надзору за разведкой, состоящий из трех членов, назначенных президентом, и призванный рассматривать все вопросы, связанные с соблюдением законности в деятельности американского Разведывательного сообщества.

При новом президенте США Рональде Рейгане американские «бойцы невидимого фронта» вздохнули свободнее. Постепенно снимая ограничения на деятельность спецслужб США, наложенные его предшественником, он восстановил и ПКСВР. Это произошло 20 октября 1981 года. Теперь членами консультативного совета стали 19 «видных граждан», приглашенных со стороны, а не из правительственных структур. Американский журналист Боб Вудварт позже охарактеризовал их как «надпартийную группу влиятельных старцев, перед которыми Белый дом чувствовал себя обязанным».

С тех пор оба совещательных органа — ПКСВР и Совет по надзору за разведкой — существуют параллельно, при этом председатель Совета по надзору одновременно является и членом ПКСВР. Члены ПКСВР работают на общественных началах, не получая за свою деятельность вознаграждения.

Непосредственное руководство и координация работы Разведывательного сообщества осуществляется директором центральной разведки. По своему статусу эту должность занимает директор ЦРУ, который считается главным советником президента и СНБ по всем вопросам разведдеятельности и тайных операций за рубежом. В функции директора центральной разведки входят подготовка на основе директив СНБ конкретных указаний разведывательным органам, руководство разработкой сводной программы их деятельности за рубежом, составление в соответствии с ней проекта бюджета Разведывательного сообщества в целом и распределение средств между входящими в него организациями.

Непосредственно при директоре центральной разведки действуют два органа — Штаб управления сообществом и Совет национальной разведки.

Штаб управления сообществом (Community Management Staff) создан в 1992 году вместо Штаба разведывательного сообщества (Intelligence Community Staff). Его задача — помочь директору центральной разведки в выполнении его руководящих и координирующих функций по отношению к Разведывательному сообществу. Штаб — независимая структура, которая не входит в

состав ЦРУ. Возглавляющий его исполнительный директор подчиняется непосредственно директору центральной разведки.

Сотрудники штаба занимаются выработкой общих направлений разведывательной политики, координацией деятельности органов Разведывательного сообщества, обоснованием бюджетных запросов, а также подготовкой предложений по распределению между спецслужбами запросов потребителей развединформации. Персонал штаба насчитывает около 250 человек, а ежегодные расходы на его деятельность составляют примерно 25 млн долларов и финансируются по отдельной статье бюджета Разведывательного сообщества.

Совет национальной разведки (National Intelligence Council) является консультативным органом. Он возглавляется председателем и вице-председателем и состоит из так называемых офицеров национальной разведки — ведущих специалистов из числа как представителей всех входящих в Разведывательное сообщество организаций, так и неправительственных экспертов.

Институт офицеров национальной разведки был создан в 1973 году, а нынешнее название — Совет национальной разведки — получил в 1979 году. Каждый офицер национальной разведки, как правило, является узкопрофильным специалистом в какой-либо области (географический регион, конкретная военно-политическая или экономическая проблема и т. п.). В этом качестве он является советником директора центральной разведки в сфере своей компетенции. Кроме того, офицеры национальной разведки с одной стороны традиционно поддерживают тесный контакт с представителями высшего руководства США, а, с другой — проводят консультации в отдельных функциональных подразделениях Разведывательного сообщества, помогая им лучше удовлетворить запросы высокопоставленных потребителей разведывательной информации.

Как уже упоминалось, для того чтобы внести свежую струю в застоявшееся ведомственное болото, Совет национальной разведки, помимо профессиональных разведчиков, привлекает в свои ряды и неправительственных экспертов из научного мира и частных фирм.

При директоре центральной разведки существует также ряд межведомственных органов, в которые входят руководящие работники разведслужб. Таких разнообразных советов и комиссий существует больше десятка. Наиболее известные из них — Национальный совет по внешней разведке и Национальный центр контрразведки.

Разведывательное сообщество имеет ежегодно утверждаемый конгрессом США совокупный бюджет, который долгие годы был засекречен, однако в 1996 году президент Клинтон дал обещание обнародовать его. По официальным данным, ассигнования на нужды Разведывательного сообщества составили в 1997 году 26,6 млрд долларов, а в 1998 году — 26,7 млрд долларов. Однако 1998 год стал и последним годом «гласности» в этом вопросе, после чего американский разведывательный бюджет вновь был засекречен. По имеющимся оценкам, он составил в 1999 году — 29 млрд, а в 2000 году — 29,5 млрд долларов. Что же касается конкретных деталей (например, сколько получает из этого бюджета каждая отдельно взятая спецслужба и т. п.), то эти данные никогда не рассекречивались. Опять же по оценкам некоторых компетентных органов, наибольшее финансирование получают Агентство национальной безопасности и Управление национальной разведки. Это связано в основном с тем, что в своей работе эти ведомства используют дорогостоящую космическую и радиоэлектронную аппаратуру.

Федеральное бюро расследований (ФБР)

Федеральное бюро расследований (ФБР) является подразделением министерства юстиции США и подчиняется непосредственно главе этого ведомства, который одновременно является и генеральным прокурором США. ФБР сочетает в себе функции контрразведки, политической полиции и уголовного розыска. В этом отношении Бюро занимает уникальное место среди спецслужб мира. Его можно сравнить только с возглавлявшимся Генрихом Гиммлером РСХА, которое также совмещало и борьбу с внешними и внутренними врагами рейха, и расследования чисто уголовных преступлений.

В соответствии с этими функциями ФБР осуществляет деятельность в трех направлениях:

— обеспечение национальной безопасности;

— обеспечение внутренней безопасности;

— борьба с уголовной преступностью.

В интересах обеспечения национальной безопасности на ФБР возложены функции главной контрразведывательной службы США. Эти функции регулируются исполнительным приказом президента США № 12333 от 4 декабря 1981 года. Следует отметить, что ФБР не обладает монополией на контрразведывательную деятельность. Контрразведкой занимаются и некоторые другие члены Разведывательного

сообщества США (созданный в 1994 году Национальный центр контрразведки, Служба военно-морских уголовных расследований, Контрразведывательная служба армии США, Управление по внутренним доходам при министерстве финансов, Бюро по борьбе с наркотиками, Американское общество по обеспечению безопасности промышленности).

Под обеспечением внутренней безопасности подразумевается борьба с «внутренними врагами» США, то есть с лицами и организациями, ставящими целью свержение американского правительства, нанесение ущерба интересам Соединенных Штатов, нарушение конституционных прав американских граждан. В рамках этой задачи начиная с 1936 года ФБР занимается так называемой внутренней разведкой, собирая сведения о деятельности экстремистских организаций как правого, так и левого толка, с тем чтобы определить степень их опасности для политической системы США и установить, в какой мере они связаны с иностранными державами.

Но, как водится, борясь с «неблагонадежным элементом», покушающимся на конституционные права американских граждан, сами сотрудники ФБР часто нарушают эти права. В качестве наиболее вопиющего примера такой незаконной практики агентов ФБР можно указать на негласные обыски в офисе Братства американских греков и ряде других общественных и национальных организаций, широко осуществлявшиеся в 50-60-е годы.

С 1982 года ФБР становится головным органом по борьбе с терроризмом на территории США, а с 1984 года ФБР поручено расследование всех террористических актов, жертвами которых становятся американцы за пределами США.

Третье направление деятельности ФБР — борьба с уголовной преступностью. Поскольку компетенция американских полицейских структур ограничена пределами штатов, ФБР фактически выполняет роль общефедеральной полиции, расследуя преступления, совершенные на территории нескольких штатов, а также около 250 видов преступлений, отнесенных к категории «федеральных» (ограбления банков, похищение людей, использование взрывных устройств, покушения на президента и высших должностных лиц США, наркобизнес и т. д.)

Структура ФБР

Каким бы удивительным это ни показалось привыкшему к «гласности» российскому читателю, но сведения о структуре ФБР

и функциях его подразделений до сих пор являются секретными. Однако, как справедливо говорит пословица, шила в мешке не утаишь, и имеющиеся открытые источники позволяют более менее точно воссоздать внутреннюю структуру и устройство этой стоящей на страже американской демократии организации.

Директор ФБР назначается на свой пост президентом США, при этом его кандидатура утверждается сенатом. Рекорд Джона Эдгара Гувера, занимавшего этот пост 48 лет, скорее всего, никогда уже не будет превзойден, поскольку в настоящее время срок пребывания в должности директора ограничен 10 годами. Директор ФБР имеет трех заместителей, каждый из которых осуществляет общее руководство несколькими управлениями, и 11 помощников (каждый руководитель самостоятельного управления или службы по своему статусу является помощником директора ФБР). Наиболее важные вопросы деятельности ФБР рассматриваются и решаются на заседании исполнительной конференции, которая созывается, как правило, раз в два месяца.

Штаб-квартира ФБР расположена в Вашингтоне. На территории США имеется также 56 отделов и около 400 отделений ФБР. В 24 городах США имеются специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью.

По характеру решаемых задач управления ФБР делятся на три группы: группа подразделений расследования, группа вспомогательных подразделений и служба контроля, планирования и оценки. Группа подразделений расследования включает в себя:

— управление контрразведки (с 1994 года — управление национальной безопасности);

— управление общих уголовных расследований;

— управление специальных уголовных расследований. Управление национальной безопасности состоит из четырех отделов. 1-й, 2-й и 3-й отделы организуют и координируют в масштабах США мероприятия по «разработке» зарубежных учреждений и их персонала с целью выявления разведчиков и лиц из числа американцев и граждан других стран, подозреваемых в связях с зарубежными спецслужбами. 4-й отдел поддерживает контакты по контрразведывательным вопросам с полицией, ЦРУ и другими американскими правительственными ведомствами, а также с полицией и спецслужбами других стран. В отделе имеется специальная секция, руководящая деятельностью представителей ФБР в посольствах США в разных странах мира. Вопросы контрразведывательного характера за пределами США ФБР обычно решает с помощью ЦРУ. В 1996 году ФБР имело своих представителей атташе в 23 странах мира и планировало открыть

еще 23 зарубежных представительства. 4 июля 1994 года открыто представительство ФБР в Москве.

Как было объявлено в конце 1999 года, в связи с возросшей важностью антитеррористической деятельности из состава управления национальной безопасности планируется выделить отдельное управление по борьбе с терроризмом.

Управление общих уголовных расследований состоит из нескольких отделов, разбитых, в свою очередь, на секции. Всего в нем работает более 200 агентов и около 1000 административных служащих. Управление контролирует и координирует работу периферийных отделов ФБР по «разработке» различных партий, организаций и группировок, оппозиционных существующему строю. Кроме того, управление анализирует и обобщает опыт работы по обеспечению внутренней безопасности и дает соответствующие предложения и рекомендации. В состав управления входит созданная в 1995 году группа экстренного реагирования (Critical Incident Response Group), предназначенная для координации усилий в целях разрешения кризисных ситуаций, в первую очередь связанных с актами терроризма.

В структуре управления имеются также:

— отдел уголовных расследований, занимающийся раскрытием особо опасных преступлений против жизни и здоровья граждан, совершенных при отягчающих обстоятельствах, ограблений банков, преступлений на воздушном, морском и железнодорожном транспорте, мошеннических действий или вымогательства с использованием государственных документов, печатей, наименований федеральных ведомств и т. п., нарушений законов о приобретении, хранении и применении огнестрельного и холодного оружия;

— отдел по делам преступлений в области финансов и имущественных ценностей, занимающийся расследованием таких преступлений, как присвоение и растрата федеральных средств, включая использование для этих целей компьютеров, присвоение федеральных финансовых средств путем злоупотреблений предоставленными законом льготами и привилегиями, злоупотребление служебным положением в целях наживы и взяточничество, нарушение авторских прав и патентных гарантий, необоснованные притязания на гражданство США и получение незаконным путем американского паспорта или въездной визы.

В структуре управления специальных уголовных расследований имеется отдел расследований по делам организованной преступности, который, в частности, занимается борьбой с рэкетом, выявлением преступлений в сфере азартных

игр и лотерей, пресечением подкупа и взяток в спорте и т. д. Именно этому отделу подчинены упомянутые выше специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью, имеющиеся в 24 американских городах. Отдел организует взаимодействие в борьбе с организованной преступностью всех федеральных служб, а также правоохранительных органов штатов. Непосредственный розыск и задержание преступников ведут периферийные отделы ФБР в контакте с полицией штатов. На отдел же возложены контроль за мероприятиями по розыску и их координация, а также составление ориентировок по организации розыска.

В управление входит также отдел специальной проверки и гражданских прав. Его основная задача — проверка лиц, назначаемых на должности, связанные с допуском к государственным секретам.

В ходе реорганизации ФБР, о которой было объявлено в конце 1999 года, планировалось также создать управление служб расследований, призванное ликвидировать разобщенность в действиях управлений ФБР. Предполагается, что в это управление будет стекаться информация, добытая различными подразделениями. Кроме того, управление служб расследований будет координировать международную деятельность ФБР.

Для противодействия компьютерному шпионажу из состава управления национальной безопасности выделен Национальный центр защиты инфраструктуры.

Группа вспомогательных подразделений ФБР включает управления:

— учета и идентификации;

— специальной подготовки кадров;

— административно-хозяйственное;

— архивов и связи;

— научно-технических и лабораторных исследований;

— по связям с общественностью и средствами массовой информации;

— автоматизированных информационных систем.

Планирование и инспекция возложены на службу контроля, планирования и оценки. Эта служба имеет в своем составе два отдела:

— отдел инспекторского контроля, осуществляющий проверку периферийных подразделений ФБР, включая оценку уровня агентурно-оперативной работы и делопроизводства;

— отдел планирования и оценок, занимающийся подготовкой предложений по совершенствованию деятельности аппарата ФБР и определением ее главных направлений и целей. На этот отдел

возложена координация оперативной работы различных подразделений ФБР. Все крупнейшие операции, в особенности контрразведывательные, до их утверждения директором ФБР или его заместителем подлежат согласованию со специалистами отдела.

В 1995 году в ФБР работало 22 тысячи сотрудников, в том числе 10 тысяч оперативных работников, а его годовой бюджет составил 2,2 млрд долларов. В последние два года бюджет ФБР вновь засекречен. К 1999 году число сотрудников возросло до 28 тысяч, из них 11 400 оперативников.

В качестве учебных центров для подготовки своих кадров ФБР имеет академию в Куантико, штат Виргиния и Восточноевропейский филиал академии в Будапеште. Академия ФБР была открыта в 1972 году. А до ее создания подготовка сотрудников ФБР велась на курсах, располагавшихся вблизи Вашингтона. Срок обучения в академии составляет 11 недель, так как принимаемые в нее слушатели уже должны иметь высшее образование. За год через академию проходит четыре потока слушателей. Ежегодно выпускниками академии становятся около 1000 граждан США и до 120 слушателей из других, прежде всего латиноамериканских, государств, подготовка которых ведется в рамках международного сотрудничества ФБР.

После ликвидации Варшавского Договора и последующего развала Советского Союза в Восточной Европе образовался политический вакуум. Однако этот вакуум был немедленно заполнен Соединенными Штатами, в том числе и по линии спецслужб. С начала 90-х годов страны Восточной Европы и СНГ стали полем активной деятельности ФБР. Вновь открывшиеся представительства ФБР начали регулярно организовывать разного рода «учебные мероприятия» для сотрудников правоохранительных органов этих стран. Для придания этой деятельности систематического характера в апреле 1995 года в Будапеште был открыт Восточноевропейский филиал Академии ФБР.

Срок обучения в филиале составляет 8 недель, и в течение года через него проходит 5 потоков слушателей. По свидетельству обучавшихся там сотрудников российского МВД, в целом процесс обучения нельзя назвать «новым словом в оперативно-розыскной деятельности», тем более что сами преподаватели слабо представляют особенности стран, в которых предстоит работать их выпускникам. Но руководство ФБР, приглашая на учебу коллег из Восточной Европы и СНГ, справедливо полагает главным не повышение их профессиональной квалификации, а приобретение агентов

американского влияния. И поэтому денег не жалеет: в 1996 году конгресс США выделил ФБР 12 млн долларов на проведение операций в России.

Как известно, в последние годы все американские государственные структуры страдают от пресловутой «политкорректности», подвергаясь всевозможным обвинениям в «расизме» и «сексизме». Не стало исключением и ФБР. Как с гордостью сообщается в его официальных документах, последний директор ФБР Луис Фри почти сразу же после вступления в должность назначил в октябре 1993 года помощниками директора женщину, испаноязычного американца и негра (это второй случай назначения негра на столь высокий пост за всю историю ФБР, женщины же и латиноамериканцы до таких служебных высот вообще никогда не поднимались). Кроме того, борясь с бюрократизацией, новый директор (чья годовая зарплата, кстати говоря, составляет в настоящее время 141 тыс. долларов) перевел 600 агентов из административных структур в полевые офисы ФБР.

История ФБР

Предшественником Федерального бюро расследований явилось созданное 26 июля 1908 года президентом Теодором Рузвельтом Бюро расследований. С инициативой об организации в структуре министерства юстиции специализированного органа уголовного и политического сыска выступил весной 1908 года генеральный прокурор Чарльз Бонапарт — внук младшего брата Наполеона Бонапарта Жерома и старый знакомый (с 1892 года) президента Рузвельта. Это предложение поначалу не встретило энтузиазма со стороны американских законодателей. Примечательно, что приказ генерального прокурора о создании Бюро расследований, отданный явно с одобрения президента, был датирован 1 июля 1908 года, то есть еще до одобрения проекта конгрессом.

Помимо чистой уголовщины, «специальные агенты» (так назывались сотрудники Бюро расследований) имели дело с относительно небольшим числом экономических преступлений, как-то: махинации, связанные с подлогами в объявлении банкротства или нарушениями антимонопольного законодательства. Новое поприще для их деятельности открылось в июне 1910 года после принятия закона Манна (так называемого «Закона о белых рабах»), устанавливающего ответственность за перемещение проституток через границы штатов. За несколько

лет число агентов Бюро возросло до 300 человек, кроме того в нем работало еще около 300 вспомогательных служащих. Само же Бюро, открыв свои филиалы во многих крупных городах (плюс несколько филиалов на мексиканской границе), фактически взяло на себя координацию деятельности полицейских служб штатов.

Начало Первой мировой войны поставило перед Бюро расследований новые задачи — его сотрудникам было поручено оказывать содействие военным контрразведывательным структурам. Несмотря на то что в первые годы войны США формально сохраняли нейтралитет, на территории Соединенных Штатов активно действовали немецкие шпионы и диверсанты. Так, ими было организовано около 50 взрывов на оборонных и химических предприятиях, среди которых особенно известен взрыв 30 июля 1916 года сотен тонн боеприпасов, хранившихся на острове Блэк-Том в нью-йоркской гавани (к слову сказать, Бюро расследований остановилось на версии несчастного случая, но после войны выяснилось, что это была диверсия).

В июне 1917 года вступил в силу так называемый Закон о шпионаже (16 мая 1918 года был принят новый закон, усиливший наказания, предусмотренные законом 1917 года). Его принятие было вызвано, главным образом, страхом перед немецкими шпионами и диверсантами. На основании этого закона Бюро получило право ареста подозреваемых в связях с противником, а также проводить профилактические мероприятия в отношении общественно опасных настроений. О том, насколько эффективными были действия американских контрразведчиков, авторы «Энциклопедии шпионажа» Норман Полмар и Томас Аллен пишут следующее:

«Вооруженные Законом о шпионаже, правоохранительные органы США совершили тысячи арестов, тысячи людей были привлечены к суду, однако среди них не оказалось ни одного шпиона. Закон о шпионаже превратился в инструмент борьбы с инакомыслием».

Не преуспев на поприще ловли немецких шпионов, Бюро расследований сосредоточило свои усилия на борьбе с инакомыслящими. Такой поворот был более чем актуален. В самом деле, вряд ли тогдашнее американское политическое руководство всерьез верило в возможность победы Германии в Первой мировой войне. А вот страх перед экспортом большевистской революции в Соединенные Штаты у него, несомненно, присутствовал.

В результате 1 августа 1919 года для борьбы с политическим радикализмом в составе Бюро расследований создается специальный отдел, переименованный в 1920 году в Управление

общих расследований (General Intelligence Division, GID). Вставший во главе этого подразделения 24-летний Джон Эдгар Гувер (назначенный в 1921 году заместителем директора Бюро и впоследствии возглавлявший ФБР на протяжении 48 лет) развил бурную деятельность, проводя массовые аресты «неблагонадежных элементов». Так, например, он арестовал свыше 200 членов профсоюза русских трудящихся, усмотрев в деятельности последнего «пропаганду анархии, атеизма, аморальности и насилия». В декабре 1919 года они были депортировали из страны. А в январе 1920 года Гувер организовал еще одну грандиозную облаву, в ходе которой в более чем 30 городах было одновременно арестовано 10 000 человек. Правда, большинство вскоре пришлось отпустить, а из 3500 лиц, отобранных для депортации, реально выслали из США лишь 556 человек.

Основными «внутренними врагами» американской политической системы в глазах GID были различные анархистские, коммунистические и профсоюзные организации. Среди последних особенно выделялась созданная в 1905 году и объединявшая в своих рядах более 6 тысяч человек организация «Индустриальные рабочие мира». На протяжении 1918–1919 годов ее члены неоднократно обвинялись Бюро расследований в подготовке различных террористических актов, однако доказательств этого добыть так и не удалось. К 1922 году Бюро располагало картотекой уже более чем на 500 тысяч американских граждан. В 1922 году на GID была возложена также борьба со шпионажем, наркобизнесом и проведение расследований в интересах других федеральных ведомств.

Однако с приходом в Белый дом президента Кэлвина Кулиджа деятельность Бюро расследований была переориентирована с преследований инакомыслящих на борьбу с уголовной преступностью. Возглавивший в марте 1924 года министерство юстиции Харлан Ф. Стоун приостановил программу борьбы с радикализмом, запретил GID прослушивание телефонных разговоров, привлечение к негласному сотрудничеству членов радикальных организаций и групп и внедрение в их ряды официальных сотрудников Бюро. Стоя на формальных позициях «буржуазной юстиции», Стоун полагал, что компетенция ФБР должна определяться федеральными законами. Практика последующих десятилетий наглядно продемонстрировала, что он заблуждался.

В мае того же 1924 года Гувер был назначен исполняющим обязанности директора Бюро расследований, а в декабре он стал его полноправным директором. На момент прихода Гувера к

руководству в Бюро расследований работало 650 служащих, включая 441 специального агента.

В 1932 году конгресс утвердил федеральный закон о похищениях людей, ставший первым из длинной череды юридических актов, постепенно расширивших полномочия и влияние Бюро расследований, которое 1 июля того же года было переименовано в Бюро расследований США. В августе 1933 года последовало новое переименование, и Бюро стало называться Управлением расследований. При этом сфера деятельности организации резко расширилась — в его состав была включена служба, контролирующая выполнение «сухого закона» (впрочем, в декабре 1933 года «сухой закон» был отменен). Наконец, в июле 1935 года ведомство Гувера было преобразовано в Федеральное бюро расследований (ФБР), а Гувер стал его первым директором.

Хотя все эти годы основное внимание ФБР уделялось борьбе с преступностью, Гувер, будучи убежденным антикоммунистом, ни на минуту не забывал, что главными врагами Соединенных Штатов являются не гангстеры и мафиози, а большевики и прочие инакомыслящие. В этом он нашел поддержку и понимание президента Франклина Рузвельта. 25 августа 1936 года Ф. Рузвельт поручил Гуверу начать широкое негласное наблюдение за деятельностью оппозиционных политических партий и групп, как левых, так и правых. При этом была сделана оговорка, что полученные таким образом материалы не могут служит основанием для судебных преследований и выступать в качестве доказательств.

А в июне 1939 года Рузвельт, опять же тайно, распорядился о том, чтобы все государственные структуры докладывали в ФБР о каждом факте, «непосредственно или косвенно относящемся к шпионажу, контршпионажу и саботажу». Таким образом, с 1939 года ФБР становится головным органом контрразведки США. В связи с этим в сентябре 1939 года в составе ФБР было воссоздано Управление общих расследований с целью «расследования деятельности групп и граждан, вовлеченных в подрывную, шпионскую и любую другую деятельность, которая создает угрозу национальной безопасности США».

В 1934 году конгресс запретил телефонное прослушивание (Закон о средствах связи). Но тем не менее ФБР с санкции министерства юстиции продолжало этим заниматься, поскольку руководство министерства трактовало закон как запрет не на само прослушивание, а лишь на разглашение информации, полученной таким способом. А в мае 1940 года Рузвельт издал секретную директиву, разрешавшую прослушивать телефоны людей, подозреваемых в подрывной антигосударственной

деятельности.

В июне 1940 года сотрудники ФБР тайно проникли в нью-йоркский офис Американского молодежного конгресса и перефотографировали некоторые документы, среди которых были письма от Элеоноры Рузвельт, жены президента. Также шеф ФБР санкционировал и «негласные обыски» и в помещениях черных общин Соединенных Штатов, объясняя это своей озабоченностью по поводу «брожения среди негров». Таким образом, мы наблюдаем парадоксальную закономерность: разгул политических репрессий со стороны Бюро расследований приходится на президентство либерала Вудро Вильсона, затем эта деятельность прекращается при консервативном президенте Кэлвине Кулидже и вновь расцветает при либерале Франклине Рузвельте.

После начала Второй мировой войны Гувер отдал распоряжение своим подчиненным подготовить справки на всех лиц, замеченных «в симпатиях к Германии, Италии и коммунизму». Фамилии этих людей заносились в особый список, по которому планировалось провести аресты в случае вступления Соединенных Штатов в войну. Гувер также санкционировал негласные обыски в помещениях дипломатических представительств иностранных держав с целью получения секретной информации.

В июне 1940 года в составе ФБР создается Служба специальной разведки, перед которой была поставлена задача препятствовать внедрению нацистских тайных агентов и шпионов в страны Латинской Америки. Таким образом, полномочия ФБР как контрразведывательной организации впервые распространились за пределы Соединенных Штатов.

7 декабря 1941 года после неожиданного удара японской авиации по Перл-Харбору Соединенные Штаты вынуждены были вступить во Вторую мировую войну. На следующий же день ФБР начало аресты по своим заранее подготовленным спискам. К 10 декабря было задержано 2342 человека из числа граждан Японии, Германии и Италии. Впрочем, когда 19 февраля 1942 года президент Рузвельт подписал чрезвычайный указ № 9066 о выселении из западных штатов всех без исключения лиц японской национальности и размещении их в лагерях в центральной части страны (согласно этому указу было интернировано около 120 тысяч человек, из которых две трети являлись американскими гражданами), выполнение этой миссии было возложено на военных. Таким образом, ведомство Гувера избежало сомнительной чести организовывать массовые депортации.

Поскольку в военное время роль ФБР как главной

контрразведывательной службы существенно выросла, резко увеличились и его полномочия, а также численность аппарата. Если в 1940 году в ФБР работало всего 898 агентов, то к 1943 году — 4000, а в 1945 году — уже 4886 человек, при этом общее число сотрудников достигало 13 тысяч.

Следует сказать, что в отличие от печального опыта предыдущей войны в ходе Второй мировой войны ФБР действовало весьма успешно. За все годы войны ни немцам, ни японцам так и не удалось создать на территории Соединенных Штатов постоянно действующую агентурную сеть. Эффективно действовала и работавшая в Латинской Америке Служба специальной разведки ФБР, в первую очередь благодаря помощи дружественных США латиноамериканских режимов. На момент «расцвета» эта служба насчитывала 360 сотрудников, многие из которых работали в американских дипломатических миссиях «легальными резидентами» в качестве атташе. Собранная ими информация позволила арестовать 389 шпионов, 30 диверсантов и 281 нацистского агитатора.

После окончания Второй мировой войны СССР из недавнего союзника Соединенных Штатов превращается в их главного противника, и в стране начинает раскручиваться антикоммунистическая истерия. Тогда-то и наступил «звездный час» Гувера. В 1947 году президент Г. Трумэн возложил на ФБР задачи по определению благонадежности государственных служащих и кандидатов на замещение государственных постов и должностей. В 1948 году министерство юстиции поручило ФБР арестовать 145 лидеров Компартии США и возбудить против них уголовные дела в соответствии с «законом Смита», запрещающим призывы к насильственному свержению существующего государственного строя. 109 человек были затем осуждены, и на большинстве процессов основными свидетелями со стороны обвинения выступали информаторы ФБР, внедренные в свое время в Коммунистическую партию.

Борясь с врагами «американского образа жизни», ведомство Гувера на протяжении 40 — 60-х годов регулярно само нарушало американские законы, проводя «негласные обыски», организовывая незаконное прослушивание телефонных переговоров, осуществляя перехват корреспонденции и организуя разного рода провокации. Особенно широкий размах эта деятельность получила после того, как в 1956 году Гувер запустил в действие глобальную программу «Коинтелпро» («Контрразведывательная программа»).

Первоначально эта программа была направлена против Коммунистической партии США. Однако вскоре операция

«Коинтелпро» вышла за рамки внедрения тайных агентов ФБР в ряды коммунистов. Гувер санкционировал установление слежки за всеми организациями, деятельность которых, по его мнению, шла вразрез с политикой американского правительства.

Как известно, в представлении черносотенной общественности дореволюционной России образ «внутреннего врага» состоял из трех частей: жиды, социалисты и студенты. Неизвестно, был ли знаком Гувер с новейшей русской историей, однако он полностью отработал этот список, организовав негласные обыски в вашингтонском офисе Еврейского культурного общества, в помещении Социалистической партии трудящихся и офисе ассоциации «Студенты за демократическое общество». Кроме того, тайным визитам гостей в штатском подверглись в разное время ку-клукс-клан, негритянские и пуэрто-риканские националистические организации, религиозная община «Свидетели Иеговы» (ее члены уклонялись от воинского призыва и отказывались отдавать честь американскому государственному флагу), пацифистское объединение «Духовенство и миряне, озабоченные судьбой Вьетнама», Американский совет христианских деятелей, Ассоциации китайских прачек — и это только малая часть списка. В меморандуме ФБР, переданном в январе 1976 года в сенатскую комиссию Черча, признается «по меньшей мере» 238 незаконных проникновений в 15 организаций за период с 1942 по 1968 год.

Официально практике незаконных обысков был положен конец самим Гувером в 1966 году, но в действительности они по-прежнему продолжались. В период действия «Коинтелпро» с 1956 по 1971 год ежегодно осуществлялось около ста тайных операций. С 1955 по 1975 год ФБР расследовало 740 000 дел, связанных с подрывной деятельностью. К 1975 году в картотеке Бюро скопилось 6,5 миллиона досье на «внутренних врагов». К началу 1971 года в рамках «Коинтелпро» велось пять проектов: «Новые левые», «Черные националисты», «Белые группы ненависти», «Шпионаж» и «Компартия США».

Как это нередко бывает, событие, повлекшее за собой конец всей этой плодотворной деятельности, было в общем-то случайным. 8 марта 1971 года группа неизвестных, назвавшая себя Комиссией граждан по расследованию деятельности ФБР, проникла в помещение отделения ФБР в городе Медиа (пригород Филадельфии), штат Пенсильвания. Вынеся оттуда свыше тысячи различных документов, самозванная «комиссия» сняла с них копии, которые были разосланы редакциям газет, конгрессменам, журналистам и общественным организациям. Среди преданных гласности материалов оказались и документы, касающиеся

программы «Коинтелпро — «Новые левые». В результате, чтобы избежать дальнейшей огласки, Гувер был вынужден полтора месяца спустя, 27 апреля 1971 года, отдать директиву о прекращении всех мероприятий по «Коинтелпро».

Однако широкую и скандальную огласку проект «Коинтелпро» получил лишь через три года после смерти Гувера, в 1975 году, в ходе работы сенатской комиссии Ф. Черча, созданной с целью расследования злоупотреблений американских спецслужб. В 1976 году несколько жертв незаконных операций ФБР подали в суд и после 10 лет судебных разбирательств выиграли процесс. По решению суда им было выплачено 46 тысяч долларов компенсации.

Скандал с «Коинтелпро», смерть Гувера, обладавшего колоссальными связями в американских верхах для лоббирования интересов своей организации, а также последовавшая через год вынужденная отставка его преемника Л. Патрика Грея, замешанного в «Уотергейте», пошатнули позиции и влияние ФБР. В 1976 году генеральный прокурор США постановил, что «все оперативные мероприятия, проводимые в интересах обеспечения национальной безопасности, должны основательно контролироваться, так как они могут представлять опасность для гражданских прав». В результате, как и в 1924 году, ФБР было загнано в прокрустово ложе американских законов.

Однако если ФБР в целом сегодня скрупулезно соблюдает американское законодательство (по крайней мере, так официально утверждается), то об отдельных его сотрудниках этого не скажешь. Если в 1997 году дисциплинарным взысканиям подверглось 212 сотрудников ведомства, из которых 19 было уволено, то в 1998 году взыскания получил 301 сотрудник, а количество уволенных достигло 32.

Руководители ФБР

— июль 1908 — апрель 1912 года — Стэнли У. Финч;

— апрель 1912 — февраль 1919 года — А. Брюс Биласки;

— февраль-июль 1919 года — Уильям Е. Аллен (исполняющий обязанности);

— июль 1919 — август 1921 года — Уильям Дж. Флинн;

— август 1921 — май 1924 года — Уильям Дж. Бернс;

— май 1924 — 2 мая 1972 года — Джон Эдгар Гувер;

— 3 мая 1972 — 27 апреля 1973 года — Л. Патрик Грей (исполняющий обязанности);

— 27 апреля — 9 июля 1973 года — Уильям Д. Ракелсхауз

(исполняющий обязанности);

— 9 июля 1973 — февраль 1978 года — Кларенс М. Келли;

— февраль 1978 — 26 мая 1987 года — Уильям Г. Уэбстер;

— 26 мая — 2 ноября 1987 года — Джон Отто (исполняющий обязанности);

— 2 ноября 1987 — 19 июля 1993 года — Ульям С. Сешнс;

— 19 июля — 1 сентября 1993 года — Флойд И. Кларк (исполняющий обязанности);

— 1 сентября 1993 — июль 2001 года — Луис Дж. Фри;

— с июля 2001 года — Роберт Мюллер.

Центральное разведывательное управление (ЦРУ)

Созданное в самом начале «холодной войны», Центральное разведывательное управление по праву является наиболее знаменитой из современных американских спецслужб. Однако ведущее положение ЦРУ в Разведывательном сообществе США определяется отнюдь не тем, что это самая крупная или самая финансируемая из входящих в него организаций. Ни по количеству сотрудников, ни по размеру бюджета оно не занимает первых мест, уступая тому же АНБ. Лидирующая роль ЦРУ состоит в том, что оно координирует деятельность всех многочисленных и разнообразных американских разведок. Для этого, собственно, его и создал в свое время президент Г. Трумэн. Директор ЦРУ подчиняется непосредственно президенту США, по своей должности он одновременно занимает пост директора центральной разведки и в этом качестве фактически является оперативным руководителем Разведывательного сообщества.

Однако и само по себе ЦРУ представляет собой мощнейшую организацию, занимающуюся сбором и обработкой разведывательных данных, вербовкой агентуры и управляющую всеми тайными операциями США за рубежом.

Структура ЦРУ

Как уже было сказано, в отличие от руководителей других американских спецслужб директор ЦРУ непосредственно подчиняется президенту США. По своей должности он одновременно является и директором центральной разведки, то есть возглавляет Разведывательное сообщество США и занимается координацией разведывательной деятельности входящих в него спецслужб.

Как известно, непосредственная предшественница ЦРУ (созданная в январе 1946 года Группа центральной разведки — ГЦР) имела в известной степени военизированный характер, а все ее руководители были представителями вооруженных сил. Военными были и два первых директора ЦРУ. Это объяснялось спецификой момента: большинство подразделений американской разведки, деятельность которых была связана с координацией новых структур, относилось к военным. Первым нарушил эту «традицию» знаменитый Аллен У. Даллес, ставший директором ЦРУ в феврале 1953 года и занимавший этот пост 8 с половиной лет (рекорд, до сих пор не превзойденный никем из его преемников). С тех пор руководителями ЦРУ назначаются, как правило, гражданские лица, хотя изредка на этот пост попадают и генералы с адмиралами. В целом же ЦРУ носит штатский характер, и те его сотрудники, которые являются военнослужащими, состоят в кадрах министерства обороны.

Кроме директора, в руководство ЦРУ входят:

— заместитель (фактически — 1-й заместитель) директора ЦРУ, который помогает своему шефу руководить ЦРУ и Разведывательным сообществом и замещает его в случае отсутствия, болезни и т. п.;

— исполнительный директор, осуществляющий повседневное руководство деятельностью ЦРУ и возглавляющий исполнительный совет, пятеро членов которого отвечают за финансы, информацию, службу безопасности, человеческие ресурсы и глобальную поддержку, что позволяет оперативным и аналитическим структурам ЦРУ осуществлять работу по защите американской демократии;

— генеральный инспектор, возглавляющий отдел генерального инспектора, который занимается проведением дисциплинарных проверок и служебных расследований деятельности подразделений ЦРУ; генеральный инспектор назначается президентом и утверждается сенатом, подотчетен президенту и конгрессу, но обязан полностью согласовывать свою деятельность с директором ЦРУ; отдел генерального инспектора имеет собственный бюджет и автономный (в рамках ЦРУ) кадровый аппарат;

— четыре заместителя директора, возглавляющие отдельные директораты:

зам. директора по разведке;

зам. директора по науке и технике;

зам. директора по операциям;

зам. директора по административным вопросам.

Штаб-квартира ЦРУ находится в расположенном недалеко от

Вашингтона небольшом городе Лэнгли, штат Виргиния. Основу ЦРУ составляют четыре директората.

1. Разведывательный директорат.

Разведывательный директорат занимается обработкой и анализом разведывательной информации, полученной из различных источников, и готовит на ее основе сводки для президента, Совета национальной безопасности и конгресса, а также для членов Разведывательного сообщества США. Иными словами, этот директорат является аналитическим органом ЦРУ. Количество его сотрудников составляет, по некоторым оценкам, примерно 4 тысячи человек.

После ликвидации Варшавского Договора и последовавшего вскоре распада СССР «образ врага» в глазах американских избирателей существенно померк. То есть, конечно же, Россия и без коммунистов остается «источником зла», но «зло» это явно ужалось в размерах и, как следствие, стало менее пугающим. В результате в США стали раздаваться голоса о необходимости сокращения деятельности спецслужб и соответственно их финансирования. И действительно, с 1991 по 1997 год бюджет американского разведсообщества ежегодно уменьшался.

В рамках этих веяний в 1994 году тогдашний зам. директора ЦРУ по разведке Дуглас Дж. МакИчин создал комиссию по реорганизации и сокращению своего директората. Комиссия работала три года, после чего в 1997 году коренная реорганизация разведывательного директората действительно состоялась. Правда, при этом сменился и глава разведывательного директората — им стал Джон И. МакЛаулин. Произошло ли при этом сокращение персонала — неизвестно. Даже если оно и было, то, поскольку бюджет разведсообщества начиная с 1998 года опять начал расти, в последующие годы эти кадровые потери наверняка были с лихвой компенсированы. Но перестройка структуры разведывательного директората действительно была серьезной. Если до 1997 года в нем имелось пять территориальных отделов, то теперь их стало три: отделы России и Европы были слиты, а отдел Африки и Латинской Америки разделен между двумя другими отделами. В результате в настоящее время в директорате имеются:

— отдел России и Европы;

— отдел Ближнего Востока, Южной Азии и Африки;

— отдел Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки.

Следует заметить, что в английском оригинале названий этих отделов присутствует также слово analysis. Так, например, название отдела России и Европы в оригинале выглядит как Office

of Russian and European Analysis, что дословно можно перевести как отдел российских и европейских анализов.

Помимо территориальных отделов, в состав разведывательного директората в настоящее время входят: Отдел транснациональных проблем, Отдел политической поддержки, Отдел автоматизированных аналитических инструментов, Отдел вспомогательных служб, Штаб по сбору требований и оценке и Совет по замещению разведывательных должностей.

Отдел транснациональных проблем занимается анализом различных вопросов, выходящих за рамки отдельно взятой страны или региона и относящихся, как правило, к одной из четырех основных групп: оружие, иностранные технологии, экономическая безопасность, общественные конфликты. Среди этих вопросов можно выделить следующие:

1) изучение иностранных вооружений, в особенности ракетных систем, их технических характеристик и влияния, которое может оказать их появление на политическую стабильность и положение американских вооруженных сил в соответствующем регионе;

2) экспертиза иностранных достижений в области информационных технологий и телекоммуникаций, с тем чтобы защитить национальную инфраструктуру США от возможных атак и предотвратить нежелательные технологические сюрпризы;

3) экспертиза состояния международных энергоресурсов, торговли и финансов, с тем чтобы помочь официальным лицам США, отвечающим за американскую энергетическую стабильность и безопасность международных финансовых рынков;

4) оценка ситуации в «горячих точках» планеты — положения с продовольствием, потоков беженцев и т. п., с тем чтобы можно было планировать последующее вмешательство американских миротворцев;

5) экспертиза криминальной деятельности, такой, как отмывание денег, незаконная торговля оружием, иностранная контрабанда и нарушение международных санкций;

6) долгосрочные стратегические оценки региональной военной, экономической и политической динамики и ее воздействия на американские глобальные интересы.

Отдел политической поддержки был создан в 1998 году и обеспечивает доставку разведсведений высшим должностным лицам США, а также органам, отвечающим за американскую безопасность. Первым из основных «клиентов» отдела является Президентский штаб аналитической поддержки (President's Analytical Support Staff), сотрудники которого, в свою очередь, ежедневно готовят три письменных обзора и ежедневно проводят

разведывательные брифинги для президента, вице-президента и других высших должностных лиц страны, отвечающих за национальную безопасность. Второй основной клиент отдела — оперативный центр ЦРУ. Он круглосуточно анализирует поступающую информацию с целью выявления признаков назревания кризисных ситуаций, угрожающих национальной безопасности США и немедленного информирования об этом руководства ЦРУ. Кроме того, отдел политической поддержки содержит небольшой штат, который занимается проверкой качества выдаваемой аналитической продукции директората.

Отдел автоматизированных аналитических инструментов представляет собой объединенный отдел разведывательного и научно- технического директоратов. Занимается приобретением, установкой и модернизацией аппаратного и программного обеспечения, а также внедрением новых математических методов, обеспечивая аналитиков ЦРУ необходимыми для их работы вычислительными ресурсами. В частности, в 1987 году в разведывательном директорате был установлен новейший суперкомпьютер CRAY.

Отдел вспомогательных служб поддерживает и разрабатывает информационно-прикладные системы, обеспечивает другие подразделения директората картами, аппаратурой для аудио- и видеозаписи, издательскими услугами, а также проводит обучение и консультации по информационным системам, программному обеспечению и т. п.

Штаб по сбору требований и оценке ставит задачи перед сборщиками развединформации, отвечает за то, чтобы органы, добывающие развединформацию всех видов — будь то фоторазведка, радиоэлектронная или агентурная разведка, — собирали именно те сведения, которые необходимы аналитикам разведывательного директората. Кроме того, готовит для директората разнообразные обзоры, информационные релизы и т. п.

Совет по замещению разведывательных должностей был создан в 1997 году с целью обеспечивать высокое качество кадров директората. Работает в тесном сотрудничестве с руководителями директората и планирует замещение будущих вакансий путем привлечения новых сотрудников, а также обучения и выдвижения уже имеющихся. Важной частью работы совета является повышение квалификации разведывательных кадров. Им разработана программа профессионального развития для всех сотрудников директората. Обучение сотрудников ведется по следующим курсам: политическая разведка; военная разведка; экономическая разведка;

научно-техническая и военно-промышленная разведка;
сбор сведений;
изучение иностранных лидеров;
информационные системы и службы;
производственное обеспечение;
административное обеспечение; распознавание образов;
менеджмент.

К структуре разведывательного директората также относятся три центра, созданные в разное время при директоре ЦРУ и выполняющие задачи по координации усилий в соответствующей области не только ЦРУ, но и всего Разведывательного сообщества США: Центр по международной преступности и наркотикам, Центр по окружающей среде и Центр по нераспространению оружия массового уничтожения.

Центр по международной преступности и наркотикам. В апреле 1989 года при директоре ЦРУ был создан Антинаркотический центр (Counternarcotics Center — CNC). В 1994 году функции этого центра были расширены и он стал заниматься также международной организованной преступностью, получив новое название, но сохранив при этом прежнюю аббревиатуру (Crime and Narcotics Center — CNC). Центр укомплектован представителями всех четырех директоратов ЦРУ, кроме того, в его работе непосредственно участвуют представители большинства структур Разведывательного сообщества, занимающихся борьбой с преступностью и наркотиками.

Центр по окружающей среде создан в 1997 году. Он координирует всю деятельность Разведывательного сообщества, связанную с проблемами охраны окружающей среды. Естественно, политические, экономические и научные аспекты этих проблем анализируются постольку, поскольку они затрагивают американские интересы. В рамках своей деятельности центр дает оценку международных преступлений против окружающей среды; оказывает поддержку американским официальным лицам во время переговоров по соглашениям об охране окружающей среды и оценивает иностранную политику в области охраны окружающей среды; оценивает роль, которую играет состояние окружающей среды в изучаемой стране, региональном конфликте и т. п.; поддерживает на международной арене деятельность других правительственных структур США в области охраны окружающей среды; предоставляет данные по окружающей среде частным американским агентствам.

Центр по нераспространению оружия массового уничтожения создан в сентябре 1991 года. Он занимается

анализом технических аспектов вооружения и космических систем других стран, анализом информации по ядерному, химическому и биологическому оружию, атомной энергетике, системам оружия тактического и общего назначения, средствам ПВО, политикой в области научно-технического прогресса, а также координирует по этим вопросам деятельность всего Разведывательного сообщества.

В свое время в состав разведывательного директората входил и отдел по анализу информации об иностранных лидерах. Задачей этого отдела было предоставление по мере необходимости руководству США характеристик иностранных политических лидеров и организаций. Однако в размещенной на официальном сайте ЦРУ в Интернете новой структуре разведывательного директората этот отдел отсутствует. Означает ли это, что данное подразделение пало жертвой реорганизации 1997 года или же гласность в ЦРУ имеет определенные пределы, — этот вопрос пока остается открытым.

2. Научно-технический директорат.

Научно-технический директорат проводит исследования и разработки в области технических средств сбора информации, обслуживает эту аппаратуру целевого назначения и осуществляет обмен информацией с крупнейшими научными центрами США. В структуру директората входят:

— Отдел исследований и разработок технических систем, занимающийся фундаментальными и прикладными научно-техническими исследованиями и разработками в самых различных областях — связи, датчиков систем, полупроводников, искусственного интеллекта, моделирования процессов и пр.;

— Отдел перехвата, который разрабатывает, эксплуатирует и обслуживает новейшую аппаратуру, необходимую для выполнения с максимальной эффективностью задач по сбору и анализу информации;

— Отдел технического обеспечения, осуществляющий исследования, разработки и изготовление различной оперативной техники — средств тайнописи, подслушивания, скрытого фотографирования, кодирования и расшифровки.

— Служба информационного обеспечения зарубежного радиовещания, которая руководит сетью радиопостов, подслушивающих и записывающих радио и телепередачи;

— Национальный центр расшифровки материалов аэрокосмической разведки.

3. Оперативный директорат.

Оперативный директорат (до 1972 года носивший название директорат планирования) — самый закрытый из четырех

директоратов ЦРУ. В свое время он был настолько засекречен, что даже фотографию его руководителя нельзя было публиковать. И сегодня на официальном сайте ЦРУ в Интернете имеются биографии директора ЦРУ и его заместителей, однако биография зам. директора ЦРУ по операциям отсутствует, указана лишь его фамилия — Джеймс Л. Пэвит.

Оперативный директорат решает задачи по поиску и получению информации силами агентурной разведки, организует и осуществляет тайные операции, контрразведывательное обеспечение агентурно-оперативных мероприятий, ведет борьбу с терроризмом и наркобизнесом. Таким образом, оперативный директорат является «добывающим», а разведывательный директорат — «обрабатывающим» органом ЦРУ. Хотя по американским законам ЦРУ не имеет права использовать многие из методов своей работы на территории Соединенных Штатов, в этих правилах предусмотрено исключение — для тех случаев, когда информация поступает на добровольной основе от граждан или организаций из США.

По неофициальным данным в оперативном директорате работает около 8 тысяч человек. В его структуру входят:

— Отдел внешней разведки, который осуществляет контроль за оперативной деятельностью региональных отделов, оценивает надежность источников информации и разрабатывает практические рекомендации для оперативных подразделений;

— Центр контрразведки, созданный в 1988 году, который обеспечивает безопасность разведывательной деятельности резидентур ЦРУ, осуществляет агентурное проникновение в иностранные спецслужбы и работает с перебежчиками;

— Отдел тайных операций;

— Отдел технических служб, отвечающий за техническое обеспечение тайных операций, а во время президентских визитов за пределы Штатов обеспечивающий защиту каналов связи;

— Финансово-плановый отдел, обеспечивающий планирование и финансирование всей деятельности директората;

— Центр по борьбе с терроризмом, созданный в 1986 году, который координирует деятельность подразделений ЦРУ, специализирующихся на борьбе с международным терроризмом, а также является главным источником информации по терроризму для Разведывательного сообщества США.

4. Административный директорат.

Административный директорат занимается вопросами подбора, подготовки и переподготовки кадров, обеспечивает безопасность персонала и объектов ЦРУ, осуществляет шифросвязь с резидентурами, отвечает за снабжение, финансы и

медицинское обслуживание. Численность его персонала оценивается в 5 тысяч человек. В структуру директората входят:

— Отдел кадров;
— Отдел подготовки и переподготовки кадров;
— Отдел безопасности;
— Финансовый отдел;
— Отдел хранения и поиска информации;
— Отдел компьютерной техники;
— Отдел связи;
— Медицинский отдел;
— Хозяйственный отдел.

Кроме директоратов в структуре ЦРУ имеются:

— Отдел главного юрисконсульта, сотрудники которого следят за соблюдением работниками ведомства Конституции и законов, уголовного кодекса, а также действующих правил и инструкций;

— Отдел финансового ревизора, контролирующий всю финансовую деятельность ЦРУ;

— Отдел по связям с общественностью, отвечающий за работу со средствами массовой информации, политиками и широкой публикой;

— Центр по изучению разведки, занимающийся изучением истории ЦРУ.

Численность сотрудников ЦРУ составляет примерно 16–18 тысяч человек. Ежегодный бюджет ЦРУ оценивается в 3–4 млрд долларов. Кроме того, значительная часть расходов ЦРУ проходит по закрытым статьям бюджета министерства обороны.

История ЦРУ

Идея создания ЦРУ была выдвинута в 1943 году генерал-майором Уильямом Дж. Донованом, возглавлявшим в то время Управление стратегических служб (УСС). Стремясь спасти свое ведомство от послевоенной демобилизации, он предложил создать на его базе по окончании Второй мировой войны общенациональную разведывательную организацию, приспособленную к деятельности в мирный период. Эту идею он высказал в рапорте в сентябре 1943 года в ответ на запрос от генерала Уолтера Бедела Смита, занимавшего в то время должность начальника штаба у Эйзенхауэра, где предлагал интегрировать УСС в военную среду, придав ему статус «четвертого рода войск» (наравне с армией, флотом и авиацией). После того как на рапорт не последовало никакой реакции, в

ноябре 1944 года Донован направил меморандум на имя президента Рузвельта.

Однако идее создания «центральной разведки» в то время не был дан ход. Полагая, что лучше быть первым парнем на деревне, чем вторым в городе, против нее дружно выступили все обладатели многочисленных мелких и крупных американских разведок, начиная от комитета начальников штабов и государственного департамента и кончая ФБР. Так, в феврале 1945 года в ряде американских газет появилась серия инспирированных публикаций, в которых план Донована был представлен как некий заговор с целью создания «американского гестапо».

В результате объединенная разведка как «четвертый род войск» так и не была создана, а 20 сентября 1945 года президент Г. Трумэн подписал указ о ликвидации Управления стратегических служб с 1 октября того же года. При этом отдел исследований и анализа УСС был передан в госдепартамент, а отделы тайных операций и контрразведки — в военное министерство, где они были реорганизованы в подразделение стратегических служб.

Однако, как известно, у семи нянек дитя без глазу. Имея множество независимых разведок и разведочек, вряд ли можно добиться ощутимых успехов на «невидимом фронте». Осознав это, Трумэн уже 22 января 1946 года подписал директиву о создании штаба национальной разведки (National Intelligence Authority), в который вошли личный представитель президента, госсекретарь, а также военный и военно-морской министры. В качестве исполнительного органа при Штабе была создана Группа центральной разведки (ГЦР), призванная координировать деятельность всех подразделений американской разведки. Главная задача, поставленная перед ГЦР, заключалась в подготовке для Трумэна ежедневных и еженедельных оперативных разведывательных сводок. Во главе ГЦР был поставлен заместитель директора морской разведки контр-адмирал Сидней У. Суэрс, который одновременно получил должность директора центральной разведки и статус члена Штаба национальной разведки без права голоса.

Преемником Суэрса на посту руководителя ГЦР в июне 1946 года стал генерал-лейтенант Хойт С. Ванденберг. Благодаря его усилиям ГЦР из органа, готовящего сводки на основе информации, добытой другими, постепенно начала превращаться в полноценную разведслужбу. Фактически, Ванденберг попытался восстановить на базе своего ведомства структуру ликвидированного УСС. Так, он создал Управление исследований

и анализа, позже переименованное в Управление оценок по рекомендации представителей госдепартамента. В состав ГЦР вернулось и Подразделение стратегических служб, составлявшее в свое время основу УСС. Это дало ГЦР право вести тайную внешнюю разведку. Ванденберг добился для ГЦР права работать в Латинской Америке, которая в годы Второй мировой войны являлась зоной ответственности ФБР.

Собственно ЦРУ в таком виде, как оно сейчас существует, было создано в соответствии с законом о национальной безопасности, подписанным Трумэном 26 июля 1947 года. В соответствии с этим законом создавались министерство обороны, объединяющее под своим руководством все отдельные рода войск, Совет национальной безопасности (СНБ) — для координации государственной оборонной и внешней политики и Центральное разведывательное управление — на основе ГЦР. При этом было решено, что директор ЦРУ станет и директором центральной разведки и будет одновременно возглавлять ЦРУ и отвечать за деятельность всех прочих американских спецслужб, занимающихся сбором информации. Формально ЦРУ начало существовать 18 сентября 1947 года.

Поправка 1949 года к закону о национальной безопасности предоставила ЦРУ дополнительные возможности, а именно: держать в секрете официальные должности и размер зарплаты, бюджет, вести самостоятельную финансовую деятельность, выдавать вид на жительство иностранцам и членам их семей (как правило, перебежчикам и иностранным агентам).

Как известно, в 30-е годы Рузвельт санкционировал тайные операции ФБР внутри США. Его же преемник Трумэн подписал в декабре 1947 года секретную директиву о проведении тайных операций ЦРУ по всему миру. Директива была отпечатана всего в трех экземплярах: один для Белого дома, второй — для госдепартамента, третий — для директора ЦРУ контр-адмирала Роско Г. Хилленкотера. Разумеется, тайные операции, говорилось в директиве СНБ, должны были стать всего лишь «ответом на акции Советского Союза или инспирированные Советским Союзом, которые представляют угрозу миру и безопасности, направлены на дискредитацию политики Соединенных Штатов или на противодействие ей».

Однако если заранее известно, что твой противник — «империя зла», которая обязательно будет строить всевозможные козни против «свободного мира» во главе с Соединенными Штатами, то стоит ли ждать, когда ее коварные планы будут претворены в жизнь. Не лучше ли будет нанести упреждающий удар? Как известно, нападение Германии на СССР в 1941 году

было представлено нацистской пропагандой в качестве «ответной акции» — Гитлер якобы лишь упредил агрессивные намерения Советского Союза. В сходном направлении рассуждали и американцы: в июне 1948 года появилась еще одна директива СНБ, санкционировавшая уже «прямые превентивные акции, включая диверсионные и контрдиверсионные действия, подрывную работу, эвакуационные мероприятия, а также поддержку подпольных движений сопротивления на местах…»

Вскоре был разработан и механизм проведения тайных операций. СНБ рекомендовал осуществлять их в тех случаях, когда решал, что та или иная цель американской внешней политики не может быть достигнута средствами дипломатии, а военная акция слишком рискованна или неоправданна. Одновременно директору ЦРУ давалось указание разработать соответствующее прикрытие, чтобы США всегда могли откреститься от своей причастности к подобной операции.

Руководствуясь «доктриной Трумэна» по сдерживанию коммунизма, сотрудники ЦРУ помогли королевскому режиму Греции разгромить армию партизан-коммунистов (ЭЛАС), которая в период нацистской оккупации вела мужественную борьбу с немецкими, итальянскими и болгарскими захватчиками (в то время как королевская армия отсиживалась под крылом англичан в Египте). В Италии путем подрывных акций и массированных денежных вливаний к власти были приведены христианские демократы, нанесшие поражение на выборах коммунистической партии, которая руководила движением сопротивления в годы войны и пользовалась в стране гораздо большим влиянием.

Для проведения тайных акций в ЦРУ было создано Управление специальных операций (УСО). Однако и здесь не обошлось без конкуренции. Вскоре аналогичное подразделение — Управление координации политики (УКП) — было создано и в составе госдепартамента США. Возглавил его заместитель госсекретаря США и ветеран УСС Фрэнк Уиснер. Естественно, между обеими структурами сразу же завязалась бюрократическая междоусобица. Конфликт принял острые формы после того, как УСО попыталось завербовать в Таиланде агента, который уже работал на УКП.

Проблема была решена при преемнике Хилленкотера (который был снят с должности Трумэном в октябре 1950 года, в основном из-за того, что ЦРУ не смогло предсказать начало корейской войны). Новый директор ЦРУ генерал-лейтенант Уолтер Бедел Смит (тот самый, на чье имя написал в 1943 году свой рапорт Донован) сначала добился передачи УКП из

госдепартамента в состав ЦРУ, а затем в 1952 году объединил их в одну структуру — директорат планирования. Заместителем директора ЦРУ по планированию стал знаменитый Аллен У. Даллес.

Генерал Смит создал также и директорат национальных оценок (будущий разведывательный директорат), призванный составлять аналитические обзоры по разведке в целом и по отдельным конкретным проблемам. Таким образом, структура ЦРУ начала приобретать современные очертания.

В этот период ЦРУ охватило своими тайными операциями весь земной шар. Оружие и денежные средства направлялись засевшим в Бирме недобитым гоминьдановцам (американцы надеялись, что им удастся превратить Бирму в плацдарм борьбы против социалистического Китая). В 1950 году агенты ЦРУ помогли подавить народное восстание на Филиппинах, приведя к власти американского ставленника Рамона Магасасе. В 1952 году агенты ЦРУ свергли египетского короля Фаруха и привели к власти бывшего агента абвера и будущего Героя Советского Союза и любимца Хрущева Гамаля Абделя Насера. В 1953 году эксперт ЦРУ по Ближнему Востоку Кермит Рузвельт организовал операцию по свержению иранского премьера Мохаммеда Мосаддыка и возвращению на трон шаха Мухаммада Реза Пехлеви. В 1954 году ЦРУ провело полувоенную операцию по свержению президента Гватемалы Жакобо Арбенца Гузмана, покусившегося на самое святое — собственность американской компании «Юнайтед фрут».

Велись тайные операции и непосредственно против главного противника — СССР. Начиная с августа 1949 года была организована заброска на территорию СССР прошедших обучение в ЦРУ украинских (и прибалтийских) националистов. Агенты обеспечивались рациями и должны были держать связь со своими американскими руководителями, находившимися в Западной Германии. На протяжении пяти лет ЦРУ забрасывало своих агентов в СССР на парашютах или по Балтийскому морю, однако ни один из них так и не сообщил никакой информации, если не считать сигналов о провале.

В странах Восточной Европы создавались «группы сопротивления коммунизму». Так, в рамках операции под кодовым названием «Красные носки — красная фуражка» была организована спецподготовка польских, румынских, венгерских и чехословацких эмигрантов, которые должны были впоследствии возглавить «движение сопротивления» просоветским режимам в своих странах. На территории Западной Европы были размещены секретные склады оружия (чтобы в случае войны

«освободительные» движения не остались с пустыми руками после прихода Советской Армии).

Американские военные самолеты постоянно вторгались в советское воздушное пространство. Вот лишь выдержка из списка потерь, признанных американцами:

— 8 апреля 1950 года над Балтийским морем советскими истребителями был сбит самолет-разведчик ВМС США PB4Y-2 «Прайвэтир»;

— 6 ноября 1951 года вблизи советского побережья исчез патрульный самолет ВМС США P2V-3 «Нептун», обстрелянный перед этим советскими истребителями;

— 13 июня 1952 года над Японским морем исчез совершавший разведывательный полет самолет ВВС США RB-29 «Суперфортрес»;

— 7 октября 1952 года вблизи японского побережья исчез самолет ВВС США RB-29A «Суперфортрес»;

— 29 июля 1953 года над Японским морем советскими истребителями сбит самолет ВВС США RB-50 «Суперфортрес»;

— 4 сентября 1954 года возле советского побережья сбит патрульный самолет ВМС США P2V-5 «Нептун»;

— 7 ноября 1954 года вблизи острова Хоккайдо (Япония) советскими истребителями сбит самолет-фоторазведчик ВВС США RB-29;

— 22 июня 1955 года вблизи острова Св. Лаврентия в Беринговом море советскими истребителями сбит патрульный самолет ВМС США P2V-5 «Нептун».

А начиная с июля 1956 года разработанные под руководством ЦРУ самолеты-шпионы U-2, неуязвимые для тогдашних советских средств ПВО, начали безнаказанно проводить полеты в глубь территории Советского Союза.

В 1953 году Трумэна на посту президента США сменил Эйзенхауэр. В свою очередь Аллен Даллес был назначен директором ЦРУ и стал первым штатским на этом посту. За те неполные девять лет, что Даллес находился у руководства, он превратил ЦРУ в главное оружие Америки периода «холодной войны». Даллес создал в ЦРУ особую культуру, уникальную атмосферу, продержавшуюся на протяжении следующих двух десятилетий. Ее главными положениями были следующие: «мы наделены властью делать все, о чем нас попросит президент» и «для достижения своих целей мы уполномочены использовать любые средства». Например, привлекать к работе бывших руководителей нацистской разведки, таких, как Рейнхард Гелен, создавать подставные организации типа радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», планировать политические убийства,

например, кубинского лидера Фиделя Кастро, и т. д. и т. п.

Работавшие в этот период в большом количестве в стенах ЦРУ представители «интеллектуальной элиты американской нации» — отпрыски аристократических или богатых семейств, выпускники престижных университетов, состоящих в так называемой «Лиге Плюща», — наверняка изучали русскую культуру и читали произведения Достоевского. Скорее всего, знакомы они были и со знаменитым высказыванием этого наиболее известного на Западе русского писателя о том, что «если Бога нет, значит все позволено». Однако веря в Бога и участвуя в провозглашенном Даллесом «всемирном крестовом походе» против Советского Союза, эти высоколобые интеллектуалы полагали себя свободными от любых моральных ограничений.

Следует отметить, что американское общество тех лет мало что знало не только о деятельности ЦРУ, но даже о самом факте существования этой организации. Информация о тайных операциях лишь иногда просачивалась в широкую прессу. Однако начиная с 1960 года для ЦРУ наступила эпоха публичных скандалов.

1 мая 1960 года демонстративно «наглый» полет через советскую территорию пилотируемого Фрэнсисом Гэри Пауэрсом самолета U-2 был прерван советской ракетой «земля-воздух» в небе над Свердловском. Поначалу американцы попытались ввести в действие легенду прикрытия, заявив, что это был самолет разведки погоды, который сбился с курса. Однако оставшийся в живых Пауэрс дал показания, что работал на ЦРУ. Разразился международный скандал.

В апреле 1961 года в бухте Кочинос была проведена катастрофическая по своим последствиям высадка «десанта», ставшая своеобразной попыткой военного вторжения на Кубу. Примерно 1400 кубинских эмигрантов, завербованных и прошедших подготовку в ЦРУ, попытались проникнуть на родину и организовать восстание против режима Кастро, но были наголову разгромлены. В результате этого провала, вызванного в первую очередь вопиющими просчетами в организации операции, Даллес был вынужден уйти в отставку.

После этого ЦРУ разработало план «Монгуз», предусматривающий физическое устранение непокорного кубинского лидера. План был утвержден президентом Кеннеди, но, несмотря на бесчисленные покушения (поговаривали даже о занесении его в этой связи в Книгу рекордов Гиннесса), Фидель Кастро остался жив и невредим и до сих пор правит Кубой.

Активное участие принимало ЦРУ и в войне во Вьетнаме. В

ходе организованной им операции «Феникс» в 1967–1971 годах были уничтожены десятки тысяч жителей Южного Вьетнама, подозревавшихся в симпатиях к коммунистам. Так же действовало ЦРУ и на территории Лаоса.

Начало 70-х годов ознаменовалось для ЦРУ новой серией скандалов. Но если предыдущие скандалы были связаны с провалами ЦРУ на международной арене, то эти уже касались деятельности управления внутри страны. Первым из них стал в 1972 году знаменитый «Уотергейт» — попытка тайно установить подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии США. 22 декабря 1974 года репортер газеты «Нью-Йорк таймс» Сеймур Херш опубликовал список злоупотреблений властью, допущенных ЦРУ, включая длившуюся на протяжении 20 лет операцию по незаконной перлюстрации корреспонденции рядовых американских граждан и организаций. Директор ЦРУ Уильям Е. Колби признал, что подобное действительно имело место, но настаивал на том, что ЦРУ свернуло эту операцию.

Начавшийся процесс разоблачений было весьма сложно остановить. В прессу просочилась информация об экспериментах ученых из ЦРУ по контролю над человеческим сознанием (по крайней мере, один из них закончился смертью подопытного). Появились известия об организациях, контролируемых и служащих прикрытием для операций ЦРУ, например, Национальная студенческая ассоциация США, журналы «Дер Монат» в Германии и «Инкаунтер» в Великобритании. В результате президент Форд учредил так называемую Рокфеллеровскую комиссию и поручил ей провести расследование деятельности ЦРУ на территории Соединенных Штатов.

Одновременно аналогичные комиссии были созданы и «законодательной ветвью» американской власти: в палате представителей конгресса — комиссия по разведке, призванная рассмотреть жалобы на «незаконные или недостойные» действия в отношении американцев со стороны федеральных спецслужб, получившая название «Комиссия Пайка», а в сенате — комиссия по государственной политике в области разведки, получившая название «Комиссия Черча».

В результате расследования, проведенного всеми этими комиссиями (особенно — комиссией Черча), преобрели огласку скандальные подробности злоупотреблений со стороны американских спецслужб. Эти разоблачения вынудили американское руководство принять соответствующие меры. Был издан целый ряд законодательных актов, ограничивающих полномочия ЦРУ.

Управлению категорически запрещалось непосредственно или косвенно участвовать в политических убийствах. Также ЦРУ было запрещено вести слежку за людьми на территории Соединенных Штатов, устанавливать подслушивающие устройства, просматривать корреспонденцию и вообще вести наблюдение любого рода. Если же у ЦРУ возникает подозрение по поводу того или иного американца, который может сотрудничать с представителями иностранных спецслужб, сотрудники управления должны обратиться за помощью в ФБР, которое с разрешения суда по надзору за внешней разведкой и будет принимать практические меры.

Для надзора за деятельностью ЦРУ в мае 1976 года был создан постоянный сенатский комитет по разведке. В июле 1977 года аналогичный постоянный орган был создан и в палате представителей. Перед тем как ввести в действие ту или иную тайную операцию, руководство ЦРУ должно получить одобрение президента и «своевременно» поставить в известность соответствующие комитеты обеих палат конгресса. Парламентский надзор в последние годы стал обычной практикой. Ежегодно сотрудники ЦРУ встречаются с членами конгресса и проводят консультации или брифинги по различным вопросам (до тысячи в год).

Однако с приходом к власти президента Рейгана маятник качнулся в обратную сторону. Затеяв очередной крестовый поход против «империи зла», Рейган нуждался в дееспособном разведывательном инструменте. При нем были приняты специальные поправки, освобождающие ЦРУ от части наложенных на него ограничений.

Подобная политика Рейгана привела к очередному скандалу, связанному с проведением операции «Иран-контрас». В ходе этой операции предполагалось в обход конгресса тайно продать американское оружие Ирану в обмен на освобождение американских заложников, а вырученные деньги направить на финансирование мятежных сил «контрас» в Никарагуа. В результате информация об этом всплыла наружу, в адрес ЦРУ в очередной раз посыпались обвинения в том, что оно стоит «над законом», однако после длительных и неприятных сенатских разбирательств дело было замято.

Преемник Рейгана на посту президента Джордж Буш-старший, сам в свое время в течение года занимавший пост директора ЦРУ, еще больше ослабил ограничения на деятельность своих бывших подопечных. При нем было принято решение, суть которого состояла в том, что сотрудники ЦРУ могут принимать участие в операциях по свержению иностранных

правительств, даже если при этом будет существовать «большая вероятность» гибели руководителей государств.

В 1991 году «холодная война» закончилась победой США. Советский Союз был уничтожен. Львиная доля заслуг в этом принадлежит американским спецслужбам, и в первую очередь — ЦРУ.

Последний крупный скандал в ЦРУ состоялся в феврале 1994 года и был связан с разоблачением Олдрича Х. Эймса, сотрудника контрразведки ЦРУ, на протяжении многих лет являвшегося советским, а затем российским агентом.

Как и американское общество в целом, в последние годы ЦРУ страдает от обвинений в пресловутом «сексизме». От сотрудниц ЦРУ постоянно поступают жалобы на «сексуальные домогательства» в стенах родного управления, дискриминацию по половому признаку и т. п. В декабре 1992 года женщины, ставшие (по их мнению) жертвами дискриминационной политики в ЦРУ, подали иск в суд на руководство управления, а в сентябре 1993 года это дело было взято на контроль лично директором ЦРУ Р. Джеймсом Вулси. В результате в 1995 году в ЦРУ было принято решение выплатить денежную компенсацию (в целом около 1 млн долларов) 250 женщинам из числа сотрудников зарубежных бюро. Еще 15 женщин, ранее отозванные из-за границы, были восстановлены на прежней работе.

Выступая в штаб-квартире ЦРУ в июле 1995 года, президент Клинтон в связи с окончанием «холодной войны» очертил перед Центральным разведывательным управлением новый круг задач. По словам Клинтона, сегодня приоритетными направлениями деятельности ЦРУ являются борьба с распространением оружия массового уничтожения, с наркотиками и международной организованной преступностью, а также — промышленный шпионаж.

Однако что бы ни говорили вслух те или иные американские официальные лица, до тех пор, пока существует Россия, и до тех пор, пока у России есть ядерный потенциал, именно наша страна остается для ЦРУ противником номер один.

Руководители ЦРУ

— сентябрь 1947 — октябрь 1950 года — контр-адмирал Роско Г. Хилленкотер;

— октябрь 1950 — февраль 1953 года — генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит;

— февраль 1953 — ноябрь 1961 года — Аллен У. Даллес;

— ноябрь 1961 — апрель 1965 года — Джон А. МакКоун;

— апрель 1965 — июнь 1966 года — вице-адмирал Уильям Ф. Раборн;

— июнь 1966 — февраль 1973 года — Ричард Мак Г. Хелмс;

— февраль 1973 — июль 1973 года — Джеймс Р. Шлезингер;

— июль 1973 — сентябрь 1973 года — генерал-лейтенант Вернон А. Уолтерс (исполняющий обязанности);

— сентябрь 1973 — январь 1976 года — Уильям Е. Колби;

— январь 1976 — январь 1977года — Джордж Г. У. Буш;

— январь 1977 — март 1977 года — Е. Генри Нок (исполняющий обязанности);

— март 1977 — январь 1981 года — адмирал Стэнсфилд Тернер;

— январь 1981 — январь 1987 года — Уильям Дж. Кейси;

— 18 декабря 1986 — 26 мая 1987 года — Роберт М. Гейтс (исполнял обязанности директора ЦРУ во время болезни Кейси);

— май 1987 — август 1991 года — Уильям Г. Уэбстер;

— сентябрь 1991 — ноябрь 1991 года — Ричард Дж. Кер (исполняющий обязанности);

— ноябрь 1991 — январь 1993 года — Роберт М. Гейтс;

— февраль 1993 — май 1994 года — Р. Джеймс Вулси;

— май 1994 — декабрь 1996 года — Джон М. Дейч;

— с декабря 1996 года — Джордж Дж. Тенет (до 11 июля 1997 — исполняющий обязанности).

Агентство национальной безопасности (АНБ)

Агентство национальной безопасности, созданное в октябре 1952 года, является ведущей американской спецслужбой в области радиоэлектронной разведки и контрразведки.

АНБ можно по праву назвать наиболее секретной из всех организаций, входящих в Разведывательное сообщество США. Устав АНБ до сих пор засекречен. Лишь в 1984 году были преданы огласке некоторые его положения, из которых явствует, что агентство освобождается от всех ограничений на ведение разведки связи. На протяжении многих лет сотрудники АНБ не имели права разглашать место своей службы — в ответ на все вопросы о том, где они работают, они должны были отвечать: «на федеральное правительство» или «в министерстве обороны». Даже сегодня бывшим сотрудникам АНБ запрещено писать мемуары или делиться воспоминаниями о своей работе. Поэтому количество вышедших в США книг, посвященных АНБ, можно в буквальном смысле пересчитать по пальцам. Предание гласности

официальных сведений об агентстве (бюджет, численность персонала, структура) запрещено законом.

Размещенный в Интернете официальный сайт АНБ в известной степени напоминает советскую телевизионную программу «Время» периода застоя: если там больше половины эфирного времени занимал показ комбайнов и колхозных коров, то здесь примерно такой же процент информации посвящен рассказам о том, как сотрудники АНБ помогают защищать окружающую среду родного штата Мэриленд, где находится штаб-квартира АНБ, платят налоги, сдают донорскую кровь и т. п.

Как уже было сказано, АНБ занимается радиоэлектронной разведкой, то есть прослушиванием радиоэфира, телефонных линий, компьютерных и модемных систем, излучений факсовых аппаратов, сигналов, испускаемых радарами и установками наведения ракет и т. д. Кроме того, на АНБ возложены обязанности по обработке собранной информации, передаче полученных данных заинтересованным ведомствам для нужд внешней разведки и контрразведки, оказание разведывательной поддержки операциям американских вооруженных сил, а также проведение научных изысканий и внедрение разработок в области электронной разведки. Вторая группа решаемых АНБ задач связана с выполнением контрразведывательных функций — это обеспечение безопасности линий связи, ведение внешней шифропереписки, разработка кодов и шифров для передачи секретной информации и специального оборудования связи.

По своему статусу АНБ является «особым агентством в составе министерства обороны». Однако было бы неправильно рассматривать его как одно из подразделений американского военного ведомства. Несмотря на то что АНБ организационно входит в структуру министерства обороны, оно является при этом самостоятельным членом Разведывательного сообщества США.

Структура АНБ

Возглавляющий АНБ директор по своему статусу должен быть военнослужащим, ранее работавшим в разведке и имеющим звание трехзвездного генерала (генерал-лейтенанта) или вице-адмирала. Он подчиняется министру обороны и представляет АНБ в Разведывательном сообществе США. Кроме того, директор АНБ одновременно возглавляет созданную в 1972 году Центральную службу безопасности (ЦСБ), занимающуюся шифрованием информации, передаваемой по американским каналам связи, и дешифровкой иностранных кодов.

В высшее руководство АНБ также входят:

— заместитель (фактически, 1-й заместитель) директора;

— заместитель директора по операциям;

— заместитель директора по техническим вопросам;

— заместитель директора по безопасности информационных систем.

В отличие от должности директора АНБ, которую могут занимать только военные, все четыре его заместителя обязательно должны быть гражданскими специалистами. Штаб-квартира АНБ расположена в Форт-Миде, штат Мэриленд.

По состоянию на конец 70-х годов структура АНБ выглядела следующим образом. Наиболее важными подразделениями АНБ являлись:

— управление радиоразведывательных операций;

— управление защиты коммуникаций;

— управление научных исследований и техники.

Управление радиоразведывательных операций возглавляется заместителем директора АНБ по оперативной работе. Ранее оно называлось управлением производства. Данное управление выполняет полный спектр радиоразведывательных операций, от перехвата до криптологического анализа, анализ движения сигналов и анализ расшифрованных сообщений. Управление состоит из трех «добывающих» (то есть поставляющих разведывательную информацию) и двух вспомогательных групп. «Добывающие» группы организованы по географическому принципу:

— группа «A» отвечает за Советский Союз и страны Варшавского Договора;

— группа «B» занимается Китаем, Северной Кореей, Вьетнамом и другими азиатскими социалистическими странами;

— группа «G» отвечает за все остальные страны. Кроме того, с 60-х годов эта группа занимается обработкой входящих и исходящих из США международных радиосигналов. В 1972 году штат группы «G» состоял из 1244 гражданских лиц и около 600 военных.

Вспомогательными подразделениями управления радиоразведывательных операций являлись группы «C» и «W». Первая из них занимается компьютерной обработкой разведывательной информации, а вторая отвечает за координацию всех операций по перехвату. В 1976 году группа «C» была объединена с отделом телекоммуникаций и на их основе создано новое управление — телекоммуникации и компьютерных служб.

Управление защиты коммуникаций известно также под

названием «Организация S». Оно поставляет шифровальное оборудование для всех государственных учреждений США (в 1993 году контракты АНБ только по Мэриленду оценивались в 700 миллионов долларов), а также осуществляет процедуры по защите линий связи для всех 18 ведомств, входящих в Разведывательное сообщество США.

Управление научных исследований и техники, как явствует из его названия, занято разнообразными научно-техническими исследованиями в области перехвата радиосигналов, дешифровки и защиты линий связи, начиная от математических методов и кончая разработкой новых технологических процессов и оборудования. Управление состоит из четырех отделов:

— отдел математических исследований занимается приложением математических методов к криптоанализу;

— отдел аппаратуры перехвата (Intercept Equipment Division) разрабатывает оборудование для перехвата и анализа радиосигналов;

— отдел криптографического оборудования разрабатывает новые виды шифровального оборудования, которые затем запускаются в производство управлением защиты коммуникаций;

— отдел компьютерной техники занимается исследованиями в области электронно-вычислительной техники.

Кроме того, в составе АНБ имеются такие вспомогательные подразделения, как уже упомянутое управление телекоммуникации и компьютерных служб, управление установки и настройки оборудования, занимающееся установкой аппаратуры АНБ по всему миру, и административное управление.

Как уже было сказано выше, директор АНБ одновременно возглавляет и Центральную службу безопасности (Central Security Service). При этом если само АНБ выглядит сверхсекретной конторой, то ЦСБ является организацией, сверхсекретной, так сказать, в квадрате. Созданная в 1972 году указом президента, ЦСБ отвечает за криптоанализ и криптобезопасность. Перед ЦСБ стоят две задачи: дешифровка иностранных кодов и шифрование официальных материалов, передающихся средствами связи. В качестве руководителя ЦСБ директор АНБ контролирует действия подразделений радиоэлектронной разведки армии, авиации и флота.

Подготовка кадров для АНБ осуществляется в Национальной криптографической школе (НКШ). Эта школа готовит кадры не только для АНБ, но и для нескольких других подразделений министерства обороны. Кроме того, АНБ оплачивает обучение своих сотрудников в ведущих колледжах и университетах США, а некоторых из них направляет в военные колледжи министерства

обороны.

Подобно многим спецслужбам мира, АНБ имеет собственный музей — Национальный музей криптологии, расположенный в бывшем мотеле неподалеку от штаб-квартиры агентства.

Численность персонала на объектах АНБ, включая прикомандированных военнослужащих всех видов вооруженных сил, по всей видимости, превышает 120 тысяч человек. При этом 20–24 тысячи из них работают в центральном аппарате АНБ, остальные же — в основном военнослужащие — трудятся на базах и станциях АНБ по всему миру. Таким образом, с точки зрения численности сотрудников АНБ несомненно является самой крупной среди американских спецслужб.

Количество станций радиоэлектронного перехвата, которыми располагает в настоящее время агентство, по оценкам экспертов, составляет около 2 тысяч, хотя встречаются и другие данные — около 4 тысяч. Во всяком случае, в составленном в середине 50-х годов плане развертывания станций перехвата АНБ предусматривалось создание в общей сложности 4120 круглосуточно работающих точек перехвата по всему миру.

Помимо стационарных пунктов радиоперехвата АНБ использует для своих целей разведывательные суда ВМС США. В распоряжении АНБ находятся также возможности ВВС США и морской авиации. Самолеты с техническими специалистами АНБ на борту нередко сознательно нарушали пределы воздушного пространства СССР и Китая, чтобы привести в действие их системы ПВО.

Подразделения космической разведки АНБ снимают информацию с двух типов искусственных спутников земли: с коммерческих аппаратов, транслирующих на землю телефонные переговоры, факсовые сообщения, а также сигналы компьютерных модемов и с военных разведывательных аппаратов, обеспечивающих двустороннюю радиосвязь (приемник-передатчик), телефонную связь (внутри стран) и передачу других электронных сигналов.

Несмотря на то что формально АНБ подчиняется министерству обороны, по сути эта организация носит скорее штатский характер. Более того, можно отметить, что военный персонал АНБ подвергается своеобразной дискриминации. Так, на станциях радиоэлектронного перехвата, расположенных где-нибудь на Аляске или в других малоприспособленных для жизни местах, служат в основном военные. Однако среди обитателей уютных кабинетов в Форт-Миде штатские составляют уже 50 процентов сотрудников. Если же взять руководящий состав, то в 1971 году из 2000 должностей начальников разных уровней,

имевшихся на тот момент в АНБ, военные занимали менее 5 процентов. Кроме того, как мы уже отмечали, все 4 заместителя директора АНБ также должны быть штатскими.

В этой связи можно упомянуть такой любопытный факт — заместитель директора доктор Луис В. Торделла занимал свой пост на протяжении 16 лет, с 1958 по 1974 год. Если учесть, что за это время в директорском кресле сменились пять генералов и два адмирала, то можно с уверенностью предположить: повседневной работой АНБ все эти годы руководили не бравые носители погон и орденских планок, а скромный доктор наук.

Тем не менее гражданские специалисты, поступающие на службу в АНБ, обязаны подчиняться строгому распорядку этого «закрытого» учреждения. Дабы не сболтнуть случайно секретную информацию под наркозом, они даже ходят к «своему», проверенному службой безопасности АНБ дантисту. Существуют ограничения в выездах за рубеж. В случае женитьбы (или замужества) какого-либо сотрудника АНБ или его родственников на гражданине иностранного государства необходимо поставить об этом в известность руководство агентства. Все эти требования в глазах жителей бывшего СССР, неоднократно сталкивавшихся за свою жизнь с вездесущими первыми отделами, выглядят совершенно естественными. Однако свободолюбивые американцы, которым с детства внушают, что не они должны что-либо государству, а государство должно им, воспринимают подобные ограничения достаточно болезненно.

Бюджет АНБ, как и других спецслужб США, в настоящее время засекречен. Более того, в отличие от ЦРУ или ФБР он никогда не становился достоянием гласности. Насчет его величины существуют разные оценки. Так, американская «Энциклопедия шпионажа» сообщает, что «это цифра порядка трех с половиной млрд долларов, не считая обслуживания космических спутников-шпионов». Однако по другим оценкам, бюджет АНБ составлял около 15 млрд долларов. Последняя цифра не выглядит фантастической, если вспомнить, что Джеффри Т. Ричельсон, автор вышедшей в 1985 году книги «Разведывательное сообщество США», оценивал бюджет АНБ (вместе с ЦСБ) в пределах от 5 до 10 миллиардов долларов. В любом случае, вопреки общепринятому заблуждению, именно АНБ, а не ЦРУ является наиболее финансируемой спецслужбой США.

История АНБ

АНБ было создано секретной директивой президента Гарри Трумэна 24 октября 1952 года. Его непосредственным предшественником было Агентство безопасности вооруженных сил (Armed Forces Security Agency), созданное в 1949 году. Но время корейской войны жалобы американского военного командования на низкое качество получаемой ими стратегической информации подтолкнули политическое руководство США к образованию новой службы.

Создание АНБ было строго засекреченной информацией. Вплоть до 1957 года о существовании агентства вообще не упоминалось в официальных документах. И только в 1957 году в «Руководстве по организации правительства Соединенных Штатов» впервые было упомянуто АНБ как «элемент министерства обороны», который «выполняет высокоспециализированные технические и координирующие функции, связанные с национальной безопасностью».

Подобное определение, как нетрудно заметить, выглядит весьма расплывчатым. При желании под него можно подвести, к примеру, фирму, поставляющую сантехнику для Пентагона. Однако после бегства в июне 1960 года в Москву шифровальщиков АНБ Уильяма Мартина и Бернона Митчелла, а также сотрудника отдела Ближнего Востока Виктора Гамильтона, попросившего в 1963 году в СССР политического убежища, многие тайны Агентства стали известны широкой публике во всем мире.

Несмотря на эти неприятности, агентство все эти годы динамично развивалось. Так, если в 1956 году в центральном аппарате АНБ работало около 9000 человек, то в 1967 году — 12 500, а в 1985 году — от 20 до 24 тысяч сотрудников.

Среди операций, осуществлявшихся агентством, можно назвать знаменитый проект «Венона» по дешифровке перехваченных в 40-х годах сообщений советской разведки, который достался АНБ «по наследству» от своих предшественников. Материалы «Веноны» представляют большую историческую ценность, однако АНБ начало их рассекречивание лишь в июле 1995 года. «По наследству» досталась АНБ и операция «Шамрок» («Трилистник») по тотальному просмотру международных телеграмм, отправляемых из и поступающих в США, осуществление которой было прекращено в 1975 году в результате работы сенатской комиссии Черча.

В начале 2000 года АНБ официально подтвердило существование системы глобального шпионажа «Эшелон», в которой, помимо США, участвуют Великобритания, Австралия и Новая Зеландия. Эта система позволяет контролировать в режиме

реального времени все международные и большинство национальных каналов связи, от переговоров по спутниковым телефонам до сообщений электронной почты. Существование этой системы уже вызвало ряд скандалов в странах Западной Европы, поскольку с ее помощью АНБ, помимо прочего, занимается промышленным шпионажем, оказывая помощь американским фирмам в борьбе с их европейскими конкурентами.

Руководители АНБ

— ноябрь 1952 — ноябрь 1956 года — генерал-лейтенант Ральф Дж. Канин (армия);

— ноябрь 1956 — ноябрь 1960 года — генерал-лейтенант Джон А. Самфорд (ВВС);

— ноябрь 1960 — июнь 1962 года — вице-адмирал Лоуренс Г. Фрост (ВМС);

— июль 1962 — май 1965 года — генерал-лейтенант Гордон А. Блейк (ВВС);

— июнь 1965 — июль 1969 года — генерал-лейтенант Маршалл С. Картер (армия);

— август 1969 — июль 1972 года — вице-адмирал Ноэль А. М. Гейлер (ВМС);

— август 1972 — август 1973 года — генерал-лейтенант Сэмюел Ч. Филлипс (ВВС);

— август 1973 — июль 1977 года — генерал-лейтенант Лью Аллен-младший (ВВС);

— июль 1977 — март 1981 года — вице-адмирал Бобби Рэй Инмэн (ВМС);

— апрель 1981 — апрель 1985 года — генерал-лейтенант Линкольн Д. Фаурер (ВВС);

— май 1985 — июль 1988 года — генерал-лейтенант Уильям Э. Одом (армия);

— август 1988 — апрель 1992 года — вице-адмирал Уильям О. Студеман (ВМС);

— май 1992 — 1996 год вице-адмирал Джон М. МакКоннелл (ВМС);

— февраль 1996 — март 1999 года — генерал-лейтенант Кеннет А. Минигэн (ВВС);

— с марта 1999 года — генерал-лейтенант Мичэль В. Хайден (ВВС).

Глава вторая
В стенах АНБ

С первого дня своего существования Агентство национальной безопасности (АНБ) было окружено плотной завесой секретности. На занимаемой им территории был установлен строжайший пропускной режим, где наряду с электронными системами проверки до сих пор существуют постоянное наблюдение и поощряемое руководством АНБ доносительство. Каждый сотрудник имеет специальный пропуск, который постоянно носит на груди. Этот пропуск, кроме того, что удостоверяет личность сотрудника, непрерывно передает на монитор службы безопасности маршрут движения и местоположение его обладателя. Все сотрудники АНБ ограничены в контактах за пределами Форт-Мида, им не рекомендуется называть место своей работы даже близким. По тем же соображениям руководство АНБ поощряет браки между штатными сотрудниками Агентства. Такие меры безопасности породили несколько шутливых толкований английский аббревиатуры АНБ (NSA): «Агентство, которого не существует» и «Никогда ничего не говори».

Однако, несмотря на все меры безопасности, советской разведке удалось проникнуть в АНБ. Уже в 1960 году в АНБ было три советских агента. Правда, следует заметить, что все трое сами предложили свои услуги. Первыми пошли на контакт с советской разведкой Бернон Митчелл и Уильям Мартин.

Бернон Митчелл и Уильям Мартин

Бернон Фергюсон Митчелл родился 11 марта 1929 года в Сан-Франциско в типичной американской семье. Он с детства увлекался математикой, шахматами, игрой на пианино и подводным плаванием. Знакомые Митчелла позднее вспоминали о нем как о застенчивом, углубленном в себя юноше. После окончания средней школы Митчелл поступил в колледж, а в возрасте 22 лет был призван в ВМС США и направлен служить на станцию перехвата в Камиси на Японских островах. Там он познакомился с Уильямом Мартином, который стал его близким другом.

Уильям Гамильтон Мартин родился 27 мая 1931 года в небольшом городке на юге США. Когда ему исполнилось 15 лет,

его семья переехала на север. С юношеских лет он отличался редкой способностью становиться экспертом в любой области, к которой проявлял интерес. В сочетании с присущей ему любознательностью это привело к освоению им таких далеких друг от друга областей, как музыка, гипнотизм, математика и шахматы. Во время двухлетнего обучения в колледже Мартин получил хорошую математическую подготовку. Но неожиданно для всех в 1951 году, несмотря на успехи в учебе, он оставил колледж и поступил на службу в ВМС. Говоря об этом неординарном шаге молодого Мартина, многие связывали его с желанием молодого человека вырваться из-под влияния матери, обладавшей деспотичным характером. Но как бы то ни было, в 1951 году в возрасте 20 лет Мартин попал в армию и после окончания курса основ военной службы был направлен на станцию перехвата в Камиси.

Как уже говорилось, Мартин и Митчелл за время службы на станции перехвата стали близкими друзьями. В этом не было ничего удивительного, так как они были весьма похожи друг на друга по характеру и имели одинаковые увлечения — математику, шахматы и игру на пианино. Первым оставил военную службу Митчелл. Он вернулся в США и поступил в престижный колледж, где специализировался на математике. Мартин после окончания срока службы на флоте остался в ВМС, но в качестве гражданского служащего. Однако в скором времени однообразная работа наскучила ему, он уволился, вернулся в США и поступил в колледж на Западном побережье. В качестве основного предмета он выбрал математику, к которой позднее добавился русский язык.

Весной 1957 года в одно и то же время Мартину и Митчеллу, хотя они и учились в разных колледжах, было предложено поступить на работу в АНБ.

Вероятно, решающую роль здесь сыграл тот факт, что они специализировались на изучении математики и некоторое время служили на станции перехвата ВМС. На предложение и Мартин, и Митчелл ответили согласием и 8 июля 1957 года приступили к выполнению служебных обязанностей. Как и все поступившие на работу в АНБ, они были направлены для обучения в Национальную криптографическую школу (НКШ) на 8-недельный курс по криптоанализу, криптографии и связанным с ними дисциплинам, и в дополнение посещали занятия в Вашингтонском университете. Тогда же им был предоставлен временный допуск к секретным документам, причем без соответствующей проверки, поскольку АНБ их услуги были нужны незамедлительно.

В январе 1958 года Мартин и Митчелл завершили обучение и приступили к работе. В свободное время они оба посещали вашингтонский шахматный клуб, членом которого был и первый секретарь советского посольства Валентин Иванов. Позднее, после бегства Мартина и Митчелла в СССР Иванов был объявлен персоной нон грата и покинул США. И хотя американское правительство формально выдвинуло причину, не связанную с бегством сотрудников АНБ, можно смело предположить, что это было сделано в отместку за их побег.

В том же 1958 году в политических взглядах Мартина и Митчелла произошли существенные перемены. Окружающие стали часто видеть обоих в обществе людей с прокоммунистическими взглядами, оба начали открыто поддерживать антиамериканские настроения. Особенно возмущал их тот факт, что самолеты США летают над территорией СССР с целью сбора разведывательной информации. В феврале 1959 года они нанесли визит конгрессмену-демократу от штата Огайо У. Хейзу, в ходе которого пожаловались на то, что самолеты-разведчики США нарушают воздушное пространство СССР.

Хейз ошибочно предположил, что эти двое подосланы к нему ЦРУ, чтобы проверить его умение хранить секреты, и не предпринял никаких мер.

Не дождавшись ответа от Хейза, Мартин и Митчелл в декабре 1959 года в нарушение всех правил безопасности, принятых в АНБ, посетили Гавану, где встретились с представителями внешней разведки КГБ и сообщили им некоторые сведения о своей работе. Разумеется, их не стали разочаровывать в убеждении, что своими действиями они укрепляют мир и безопасность на планете, но и не позабыли снабдить списком интересующих КГБ секретов АНБ.

Вернувшись с Кубы, Мартин и Митчелл еще более укрепились во мнении, что общественное устройство Советского Союза настолько прогрессивно, что пребывание там даст им чувство глубокого личного удовлетворения, которое они не получали в США. Так, Митчелл, обычно весьма сдержанный, с энтузиазмом рассказывал своим знакомым об отлично проведенном времени в Гаване и о невероятно низких ценах на Кубе. Такое поведение насторожило сотрудников службы безопасности АНБ. Чтобы ограничить доступ приятелей к секретным документам, им были предложены стипендии для обучения в университетах. В результате Мартин получил стипендию для продолжения образования в Иллинойском университете, а Митчелл — в Вашингтонском.

Вскоре Мартин и Митчелл поняли, что за ними ведется

слежка. Прийти к такому заключению они могли по разным причинам, например, таким, как низкая квалификация агентов наружного наблюдения, изменение отношения со стороны руководства АНБ, лишение допуска к секретным документам или неосторожное замечание со стороны коллег по работе. Также вполне возможно, что их предупредил другой советский агент в АНБ — завербованный весной 1960 года сержант Джек Данлап.

24 июня 1960 года Мартин и Митчелл отправились в очередной трехнедельный отпуск, сообщив знакомым, что собираются навестить родителей. Но 25 июня, вместо того, чтобы уехать на автомобиле, как это предполагалось, они улетели на самолете компании «Истерн» рейсом Вашингтон — Мехико. Проведя в Мехико ночь в гостинице, они на следующий день совершили перелет в Гавану, откуда на советском транспортном самолете были доставлены в Москву, где поведали сотрудникам КГБ о многих секретах АНБ, в частности о работе по перехвату сообщений из советских линий связи.

В АНБ обнаружили их отсутствие лишь в середине июля, когда они не вернулись из отпуска, чтобы приступить к исполнению своих служебных обязанностей. В ходе начавшихся поисков на автомобильной стоянке была обнаружена машина, на которой друзья собирались ехать к родителям, со всеми вещами, аккуратно уложенными в чемоданы. А в доме Митчелла сотрудники службы безопасности АНБ нашли ключ к банковскому сейфу в Мэриленде, который был специально оставлен на видном месте. Открыв сейф, сотрудники АНБ обнаружили там запечатанный пакет и записку, в которой Мартин и Митчелл просили опубликовать содержащееся в пакете открытое письмо. В письме говорилось, что решение уехать в СССР было принято ими без всякого давления извне. Помимо этого, в нем Мартин и Митчелл обвиняли правительство США в том, что оно само «в такой же степени беспринципно, в какой в его обвинениях в адрес СССР изображается советское правительство».

«Некоторые противники коммунизма в Соединенных Штатах, — говорилось в письме, — защищают идею превентивной войны против Советского Союза. Они стремятся достичь такой степени безопасности, которая подразумевает полное уничтожение людей со взглядами, противоположными их собственным. Такая война в лучшем случае сделала бы их повелителями могилы человечества».

В адрес Советского Союза в письме содержались только положительные эпитеты, вплоть до того, что в СССР «способности женщины всячески поощряются и используются в значительно большей степени, чем в Соединенных Штатах».

В понедельник 1 августа 1960 года министерство обороны США официально объявило, что два сотрудника АНБ по неизвестной причине не вернулись из отпуска. Несмотря на все попытки не придавать значения произошедшему, побег сотрудников АНБ вызвал живейший интерес прессы, и 5 августа последовало еще одно заявление министерства обороны, в котором было сказано следующее: «Предполагается, что существует вероятность того, что два сотрудника АНБ уехали за «железный занавес»». А месяц спустя, 6 сентября, Мартин и Митчелл выступили на пресс-конференции в Москве.

Состоявшаяся в Центральном доме журналиста в присутствии более 200 советских и иностранных представителей СМИ, эта пресс-конференция стала, пожалуй, самой скандальной в истории американских спецслужб. Открыл пресс-конференцию заведующий отделом печати МИД СССР М. А. Харламов, который сказал, что Мартин и Митчелл попросили политического убежища в Советском Союзе и что их просьба была удовлетворена. После этого слово взял Митчелл, который зачитал копию письма, оставленного в банковском сейфе в США. Выступивший вслед за ним Мартин огласил длинное заявление, составленное уже после прибытия перебежчиков в Москву. Самым скандальным в этом заявлении было утверждение о том, что АНБ перехватывало и расшифровывало корреспонденцию союзников США, в том числе Италии, Франции, Турции, Уругвая. Впрочем, есть смысл процитировать некоторые отрывки этого заявления.

«Наше недовольство связано с некоторыми методами, которые Соединенные Штаты используют для получения шпионской информации. Мы обеспокоены взятым США курсом намеренного нарушения воздушного пространства других государств и практикуемой правительством Соединенных Штатов ложью в отношении таких нарушений с целью ввести в заблуждение общественное мнение…

После инцидента с У-2 правительство Соединенных Штатов признало, что намеренно взяло курс на нарушение воздушного пространства СССР. Официальные лица США, особенно вице-президент Никсон, пытались оправдать эту политику, провозгласив ее единственно возможным путем предотвратить неожиданное нападение со стороны СССР. Вице-президент Никсон не упомянул о том, что информация, полученная во время этих полетов, могла бы оказаться полезной только в случае попытки проникновения сквозь оборонительную систему Советского Союза…

Кольцо военных баз США, окруживших Советский Союз, означает, что правительство Соединенных Штатов полагает, будто

сможет успешно противостоять коммунистическим идеям с помощью военных средств».

После пресс-конференции министерство обороны США сделало несколько заявлений. В первом было сказано, что утверждения Митчелла и Мартина о том, что США одинаково шпионят как за своими противниками, так и союзниками, не соответствует действительности. «Их замечания, — говорилось в заявлении, — о якобы ведущейся шпионской деятельности правительства Соединенных Штатов в отношении их союзников и других правительств свободного мира полностью лживы и могут послужить только цели коммунистов посеять раздор среди свободных народов». А во втором заявлении министерство обороны США обвинило СССР в «использовании любой возможности для извлечения пользы из бегства двух перебежчиков, которые стали инструментом советской пропаганды, в попытках заставить весь мир поверить фальшивым заявлениям, которые они сделали в Москве». Выступил по этому поводу и президент США Эйзенхауэр, который заклеймил Мартина и Митчелла как «изменников, которые сами себя разоблачили». А бывший президент Трумэн публично заявил, что «таких надо расстреливать».

Немного позднее спецслужбами была организована утечка информации, и в прессу попали материалы о ходе служебного расследования обстоятельств бегства Митчелла и Мартина, которые были объявлены гомосексуалистами и, более того, — любовниками. Этим американские власти хотели не только скомпрометировать беглецов, но и получить возможность избавиться от не внушающих доверия сотрудников АНБ. Таковых оказалось 26 человек, которых уволили из агентства «по подозрению в сексуальных отклонениях».

Но несмотря на эти заявления, авторитет США после пресс-конференции Митчелла и Мартина оказался сильно подорванным. В результате продолжительное время официальным американским представителям приходилось только оправдываться и опровергать сделанные перебежчиками заявления. А в секретном докладе конгресса США бегство Митчелла и Мартина оценивалось как нанесение тяжелейшего ущерба национальной безопасности Америки за всю историю США.

В дальнейшем судьбы Мартина и Митчелла сложились по-разному. Еще 11 августа 1960 года решением Политбюро ЦК КПСС № 295 им было предоставлено политическое убежище и ежемесячная зарплата в 500 рублей. Осенью Митчелл получил работу в институте математики при Ленинградском

университете, а Мартин там же стал готовиться к защите докторской диссертации по статистике. Вскоре Мартин сменил фамилию на Соколовский и женился на русской девушке, с которой познакомился на черноморском курорте. Что касается Митчелла, то он женился на Галине Владимировне Яковлевой, 30-летней помощнице профессора отделения фортепьяно Ленинградской консерватории.

Однако жизнь перебежчиков в СССР оказалась не такой, как они предполагали. И если Мартин сумел приспособиться, то у Митчелла дела обстояли хуже. Он не сумел адаптироваться к советской действительности и несколько раз обращался за разрешением выехать на Запад, в котором ему постоянно отказывали. Тогда в 1979 году он пришел в американское консульство в Ленинграде за информацией о возможности вернуться в США. Однако госдепартамент США категорически отказался содействовать его возвращению и даже (с опозданием на несколько лет) лишил его американского гражданства. Умер Митчелл в Москве в 1986 году от острой лейкемии.

Джек Данлап

Бегство Мартина и Митчелла в СССР вызвало в АНБ состояние шока. Были приняты меры по повышению уровня безопасности, в частности по принятому 9 мая 1963 года палатой представителей конгресса США закону министр обороны получил право увольнять любого сотрудника АНБ, заподозренного в неблагонадежности, без объяснения причин увольнения и без права его обжалования. Но несмотря на все принятые меры в АНБ продолжали активно работать советские агенты. Одним из них был Джек Э. Данлап.

Данлап родился в 1928 году. Находясь на службе в вооруженных силах в звании сержанта, он участвовал в корейской войне, где был награжден орденом «Пурпурное сердце» и медалью «Бронзовая звезда» за воинскую доблесть и преданность долгу. Будучи женат и имея семерых детей, он был по природе большим женолюбом и постоянно нуждался в деньгах. Это и стало причиной того, что он предложил свои услуги советской разведке.

В 1958 году Данлап становится шофером генерал-майора Гаррисона Б. Ковердейла, заместителя директора и начальника секретариата штаба АНБ. В его обязанности входила доставка секретных документов в различные подразделения АНБ, благодаря чему он получил редкую возможность выезжать за

пределы Форт-Мида, не проходя досмотра. Зная об этом некоторые сотрудники АНБ (по некоторым данным не меньше шести человек) воспользовались услугами Данлапа для того, чтобы вывести с работы домой служебные пишущие машинки и кабинетную мебель. Это обстоятельство значительно расширило круг знакомых Данлапа в АНБ.

Поздней весной 1960 года Данлап, испытывающий постоянную нехватку денежных средств, пришел в советское посольство в Вашингтоне и предложил продать документы АНБ. Принявший его сотрудник резидентуры ГРУ, работавший под дипломатическим прикрытием, сразу оценил открывшиеся перед военной разведкой перспективы, немедленно выплатил Данлапу аванс и обговорил условия дальнейшей связи. Работа с Данлапом имела настолько большое значение, что его куратором был только один сотрудник резидентуры ГРУ, полностью освобожденный от других оперативных дел.

Сведения, поступающие от Данлапа, имели огромную ценность. Так, с его помощью были получены различные наставления, математические модели и планы НИОКР по самым секретным шифровальным машинам АНБ. Передал Данлап и документы ЦРУ, касающиеся оценки численности и состава советских войск и ракетных частей в Восточной Европе, прежде всего в ГДР. Кроме того, вполне возможно, что с его помощью был разоблачен агент СИС и ЦРУ в ГРУ полковник О. Пеньковский. Дело в том, что за пределами ЦРУ к отчетам Пеньковского были допущены очень немногие. В АНБ к ним имели отношение кроме директора еще примерно 20 сотрудников. И в то же время при обыске, проведенном позднее в доме Данлапа, было найдено несколько не самых секретных документов, приписываемых «надежному советскому источнику», которым и был Пеньковский. И хотя эти документы, возможно, и не послужили причиной установления личности Пеньковского, но явились сигналом для контрразведки о том, что в ГРУ проник предатель.

Летом 1960 года Данлап неожиданно разбогател. На полученные от ГРУ деньги он купил прекрасно оборудованную крейсерскую моторную яхту длиной тридцать футов. И хотя его оклад в АНБ составлял всего 100 долларов в неделю, столь дорогая покупка никого не удивила. Позднее Данлап купил глиссер с воздушным винтом, голубой «ягуар», два «кадиллака», а также стал завсегдатаем дорогих курортов и яхт-клубов по всему побережью от Нью-Джерси до Флориды, где буквально сорил деньгами, устраивая обильные возлияния.

Долгое время на столь необычный образ жизни простого сержанта никто не обращал внимание, несмотря на то, что он

регулярно ездил на работу в «ягуаре» или на одном из «кадиллаков». Своим знакомым Данлап рассказывал различные истории, объясняющие происхождение его богатства. Одним он говорил, что является владельцем земли, на которой был обнаружен минерал, необходимый для производства косметики, другим — что получил богатое наследство. Третьих он уверял в том, что его отец, в действительности смотритель мостов, имеет огромную плантацию в штате Луизиана. Любовница Данлапа знала, что он регулярно посещает какого-то бухгалтера и возвращается от него с толстыми пачками банкнот. Позднее было установлено, что всего Данлап получил от ГРУ 60 тысяч долларов.

Первые подозрения в отношении Данлапа возникли скорее всего в начале 1963 года, после того как он решил стать гражданским служащим, опасаясь, что по окончанию срока службы его могут перевести в другое место. Все гражданские лица, поступающие на работу в АНБ, в отличие от военных должны проходить проверку на полиграфе (детекторе лжи). Во время проверки Данлап признался «в мелких хищениях и фактах аморального поведения». В результате в отношении Данлапа было начато служебное расследование, которое установило, что его расходы не соответствуют доходам. Поэтому в мае 1963 года он был переведен в службу суточного наряда Форт-Мида.

Понимая, что кольцо вокруг него сжимается, Данлап 14 июня 1963 года, приняв большую дозу снотворного, попытался покончить с собой. Но эта попытка оказалась неудачной. Тогда 20 июля он повторил попытку самоубийства, используя револьвер. Однако вмешательство приятелей вновь спасло ему жизнь. И лишь третья попытка увенчалась успехом. 22 июля он подсоединил кусок резинового шланга к выхлопной трубе своей машины, второй конец просунул в щель правого переднего окна, завел мотор и отравился выхлопными газами. Через три дня его со всеми воинскими почестями похоронили на Арлингтонском национальном кладбище.

Вполне возможно, что о предательстве Данлапа так никто бы и не узнал, если бы через месяц после смерти его вдова не обнаружила в доме тайник с секретными документами, которые он не успел передать своему оператору. Она сразу же принесла их в АНБ, где было начато расследование, установившее факт сотрудничества Данлапа с советской разведкой. По оценке официальных лиц в Пентагоне ущерб, нанесенный Данлапом АНБ, в 30–40 раз превысил тот, что нанесли Мартин и Митчелл, вместе взятые.

Версий по поводу провала Данлапа существует множество. По

одной из них, считающейся наиболее достоверной, Данлапа выдал сотрудник ГРУ Дмитрий Федорович Поляков, который во время своей второй командировки в США в ноябре 1961 года добровольно предложил свои услуги ФБР. Но при детальном рассмотрении эта версия не выдерживает критики. Поляков работал в нью-йоркской резидентуре ГРУ заместителем резидента и отвечал за действия нелегалов. А Данлапа вела вашингтонская резидентура. Зная жесткие правила работы с агентами, особенно столь ценными, как Данлап, трудно предположить, что заместитель резидента в Нью-Йорке мог вообще знать о существовании в АНБ агента, оператор которого работал в Вашингтоне.

По другой версии, Данлапа стали подозревать после того, как он повредил спину во время парусной регаты. Дело в том, что медицинскую помощь Данлапу оказали в госпитале Форт-Мида, где под действием данных ему успокоительных он мог непроизвольно сказать что-нибудь, показавшееся подозрительным. Так или иначе, но подлинные причины разоблачения Данлапа можно будет узнать только тогда, когда откроются архивы американских спецслужб.

Виктор Гамильтон

В тот же день, когда Данлап покончил с собой, другой сотрудник АНБ, известный как Виктор Норрис Гамильтон, поместил на страницах газеты «Известия» письмо, в котором рассказал о тайнах Форт-Мида.

Настоящее имя Гамильтона, данное ему при рождении — Фузи Дмитрий Хиндали. Он родился в Бейруте в 1919 году, в 1940 году закончил Американский университет в Бейруте и получил специальность переводчика. Через некоторое время он познакомился с американкой, временно проживавшей в Ливане, и женился на ней. Вскоре супруги выехали в США. Но здесь Виктору Гамильтону (это имя он взял себе после переезда в Америку) никак не удавалось устроиться на работу по специальности несмотря на то, что он получил американское гражданство. Поэтому он был вынужден работать посыльным и швейцаром, пока один отставной американский полковник не завербовал его на службу в АНБ. Причиной, по которой АНБ заинтересовалось натурализованным арабом, было знание им пяти языков, в том числе и восточных, специалистов по которым в Форт-Миде явно не хватало.

13 июня 1957 года после обучения в НКШ Гамильтон

приступил к работе в группе «G» (Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Греция и Турция) Производственного отдела АНБ (ПО АНБ). Группа «G» занималась перехватом и дешифровкой военных сообщений из стран указанного региона, а также шифротелеграмм, поступавших в эти страны из их дипломатических представительств во всех частях света. Для этой цели в распоряжении АНБ была специальная станция перехвата, расположенная на Кипре. Как заявлял впоследствии Гамильтон, в 1958 году он работал с материалами, представляющими собой полный текст секретной переписки между Каиром и посольством Объединенной Арабской Республики в Москве, которая велась во время поездки каирского руководства в СССР.

Однако вскоре выяснилось, что Гамильтон крайне неуравновешенный человек. Его жена через 30 лет вспоминала, что после поступления на работу в АНБ Гамильтон перед сном часто рассказывал ей о подозрительных странностях, происходивших в Форт-Миде. В феврале 1959 года медицинская комиссия АНБ признала Гамильтона психически больным, но, учитывая острую нехватку специалистов по арабскому языку, его оставили на работе в ПО. В июне 1959 года его все же уволили, после того как психиатры пришли к заключению, что он находится на грани шизофрении. На самом деле в это время Гамильтон пытался установить связь со своими родственниками в Ливане, что вызвало беспокойство и недовольство руководства АНБ.

После вынужденного увольнения Гамильтон якобы начал подвергаться преследованию и провокациям со стороны ФБР. Вскоре ему удалось выехать в Ирак, но там он не задержался, так как местная служба безопасности приняла его за коммуниста. Тогда Гамильтон вернулся в США, установил переписку с турецкими властями и под предлогом посещения Турции в июне 1963 года выехал в Европу. Находясь проездом в Праге, он 20 июня пришел в советское посольство, представился сотрудником АНБ и попросил политического убежища.

Разумеется, Гамильтон был немедленно переправлен в Москву, где к нему был проявлен интерес со стороны самых высоких инстанций. 14 июля с ним провели беседу руководители КГБ и уже на следующий день в ЦК КПСС были направлены предложения по наилучшему использованию перебежчика в пропагандистских целях. А 23 июля в вечернем выпуске «Известий» было опубликовано письмо Гамильтона, в котором он рассказал об американском радиошпионаже:

«АНБ вскрывает шифры ближневосточных стран, что является прямым результатом криптоанализа. Вместе с тем АНБ получает

и оригиналы шифров из каких-то секретных источников. Это означает, что кто-то ворует для американцев шифры. Особо следует подчеркнуть: американские власти пользуются тем, что штаб-квартира ООН находится на территории США. Зашифрованные инструкции Греции, Иордании, Ливана, ОАР и Турции своим представителям в ООН попадают в руки госдепартамента еще до того, как доходят до своих истинных адресатов…»

Представитель США в ООН, по утверждению Гамильтона, даже прислал в АНБ собственноручно подписанное письмо, в котором поблагодарил сотрудников агентства за своевременно полученную информацию. Заканчивалось письмо в «Известиях» следующими словами: «Я хочу, чтобы все люди на Земле обрели наконец тот покой и душевное равновесие, которое я обрел здесь, в России».

Помимо публикации письма, Гамильтон, разумеется, выдал все известные ему сведения о структуре АНБ, шифрах, имена руководителей и т. д. Вскоре КГБ были предприняты шаги по натурализации Гамильтона. Ему дали паспорт с новым именем, присвоили псевдоним «Кир», предоставили квартиру на Комсомольском проспекте, определили приличное денежное содержание, на которое он обедал в лучших ресторанах и покупал дорогие вещи. Кроме того, к Гамильтону была приставлена круглосуточная охрана, так как считалось, что американцы начнут поиски перебежчика.

Но с самого начала общения с Гамильтоном сотрудники КГБ стали замечать у него отклонения от нормального поведения. Он стал постоянно утверждать, что за ним ведут наблюдение представители ЦРУ в СССР, затем американцев сменили в его рассказах работники «всемогущего КГБ». В результате в конце 1963 года Гамильтон был помещен в знаменитую «кремлевку» с диагнозом вялотекущая шизофрения. Первые десять лет он провел там в номере «люкс», а позднее был переведен в обычную психиатрическую больницу в Подмосковье. На протяжении 30 лет Гамильтон вел дневник и до 1984 года писал письма семье в Америку. Но последнее письмо от него там получили в 1973 году. Его жена не раз пыталась разыскать мужа через Красный Крест, но всегда получала стереотипный ответ: сведений нет.

И лишь в июне 1992 года сведения о нахождении в «психушке» (спецгоспиталь № 5, расположенный в селе Троицкое под Москвой) бывшего американского перебежчика появились в российских средствах массовой информации. Но Гамильтон наотрез отказался верить журналистам, что его жена и дочери разыскивают пропавшего отца. Он утверждал, что его близких

посадили на электрический стул в отместку за его предательство, а показанный ему видеофильм с записью семьи посчитал гипнозом. В больнице Гамильтона посетили консул США в Москве и посольский врач. После осмотра врач заявил, что его еще можно вылечить, но Гамильтон на вопрос, не хочет ли он вернуться в США, ответил: «Только по вашим трупам».

Роберт Липка

Самоубийство Данлапа стало тяжелым ударом для советской разведки, потерявшей прекрасный источник в АНБ. Но вскоре утраченные позиции были восстановлены — в сентябре 1965 года вашингтонской резидентуре внешней разведки предложил свои услуги сотрудник АНБ сержант Роберт Липка.

Роберт Стефен Липка родился 15 июня 1946 года в Нью-Йорке. После призыва в армию он в 1963 году окончил разведывательную школу и на следующий год направлен в АНБ, где в его обязанности входило уничтожение секретных документов, а именно исходных материалов, на основании которых составлялись наиболее конфиденциальные доклады высшему руководству США. Осенью 1965 года, осознав ценность документов, с которыми он имеет дело, Липка пришел в посольство СССР в Вашингтоне и предложил продать сотрудникам КГБ секретные материалы АНБ.

Предложение Липки было незамедлительно принято. Связь с новым агентом, получившим псевдоним «Дан» (позднее «Рук» — шахматная ладья), поддерживалась с помощью тайников, в которых он оставлял материалы и из которых забирал деньги — от 500 до 1000 долларов за каждый пакет. Всего в период с 1965 по 1967 год с Липкой было проведено около 50 операций по связи, во время которых его операторы получили более 200 важных документов АНБ, ЦРУ, госдепартамента и других правительственных ведомств США.

За время сотрудничества с советской разведкой Липка получил около 27 тыс. долларов. Однако он считал, что ему недоплачивают, и несколько раз требовал повысить сумму оплаты, но неизменно получал стандартный ответ: «Москва больше не дает».

В июле 1967 года Липка, убедившись, что советская разведка даром денег не платит, известил своих кураторов через тайник, что якобы находится под контролем ФБР и прервал все контакты с резидентурой. Однако анализ предыдущего периода работы с Липкой показал, что это сообщение нельзя принимать всерьез —

он сотрудничал с КГБ исключительно на материальной основе, передаваемые им документы наносили ущерб национальным интересам США и, безусловно, ФБР в случае выхода на Липку постаралось бы поймать работавшего с ним оперативника с поличным. Поэтому в апреле и ноябре 1968 года проводилась установка Липки при помощи нелегалов. Тогда же ему было отправлено письмо, но оно осталось без ответа. Последний раз с ним пытались установить контакт в 1969-73 годах, но безуспешно.

Тем временем Липка в 1967 году уволился из АНБ для продолжения образования в колледже в провинциальном городке Миллерсвилл, штат Пенсильвания, в 100 километрах от Филадельфии. В 1972 году он получил степень бакалавра по педагогике и устроился учителем истории в колледже. В 1974 году он развелся со своей женой Патрисией, после чего открыл нумизматический магазин, приносивший ему стабильный доход. Он писал безобидные заметки в местную прессу и увлекся азартными играми. В 1992 году в одном из игорных клубов на Липку упал стол, после чего он подал на хозяина в суд и получил за временную потерю трудоспособности компенсацию, превышающую, как позднее уверяло ФБР, в десять раз ту сумму, которую он получил от КГБ.

Казалось, что Липка останется вне подозрений до самой смерти, но неожиданно 23 февраля 1996 года агенты ФБР ворвались в его дом и надели на него наручники. Ему было предъявлено обвинение в продаже КГБ секретной информации в период с 1965 по 1967 год. На брифинге, посвященном аресту Липки, представители ФБР утверждали, что первые подозрения в отношении него возникли еще в 60-е годы, когда он необоснованно задерживал у себя некоторые документы. Но тогда доказать ничего не удалось. И лишь после выхода в свет в США в начале 1994 года мемуаров отставного генерал- майора КГБ Олега Калугина «Первое управление. Тридцать два года в разведке», агенты ФБР получили первую зацепку.

Читавшие вышедшие у нас мемуары О. Калугина («Прощай, Лубянка!» — М.: Олимп, 1995) могут удивиться такому заявлению. И действительно, в этом издании можно прочесть только следующее:

«В конце 1965 года предложил свои услуги «доброволец» из Агентства национальной безопасности. Несколько лет подряд этот молодой парень поставлял резидентуре совершенно секретные документы, позволяющие КГБ быть в курсе всех крупнейших военных и политических проблем».

Но дело в том, что в русском варианте очень многие важные

детали отсутствуют. В оригинале этот отрывок гораздо больше:

«Другим агентом, пришедшим к нам и передававшим сверхсекретные материалы по вооружению, был солдат, служивший в АНБ. В его обязанности входил контроль за средствами связи по всему миру. Хотя он не был настолько знаменит и ценен, как Джон Уокер (о нем далее — *Авт.),* этот молодой американец передал КГБ значительное число документов.

Солдат пришел к нам добровольно в середине 60-х годов, утверждая, что он занимается уничтожением секретных материалов в АНБ и мог бы снабжать нас ими в огромных количествах. Свой поступок он объяснил нехваткой денег. Мы прибегли к системе, которую использовали при контакте с Уокером, — он должен был оставлять принесенные документы в тайниках в заброшенных местах в штатах Виргиния и Мэриленд. После этого в заранее оговоренном месте солдат мог взять свой гонорар — как правило, тысячу долларов за раз, а также инструкцию, где и когда произойдет следующая передача. Подобные тайники позволяли нам получать и передавать документы без какого-либо опасения, что его заметят с одним из нас.

Документы, которые доставлял этот солдат, были отлично рассортированы. Иногда, если он должен был делать вид, что уничтожает их, к нам поступали уже нарезанные бумаги. Он снабжал нас ежедневными и еженедельными докладами АНБ Белому дому, планами систем связи и передвижения американских войск по всему миру. Все, что попадало в его руки, оказывалось у нас. Порой он даже не имел представления о том, что передает.

Конечно, добрая часть материалов не представляла для нас особой ценности. Мне приходилось тратить массу времени, отбирая то, что нам не нужно и переводя на русский язык важные документы для пересылки в Москву. Я никогда не встречался с ним лично, но этот случай, как и наглый шпионаж Уокера, показал, насколько небрежно поставлена система обеспечения безопасности в сверхсекретных учреждениях США.

Солдат покинул АНБ и поступил в колледж за деньги, полученные им от КГБ. В конце концов он был передан на связь в 16-е управление КГБ… Насколько мне известно, этот «крот» до сих пор служит либо в структурах АНБ, либо в ЦРУ».

Как утверждают американцы, агенты ФБР, получив столь исчерпывающую информацию, без особого труда установили личность молодого солдата, уволившегося для поступления в колледж. Затем последовал разговор с первой женой Липки,

Патрицией, которая за освобождение от уголовного преследования подтвердила, что ее бывший муж имел контакты с иностранной спецслужбой. Тогда в конце 1993 года один из сотрудников ФБР, узнав от Патриции его рабочий псевдоним в КГБ (интересно знать, как она его узнала, ведь о нем не знает даже агент. Может, Калугин подсказал?), пришел к Липке и, представившись работником ГРУ капитаном Никитиным, предложил продолжить сотрудничество. Сначала Липка сделал вид, что не понимает, о чем идет речь, но после того, как агент назвал его «Рук», выразил готовность продать оставшиеся у него документы. Правда, получив 5 тыс. долларов задатка на одной из четырех встреч, Липка не передал «капитану Никитину» никакой информации. Однако это не остановило ФБР, и 23 февраля 1996 года Липка был арестован.

Надо отметить, что Калугин с пеной у рта доказывает, что по информации, которую он сообщил в своей книге, американские следователи искали бы агента более ста лет, поскольку в середине 60-х годов в АНБ работало более 120 тыс. сотрудников. Безусловно, определенные резоны в заявлении Калугина есть, хотя по тем деталям, которые он приводит (возраст, воинское звание, характер работы и т. д.) вычислить Липку достаточно легко. Но основную информацию о Липке американцы получили от другого предателя — бежавшего осенью 1992 года в Великобританию бывшего сотрудника 15- го (архивного) отдела ПГУ КГБ Василия Митрохина.

Как известно, Митрохин бежал в Лондон не с пустыми руками. С собой он прихватил выписки из оперативных дел, которые делал в течение 12 лет. И в одной из его выписок был упомянут Липка. Выписка эта начинается словами «Дан» — Роберт Стефан Липка, 15. 6. 1945 г. р.», а заканчивается следующим образом: «жена «Дана» — Патрисия Липка, работала в госпитале: 403 Ланкастер авеню, г. Ланкастер».

Впрочем, для самого Липки не имело значения, кто его выдал, поскольку в США нет срока давности за шпионаж. В результате он предстал перед судом и был осужден на пожизненное заключение.

Джон Уокер

Джон Уокер, о котором далее пойдет речь, не был сотрудником АНБ, а служил шифровальщиком в ВМС США. Но мы посчитали необходимым рассказать о нем, поскольку переданные им за время сотрудничества с ПГУ КГБ материалы имели

исключительную ценность. Кроме того, по оценке как наших, так и американских специалистов, 17-летняя работа Уокера на советскую разведку до сих пор является беспрецедентной как по комплексному освещению всех видов шифровальной связи, так и по своей длительности.

Джон Энтони Уокер-младший родился 28 июля 1937 года в Вашингтоне. Он был вторым из трех сыновей Джона Уокера-старшего, не очень преуспевшего в жизни человека, начавшего свою карьеру чиновником министерства торговли, а закончившего продавцом в торговом центре. В юности Уокер-младший был отпетым хулиганом и в возрасте 15 лет был осужден условно за попытку ограбления магазина. Неизвестно как бы сложилась судьба Джона, если бы в июле 1955 года его старший брат Артур, служивший в то время на флоте, не привел его к вербовщику и не помог поступить на службу в ВМС.

После окончания учебы Уокер служил сначала на эсминце «Джонни Хатчинс», потом на авианосце «Форрестол», а затем на плавучей базе подводных лодок «Хоуард У. Джилмор». В это же время он женился на Барбаре Кроули, и вскоре у них родилось четверо детей — три дочери (Маргарет, Синтия, Лаура) и сын Майкл. Несмотря на то что Уокер быстро получал очередные повышения по службе, он не собирался прослужить 20 лет, а затем выйти на пенсию. Его мечта заключалась в том, чтобы накопить достаточно денег, вложить их в какой-нибудь бизнес и выйти в отставку. Но мечты Уокера разбивались о суровую реальность. Все зарабатываемые им деньги уходили на содержание семьи и небольшого заведения «Бамбуковый бар», приносившего одни убытки. К тому же Барбара пристрастилась к алкоголю, а также постоянно «пилила» мужа по различным поводам.

В апреле 1967 года Уокера перевели в оперативный центр штаба Атлантического флота США в Норфолке. Здесь он стал дежурным офицером в центре коммуникаций, ответственным за связь со всеми подводными лодками, курсирующими в Атлантическом океане. К тому времени он находился на грани банкротства, а семейные отношения обострились до предела. В конце 1967 года во время очередного дежурства кто-то из офицеров пошутил, что неплохо было бы продавать секреты русским, так как они заплатили бы за них кучу денег. Именно в этот момент у Уокера родилась мысль, что таким путем он мог бы не только рассчитаться с долгами, но и обеспечить себе безбедную жизнь. Первым документом, с которого он снял копию, был список месячных ключей к шифровальной машине KL-47, проходивший под грифом «Совершенно секретно — особая

категория».

В один из декабрьских дней 1967 года Уокер взял такси и попросил подвезти его в Вашингтон. Таксист высадил его за квартал до советского посольства, и дальнейший путь Уокер проделал пешком. Войдя в посольство, он потребовал встречи с офицером, отвечающим за безопасность. А на вопрос вышедшего к нему сотрудника посольства: «Что вам угодно?» — Уокер ответил заранее подготовленной фразой: «Меня интересует возможность продать секретные документы правительства Соединенных Штатов Советскому Союзу. Ценную военную информацию. Я принес с собой образец».

С этими словами он достал из кармана и передал собеседнику листок с ключами к шифровальной машине KL-47. Взяв у него листок, сотрудник посольства вышел, а через несколько минут в комнату вошел другой человек, поведший с Уокером долгую беседу. На вопрос, какими причинами вызван его приход сюда — политическими или финансовыми, Уокер ответил: «Исключительно финансовыми. Мне нужны деньги». А на вопрос: «Сколько вы хотите?» — заявил: «Что-нибудь между 500-1000 долларов в неделю».

После непродолжительных колебаний собеседник Уокера вручил ему 1000 долларов и назначил следующую встречу через две недели в торговом центре города Александрия. Затем на Уокера надели длинное пальто, шляпу с широкими полями и, выведя через боковую дверь, посадили на заднее сиденье автомобиля. Машина на большой скорости покинула посольство и, по- петляв по городу, остановилась в северо-западной части Вашингтона, где Уокера высадили, забрали пальто и шляпу и оставили в одиночестве.

Человеком, завербовавшим Уокера, был резидент ПГУ КГБ в Вашингтоне Борис Соломатин. Передавая Уокеру деньги и назначая встречу, он очень рисковал, так как мог нарваться на «подставу» ФБР. Впрочем, вот как он сам рассказывает о вербовке Уокера в интервью американскому журналисту Питу Эрли:

«— Как вы убедились, что Уокер не двойной агент, подосланный вам ЦРУ или ФБР?

— Разумеется, эти службы регулярно подсылали нам «двойников». Но Уокер показал месячный ключ к шифру одной из ваших шифровальных машин. Это было крайне необычно, и я решил рискнуть по-крупному. Имейте в виду, что резидент КГБ, как и глава резидентуры ЦРУ, как правило, не беседуют напрямую с добровольцами. Но в данном случае Уокер предлагал нам шифры, а это самый важный объект разведки. И я решил лично поговорить с ним, составить собственное впечатление об

этом человеке, чтобы решить, будем ли мы работать с ним в будущем. Должен сказать, что я люблю рисковать, разумеется, рисковать разумно. И уверен, без риска не может быть действительно результативной разведки.

Поэтому я плюнул на все правила и инструкции и в течение двух часов беседовал с Уокером один на один. Конечно, на первой встрече я не мог полностью убедиться, что он не двойной агент, не подослан контрразведкой, но интуиция мне подсказывала, что Уокер не «двойник». Интуиция — это, конечно, не случайная догадка, она требует накопления достаточных знаний и практического опыта, в данном случае разведывательной работы. К тому времени я уже проработал в разведке 16 лет.

Сотруднику разведки, чтобы не остаться в дураках, нужно прежде всего хорошо знать разведываемую страну, знать, что там секретно, а что нет. Следует задать себе вопрос: нанесет ли предлагаемая информация вред стране, которую представляет человек, передающий ее? Я не знал тогда и сейчас все еще не знаю ни одного примера, когда какая-нибудь контрразведка использовала в качестве двойного агента человека, имеющего доступ к шифровальному делу. Шифры и шифровальная техника слишком важны и слишком секретны, чтобы кто-нибудь стал рисковать ими, даже если используются ложные шифры».

На следующей встрече Уокер передал своему оператору несколько карточек с ключами к шифровальной машине KW-7 и технические характеристики на нее, получив за это 5000 долларов — огромную по тем временам сумму. В дальнейшем личных встреч больше не проводилось, а передача материалов и денег производилась через тайники. Вербовку Уокера в Центре считали большим успехом, и поэтому делалось все возможное для обеспечения его безопасности. Так, в резидентуре об Уокере знали всего три человека — резидент Соломатин, его заместитель по линии ПР Олег Калугин и еще одни сотрудник линии «КР» (внешняя контрразведка) резидентуры Александр Соколов, проводивший с ним тайниковые операции. Кстати, именно тот факт, что Калугин работал с Уокером, был причиной того, что он стремительно поднялся по служебной лестнице и стал в 1974 году самым молодым генералом во внешней разведке.

Однако полностью избежать утечки информации не удалось, и это в конце концов привело к провалу Уокера. Дело в том, что работники 16-го отдела ПГУ (электронный перехват и операции против шифровальных служб), которым передали на связь Уокера, снабдили его фотографиями мест, где размещались тайники, и списком необходимой информации. Все это и

обнаружила в середине 1968 года в письменном столе Уокера его жена Барбара. Но узнав, что ее муж шпион, она не захотела терять только что приобретенный материальный достаток и даже дважды помогала ему закладывать тайники.

В оперативном центре, где служил Уокер, никто не догадывался о том, что он переснимает секретные материалы. Более того, в 1972 году, когда Уокер уже более 4 лет занимался шпионажем, его аттестовали следующим образом:

«Старший уорент-офицер второго класса Уокер в высшей степени лоялен, гордится собой и службой на флоте, неукоснительно придерживается принципов и традиций морской службы. Отличается обостренным чувством долга и личной порядочностью в сочетании с большим чувством юмора. Дружелюбен, умен, прекрасно уживается с другими».

И в самом деле, никто не обратил внимание, что Уокер снял дорогую квартиру в престижном районе Норфолка, купил дорогую яхту и оставляет большие суммы в кабаре и ресторанах. Нахальство Уокера доходило до того, что он при сослуживцах подключил переданный ему КГБ роторный считыватель для определения схем шифровальных машин к шифратору KL-47, объясняя свои действия тем, что машина искажает информацию и ему нужно ее обследовать. «В универмагах система безопасности намного надежнее, чем в американском военно-морском флоте», — говорил он позднее с презрением.

Летом 1971 года Уокер получил назначение на вспомогательное судно «Ниагара-Фолс», курсирующее у берегов Вьетнама. На судне он отвечал за сохранность секретных материалов, в том числе и за все кодовые ключи и шифровальные машины корабля. По словам Уокера, военно-морской флот США вручил ему «ключи от царства». Объем передаваемой в это время Уокером секретной информации был огромен. А о ее важности можно судить по словам Теодора Шекли, резидента ЦРУ в Сайгоне с 1968 по 1973 год:

«На заключительном этапе войны во Вьетнаме они (вьетнамцы — *Авт.)* обычно заранее знали о рейдах B-52. Даже когда из-за плохой погоды самолеты уходили на запасные цели, им было уже известно, по каким целям будет нанесен удар. Естественно, это обстоятельство сокращало эффективность ударов, поскольку они успевали к ним подготовиться. Это было совершенно необъяснимо. Мы так и не смогли понять, в чем дело».

В 1974 году Уокера перевели в штаб десантных войск в Норфолке, что заметно снизило его доступ к шифровальному оборудованию. Но к тому времени он завербовал для работы на

КГБ своего ближайшего друга Джерри Альфреда Уитуорта, специалиста по спутниковой связи ВМС США, имевшего доступ ко всем новейшим шифровальным системам, благодаря чему продолжал снабжать советскую разведку сверхсекретными материалами.

Однако к 1976 году отношения Уокера с женой настолько ухудшились, что он решил развестись. Дело в том, что Барбара угрожала выдать его ФБР, и он предпочел откупиться от нее, дав ей при разводе 10 тыс. долларов наличными и обещав платить по 500 долларов ежемесячно. Развод был оформлен 22 июня 1976 года, а уже 31 июля Уокер уволился с флота, так как боялся, что не пройдет очередной кадровой проверки.

Но его увольнение не сказалось на объеме передаваемой КГБ информации, так как вскоре он завербовал своего старшего брата Артура, капитан-лейтенанта ВМС в отставке, работавшего в одной из крупных компаний, и своего сына Майкла, пошедшего по стопам отца на флот и служившего на авианосце «Нимиц». Он даже пытался завербовать свою дочь Лауру, служившую в армейском корпусе связи, но та не поддалась на его уговоры. Сам Уокер открыл детективное агентство «Конфидэншл рипортс, инк.» и компанию по удалению из помещений подслушивающих устройств «Электроник каунтер-спай, инк.», которые позволяли ему беспрепятственно отмывать деньги, получаемые за шпионаж. При этом он чрезвычайно гордился созданной им шпионской сетью, о чем можно судить по письму, которое он передал в Москву. В нем, в частности, говорилось:

«Ни один из действующих и потенциальных членов нашей организации не испытывает классических проблем, которые преследуют столь многих, занятых подобным родом деятельности. Среди нас нет наркоманов, алкоголиков или гомосексуалистов. Мы психологически уравновешенные, зрелые люди и располагаем возможностями для безопасного «отмывания» вознаграждений».

Но в 1984 году вокруг Уокера неожиданно начала сжиматься петля. 11 мая в отдел жалоб отделения ФБР в Сан-Франциско пришло напечатанное на машинке анонимное письмо:

«Дорогой сэр, я уже несколько лет занимаюсь шпионажем и передал совершенно секретные кодовые книги, технические инструкции к шифровальным машинам, секретные телеграммы и т. д. До определенного момента я не знал, что эта информация уходила в Советский Союз, с тех пор меня мучит раскаяние. Цель этого письма — дать возможность ФБР вскрыть важнейшую шпионскую сеть…»

Далее аноним, выбравший себе псевдоним «Рус», предлагал

обратиться к нему через полосу объявлений в газете «Лос-Анджелес таймс». Попытки ФБР установить анонима результатов не дали. А написал это письмо не кто иной, как Джерри Уитуорт, вышедший к тому времени в отставку. Но окончательно выдала Уокера его бывшая жена Барбара, которая 17 ноября 1984 года наконец набралась смелости и рассказала о деятельности Джона агентам ФБР. Ей сначала не поверили, но когда слова матери подтвердила Лаура, за Уокером была установлена слежка, а его телефон был поставлен на прослушивание.

Арестовали Уокера 20 мая 1985 года во время проведения тайниковой операции. (Кстати, арест Уокера был проведен настолько бездарно, что сотрудник вашингтонской резидентуры Алексей Ткаченко, выехавший для выемки из тайника материалов Уокера, смог беспрепятственно вернуться в посольство.) Вслед за Уокером были арестованы его брат Артур, сын Майкл и Джерри Уитуорт. Уитуорт категорически отрицал свою вину, но агенты ФБР уговорили выступить против него свидетелем Уокера, пообещав ему потребовать для него на суде всего лишь пожизненное заключение. Уокер не стал отказываться от сделки, особенно после того, как узнал о письме «Руса».

Состоявшийся в октябре 1985 года суд приговорил Уитуорта к 365 годам тюрьмы и 410 тыс. долларов штрафа. Майкл Уокер был осужден на 25 лет без права досрочного освобождения. Артур Уокер также не признал своей вины и в результате получил три пожизненных срока плюс 40 лет тюрьмы. А сам Джон Уокер, который не отрицал своей вины, был осужден на пожизненное заключение. Таково американское правосудие. К тому же эти приговоры не были окончательными. Дело в том, что в 1990 году, выступая на митинге в Краснодаре, О. Калугин заявил, что лично работал с Джоном Уокером и его помощниками. После этого заявления дело Уокеров и Уитуорта было пересмотрено и они получили дополнительные сроки заключения.

После ареста Джона Уокера американские спецслужбы провели тщательное расследование и пришли к заключению, что к 1985 году с помощью переданных им криптоматериалов в СССР было перехвачено более миллиона американских секретных сообщений. Когда же министра обороны США Каспара Уайнберга попросили оценить ущерб, нанесенный группой Уокера, он сказал:

«Русские получили доступ к информации о вооружениях и электронном оборудовании, об учебной подготовке надводных, подводных и воздушных сил, о нашей боеготовности и тактике. Мы уже наблюдаем явные признаки того, что русские в курсе всех аспектов нашей доктрины ведения боевых действий на море. И

теперь нам ясно, что это напрямую связано со шпионской деятельностью Уокера».

Кристофер Бойс и Эндрю Ли

Впрочем, для проникновения в секреты АНБ советская разведка не всегда занималась вербовкой его сотрудников. Примером тому может служить история Кристофера Бойса и Эндрю Ли.

Кростофер Бойс, 1953 года рождения, сын и племянник бывших сотрудников ФБР, был взбалмошным молодым человеком, к тому же увлекающимся наркотиками. После окончания школы Бойс поступил в колледж, но учеба тяготила его, и он перестал посещать занятия. Тогда отец в 1975 году устроил его на работу в калифорнийскую компанию TRW, которая была крупным подрядчиком АНБ, разрабатывающим высокотехнологические и сверхсекретные программы, в том числе и по космической разведке. Кроме того, сотрудники компании обслуживали некоторые спутники-шпионы АНБ, в частности, космические станции «Риолит», предназначенные для перехвата передач в диапазоне ВЧ и СВЧ на территории СССР.

Несмотря на молодость, Бойса назначили на серьезную должность, а также оформили допуск к секретным документами и пропуск в так называемый «черный склеп» — сверхсекретный узел связи для передачи шифрованной спутниковой информации в АНБ и ЦРУ. «Черный склеп» представлял собой полностью экранированное помещение, заключенное в сплошную бетонную оболочку. Чтобы попасть в него, необходимо было пройти три контрольных пункта внутри здания TRW, а также миновать несколько телевизионных камер, фиксирующих всех, кто приближался к специальной стальной двери, преграждавшей вход в сам узел связи. Дверь открывалась набором шифра из трех цифр, который знали только несколько руководителей TRW.

Однако с дисциплиной у работников TRW дела обстояли неважно. Позднее Бойс рассказывал, что он вместе с другими сотрудниками не раз устраивал вечеринки в помещении «черного склепа», «напиваясь до чертиков». При этом они прятали спиртное за стойками шифровальных машин, а устройство для взламывания кодов часто использовалось в качестве миксера для приготовления коктейлей. Более того, однажды один из приятелей Бойса наклеил на пропуск поверх собственной фотографии снимок обезьяны и тем не менее был пропущен охраной в помещение, где хранились секретные документы.

Несмотря на солидный заработок, денег Бойсу хронически не хватало. И тогда, посоветовавшись со своим давним приятелем Эндрю Ли, он решил продавать СССР секретные документы по спутникам и шифровальному делу, к которым имел допуск. С этой целью в апреле 1975 года Бойс послал Ли в Мексику, где тот установил контакт с сотрудниками резидентуры внешней разведки в Мехико. В дальнейшем в течение двух лет Ли раз в месяц встречался со своими операторами и передавал им отснятые Бойсом секретные документы.

Так, через Ли Бойс передал документацию на космическую станцию «Риолит», перехватывавшую телеметрическую информацию, в том числе и о запуске ракет на территории СССР. До получения материалов Бойса эта информация не зашифровывалась, так как советские специалисты считали, что мощность этих сигналов чрезвычайно мала и принять их возможно только в непосредственной близости от места старта ракеты. Однако, убедившись с помощью полученных от Бойса сведений в обратном, советская сторона стала шифровать свои телеметрические сигналы. Кроме информации о станции «Риолит», Бойс передал материалы о некоторых других спутниках-шпионах АНБ, а также регулярно посылал в Москву фотокопии карт-ключей для шифромашин на месяц вперед.

Информация, поступающая от Бойса и Ли, оценивалась в Центре чрезвычайно высоко. Об этом можно судить по тому, что за два года сотрудничества они получили в общей сложности свыше 70 тыс. долларов. Кроме того, представители ПГУ в Мексике настойчиво рекомендовали Бойсу вернуться в колледж и после его окончания поступить на работу в АНБ или ЦРУ. А по завершению карьеры в американских спецслужбах ему было обещано советское гражданство. Бойс нашел предложения советских разведчиков заманчивыми и в 1976 году записался на курсы китайского языка в Калифорнийском университете. Что же касается Ли, то он не изменил своего образа жизни и продолжал баловаться наркотиками.

Провал Бойса и Ли произошел случайно. 6 января 1977 года Ли как обычно, приехал в Мехико и направился к советскому посольству. Но на этот раз мексиканские полицейские заметили, что он перебросил пакет через ограду посольства, и задержали его. В это время Ли увидел проходящего мимо американского дипломата и обратился к нему за помощью. Но когда в полицейском участке принадлежащий Ли пакет был вскрыт и в нем были обнаружены фотокопии секретных документов, дело немедленно передали в ФБР. В ходе допроса Ли выдал Бойса, которого арестовали 18 января в студенческом городке

Калифорнийского университета в Риверсайде.

В начале следствия Бойс и Ли утверждали, что водили русских за нос, передавая им документы, не имеющие никакой ценности. Но затем под давлением улик Бойс признался в передаче СССР секретных материалов, объясняя свое решение разочарованием в США после вьетнамской войны и уотергейтского скандала. Состоявшийся в июле 1977 года суд приговорил Эндрю Ли к пожизненному заключению, а Бойс в сентябре 1977 года был осужден на 40 лет лишения свободы. После вынесения приговора один из сотрудников ЦРУ сказал журналистам: «То, что он (Бойс — *Авт.)* сделал, сравнимо по масштабу с национальным бедствием».

В феврале 1980 года история Бойса получила неожиданное продолжение. Ему удалось бежать из федеральной тюрьмы Ломпок, штат Калифорния, перерезав кусачками проволочное заграждение. Пробираясь на северо-запад США, откуда он намеревался бежать в СССР, Бойс ограбил 17 банков. Пока судебные исполнители искали его в Мексике, Австралии, Коста-Рике, ЮАР и других странах, Бойс купил Порт-Анджеле, штат Вашингтон, небольшой рыболовецкий баркас, на котором собирался доплыть через Беренгов пролив до советской территории. Но узнав от рыбаков об опасности такого путешествия, он решил попасть в СССР по воздуху. С этой целью Бойс начал заниматься летной подготовкой, но в августе 1981 года был арестован судебными исполнителями и агентами ФБР. Состоявшийся вскоре суд добавил к его прежнему сроку 3 года за побег и 25 лет за ограбление банков в штатах Айдахо, Монтана и Вашингтон.

Рональд Пелтон

После того, как в 1967 году Роберт Липка уволился из АНБ, а в 1977 году был арестован Кристофер Бойс, у советской разведки долгое время не было своего человека в Агентстве национальной безопасности. Но в 1980 году ПГУ КГБ получило возможность получать ценную информацию из АНБ, так сказать постфактум, от уволившегося год назад из агентства Рональда Пелтона.

Биография Рональда Уильяма Пелтона банальна. После окончания школы в городке Бентон-Харбор, штат Мичиган, он учился в Индианском университете, где одно время посещал годичные курсы русского языка. В 1960 году он поступил на службу в ВВС США и был направлен в Пакистан в подразделение разведки, занимавшееся прослушиванием советских каналов

связи. Уволившись со службы в 1964 году, он непродолжительное время работал телевизионным мастером, а на следующий год устроился на работу в АНБ. После обучения на курсах в Национальной криптографической школе (НКШ) Пелтона направили в группу «А» Производственного отдела (СССР и его союзники) АНБ, где он проработал до июля 1979 года.

Пелтон проработал в АНБ 14 лет. Но в 1979 году его материальное положение резко ухудшилось, так как у него украли строительные материалы для дома, который он собирался построить, а страховка оказалась слишком мала, чтобы компенсировать понесенные убытки. Оклад в 2000 долларов в месяц, который он получал в АНБ, позволял лишь сводить концы с концами, и поэтому в июле 1979 Пелтон уволился из агентства. А спустя несколько месяцев он решил поправить свое материальное положение, продав советской разведке секретные сведения, к которым имел доступ во время работы в АНБ.

14 января 1980 года Пелтон позвонил в советское посольство в Вашингтоне и попросил встречи с каким-либо ответственным дипломатом для важного разговора. Ему ответили, что для этого необходимо посетить посольство лично. На следующий день, 15 января, Пелтон снова позвонил в посольство и сказал, что будет с минуты на минуту. В здание посольства он вошел через ворота, однако бригада наружного наблюдения ФБР видела его только со спины.

Во время беседы с работниками резидентуры КГБ Пелтон заявил, что является бывшим сотрудником АНБ, и предложил купить у него секретные материалы агентства. Причем плату за свою информацию он хотел получать золотыми слитками. А в качестве доказательства того, что он действительно имеет отношение к АНБ, Пелтон предъявил свидетельство об окончании курсов НКШ. Предложение Пелтона было принято, хотя платить ему обещали как обычно, в долларах.

Пока Пелтон разговаривал с сотрудниками резидентуры, дежурный техник комплекса «Зенит», прослушивая радиочастоты, на которых работали агенты ФБР, зафиксировал всплеск переговоров с использованием переносных и автомобильных радиопередатчиков. Из этого был сделан вывод, что агенты ФБР зафиксировали приход Пелтона в посольство и сейчас пытаются установить его личность. Чтобы этого не произошло, Пелтону сбрили бороду, переодели в комбинезон, загримировали под рабочего и в микроавтобусе вместе с работниками посольства отвезли в Маунт-Альто, район, где расположены дома советского дипкорпуса. Там Пелтона накормили обедом, а потом отвезли к месту парковки его автомобиля.

Местом для контактов с «Лонгом» (псевдоним Пелтона в ПГУ КГБ) была выбрана Вена. Каждую последнюю субботу он отправлялся в пиццерию, и если в 8 часов вечера ему звонили туда и говорили: «У нас для вас кое-что есть», то он отправлялся в Вену на встречу со своим оператором Анатолием Славовым. Для поездки ему выдавали 2000 долларов, которые он должен был взять из тайника, находящегося в другой пиццерии. Первая поездка Пелтона в Вену состоялась в октябре 1980 года. Во время нее он в течение четырех дней по 8 часов рассказывал все, что знал об АНБ. Обладая феноменальной памятью, Пелтон сообщил подробную и весьма специфическую информацию со множеством технических параметров. При этом он пересказывал не только содержание документов, но и их атрибуты — даты и номера учета, фамилии подписавших резолюции и т. д. Сотрудничество Пелтона с советской разведкой длилось шесть лет, в течение которых он получил 35 тыс. долларов и 5000 долларов на дорожные расходы. Последний раз он посетил Вену в апреле 1985 года, но встреча со Славовым по неизвестным причинам не состоялась.

За время работы на КГБ Пелтон подробно рассказал Славову о деятельности и элементах системы безопасности АНБ в 70-е годы. Он также составил 60-страничный документ, озаглавленный им «Папка параметров связи». В этом документе говорилось о средствах связи, которые считались в АНБ наиболее важными, описывалась процедура их анализа, а также приводились основные результаты этого анализа. Кроме того, он рассказал о пяти системах сбора данных электронной разведки и среди них об операции «Айви Беллз», в ходе которой на советский подводный кабель в Охотском море было прикреплено устройство, позволяющее считывать проходящую по нему информацию.

В 1981 году военные моряки сняли с кабеля прослушивающее устройство. А для того чтобы Пелтон не попал под подозрение, была запущена дезинформация о том, что устройство случайно обнаружили советские рыбаки. Интересно отметить, что эту версию поддерживали «на плаву» и после ареста Пелтона. Так, в 1994 году бывший командующий Тихоокеанским флотом адмирал Владимир Сидоров в интервью корреспонденту «Известий» рассказывал следующее:

«Рыбаки вышли в море за камбалой и крабами, зацепили телефонный кабель и порвали его… Обрыв обнаружили быстро, но на Охотское море надвигался глубокий циклон, в районе работ прогнозировался ветер силой до тридцати метров в секунду. Решили до окончания штормовой погоды направить судно в

магаданской порт. И вдруг ночью от командира кабельного судна приходит донесение о том, что во время поиска обрыва на кабеле обнаружен огромный контейнер иностранного производства, поднять который из-за плохой погоды через носовое устройство прокладки кабеля нельзя. Кроме того, он настолько тяжел, что поднять его можно только носовым краном, на что потребуется не менее двух часов. В 5 часов утра командир «Тавды» доложил, что контейнер весом семь тонн, длиной пять метров поднят на борт».

Работа Пелтона на советскую разведку могла продолжаться еще довольно длительное время, если бы не побег из Рима в США в августе 1985 года заместителя начальника 1-го (американского) отдела ПГУ КГБ полковника Виталия Юрченко. Во время допросов в ФБР Юрченко помимо всего прочего рассказал о неком бывшем сотруднике АНБ, добровольно предложившем свои услуги, назвал время его прихода в советское посольство и описал приметы. В результате сотрудники ФБР по записям телефонных звонков в советское посольство, сделанных в январе 1980 года, установили, что добровольцем был Пелтон. Но самого факта звонка в посольство и его посещения было недостаточно для передачи дела в суд. А Юрченко уже не мог выступить свидетелем, поскольку 2 ноября 1985 года неожиданно для американцев вернулся обратно в СССР.

С санкции суда по надзору над внешней разведкой агенты ФБР установили «жучки» в рабочем телефоне Пелтона, в его квартире, машине, а также в квартире его любовницы. Однако никакой уличающей его информации в ходе прослушивания получено не было. Тогда в ФБР решили надавить на Пелтона психологически. 24 ноября 1985 года он был вызван на допрос, который вели агенты ФБР Дэвид Фолкнер и Дадли Ходжонсон. В ходе допроса Пелтону прокрутили пленку с записью его звонков в советское посольство и ознакомили с показаниями Юрченко. В конце концов Пелтон, поверив туманным обещаниям Фолкнера и Ходжонсона отнестись к его поступкам с снисхождением, признался в передаче секретных сведений советской разведке. При этом слабым местом Пелтона оказалось его пристрастие к наркотикам.

Получив признание Пелтона, ФБР немедленно арестовало его. В ходе судебных слушаний, состоявшихся в июне 1986 года, жюри присяжных признало его виновным. А судья, заявив, что предательство Пелтона нанесло США «неоценимый ущерб», приговорил его к трем пожизненным срокам.

Впрочем, разоблачение Пелтона не лишило КГБ информации из АНБ. Дело в том, что в 1983 году советской разведкой с помощью развед- управления МГБ ГДР был завербован уорент-

офицер АНБ Джеймс Холл. До самого своего ареста в декабре 1988 года Холл передавал своим операторам важную секретную информацию, в том числе и относящуюся к программе «Звездные войны». Более того, все это время он помогал разведуправлению ГДР создавать помехи, нарушать и выводить из строя американскую систему радиослежения за странами Восточной Европы. Как установил суд, за время сотрудничества с разведкой ГДР Холл получил в общей сложности около 200 тыс. долларов. На суде Холл признал себя виновным и был приговорен к 40 годам тюремного заключения, 50 тыс. долларов штрафа и увольнению из вооруженных сил с лишением всех прав и привилегий.

Кроме Холла спецслужбы ГДР в 80-х годах имели еще одного агента в АНБ. В 1982 году ими был завербован сержант Джефри Карни, служивший на базе слежения АНБ «Темпельхоф» в Западном Берлине в подразделении, отвечающем за прослушивание линий связи стран Варшавского Договора. В 1985 году он бежал в ГДР и работал там в качестве эксперта по радиоперехвату. Однако дальнейшая судьба Карни сложилась трагически. 22 апреля 1991 года сотрудники ЦРУ прямо средь бела дня схватили его на улице в Берлине и тайно вывезли в США, несмотря на то, что к этому времени он получил гражданство объединенной Германии. После продолжительных допросов в контрразведке Карни предстал перед судом военного трибунала на авиабазе Эндрюс, близ Вашингтона. Он был признан виновным в шпионаже и дезертирстве из вооруженных сил и приговорен к 38 годам тюрьмы.

Глава третья
«Кроты» в ЦРУ

После окончания Второй мировой войны президент США Г. Трумэн 20 сентября 1945 года подписал указ о расформировании Управления стратегических служб (УСС), после чего первое в истории Америки центральное разведывательное ведомство, созданное в 1942 году, прекратило свое существование. Но уже через четыре месяца, 22 января 1946 года, тем же Трумэном была подписана директива о создании Центральной разведывательной группы, в задачу которой входил анализ и хранение полученных другими ведомствами разведданных. Однако этим дело не ограничилось, и 8 июня 1946 года была издана очередная директива, наделяющая ЦРГ правом проведения за рубежом разведывательной и контрразведывательной работы в целях сбора информации, необходимой для национальной безопасности США. Логическим завершением этих бюрократических игр стало принятие в 1947 году Закона о национальной безопасности, по которому ЦРГ была преобразована в Центральное разведывательное управление (ЦРУ).

С первого дня существования ЦРУ его главным противником считался СССР и его союзники. Точно так же относились к ЦРУ и советские спецслужбы. Поэтому проникновение в ЦРУ и вербовка сотрудников американского разведывательного ведомства была одной из приоритетных задач ПГУ КГБ. Первая удача пришла уже через два года после образования ЦРУ, когда советской разведке предложил свои услуги Александр Копацкий, более известный как Игорь Орлов.

Александр Копацкий (Игорь Орлов)

Александр Григорьевич Копацкий родился 1 января 1922 года (по другим сведениям в 1923 году) в городе Сурож Брянской области. По словам жены, он учился в военном училище в Сибири, возможно, в Новосибирске, а с августа 1941 года служил в войсковой разведке в звании лейтенанта.

В декабре 1943 года Копацкий был выброшен с парашютом на территорию Германии, но был обнаружен при посадке, и, раненный в ногу и шею, взят в плен. Он пролежал в госпитале до апреля 1944 года, и в это время был завербован абвером в качестве связника с армией Власова. После выздоровления и

выписки из госпиталя Копацкий служил в звании лейтенанта вермахта в «Штабе Валли», а в марте 1945 года был переведен в разведку РОА, где числился до мая 1945 года. После окончания войны он попал в плен к американцам и был заключен в концлагерь Дахау. Там в 1946 году его и завербовали американцы для работы в так называемой «Организации Гелена» — западногерманской разведслужбе, созданной под патронажем США.

У вдовы Копацкого Элеоноры сохранилась собственноручно написанная им автобиография, уместившаяся на одном листке. Вот она:

«Игорь Григорьевич Орлов родился 1 января 1922 года в Киеве, Советский Союз. Натурализован 6 сентября 1962 года в Александрии, штат Виргиния, документ о натурализации № 8440855. Военная или гражданская работа: август 1941 — декабрь 1943. Лейтенант советской разведки, декабрь 1943 — апрель 1944. Пленный в немецком госпитале, апрель 1944 — март 1945. Лейтенант немецкой разведки, «Штаб Валли», март 1945 — май 1945. Разведка РОА (армии Власова), 1946 — 1948. Разведка США, 1950 — 1961. Оперативник ЦРУ».

В 1946–1947 годах Копацкий работал на американскую разведку в штаб-квартире «Организации Гелена» в Пуллахе, под Мюнхеном, а в 1948 году его перевели на мюнхенскую оперативную базу ЦРУ, где его начальником стал кадровый американский разведчик Дэйв Мэфри, специализирующийся на украинском направлении.

В июле 1948 года, желая еще больше дистанцироваться от своего советского прошлого, Копацкий женился на дочери бывшего члена СС Элеоноре Штирнер, немке, отсидевшей пять месяцев в том же Дахау как член гитлерюгенда. Вспоминая позднее о том времени, Элеонора рассказывала:

«Он (Копацкий — *Авт.)* пил много водки. Он целовал дамам ручки. Он был весьма пунктуален, до блеска начищал обувь, по утрам делал гимнастику, всю свою жизнь носил аккуратные короткие прически. И очень хорошо стрелял. Саша любил охоту и рассказывал, как охотился с отцом на тигров в Сибири».

В 1949 году, во время создания берлинского воздушного моста, Копацкий был переведен в Западный Берлин. Там он и его жена по настоянию ЦРУ сменили фамилию и стали Францем и Элен Койшвиц. В Берлине Копацкий занимался вербовкой женщин легкого поведения. У него на связи было одиннадцать проституток и однорукий пианист, которые работали в одном из баров советского сектора. Они сообщали ему обо всех сплетнях, которые представляли военный или разведывательный интерес.

Но основной задачей Копацкого была вербовка с помощью девушек советских военнослужащих.

Однако в том же 1949 году Копацкий пришел в советскую военную миссию в Баден-Бадене и предложил свои услуги в качестве агента. Его незамедлительно переправили в Восточный Берлин, где он подписал обязательство о сотрудничестве с советской внешней разведкой и прошел ускоренный курс тайнописи и микрофотографирования. Главной задачей, которую перед ним поставили, было проникновение в ЦРУ, а также саботаж операций, проводимых американской и западногерманской разведками против советских граждан.

Вернувшись в ФРГ, Копацкий продолжил свою работу на ЦРУ, одновременно передавая своим советским кураторам ценную информацию. (По некоторым данным с Копацким работали следующие оперативные сотрудники: Комаров, Галигузов, Красавин, Гранин, Крищенко, Борисов, Комев, Федорченко, Мельников, Чайковский, Шилов, Говорков, Питовранов, Лихачев, Бирюков, Зинченко, Олейник, Курышев, Арсенев, Федоренко, Макаров, Мякотный, Севастьянов и нелегал «Дима».) Так, он сообщил установочные данные на более 100 американских разведчиков и их агентов в Восточной Германии. Последние были либо арестованы, либо стали «двойниками», работающими под контролем ПГУ КГБ. Кроме того, 5 ноября 1951 года Копацкий напоил и передал советским разведчикам своего сослуживца по ЦРУ эстонца Владимира Киви. А в 1952 году он помог организовать «бегство» в ФРГ агента ПГУ «Виктора», который позднее был принят на работу на радиостанцию «Голос Америки» и передавал в Центр ценную информацию. Деятельность Копацкого в качестве агента высоко оценивалась в Москве. Об этом говорит и тот факт, что в 50-х годах ему выплатили в общей сложности 4000 дойчмарок и несколько раз награждали золотыми часами.

В 1951 году Копацкий, к большому удовольствию Москвы, был принят на работу в ЦРУ по контракту. Это значительно расширило его разведывательные возможности. Но в 1954 году у него родился сын Роберт, и Элеонора потребовала прекратить кочевую жизнь по меблированным комнатам. Копацкий доложил о требованиях жены начальству, после чего в 1956 году его перевели во Франкфурт и предложили американские паспорта. С паспортами, однако, произошла заминка, так как Франца Койшвица в 1954 году арестовали за нарушение правил дорожного движения в пьяном виде и некоторое время продержали в тюрьме. Поэтому в ЦРУ снова изменили фамилии супругов, и они получили паспорта на имя Игоря и Элеоноры

Орловых.

Во Франкфурте они оба работали на ЦРУ: Элеонора Орлова — в отделе перлюстрации почты, курсирующей между СССР и Западной Германией, а Игорь Орлов пытался на основании полученных путем перлюстрации данных вербовать лиц, имеющих контакты с Советским Союзом. В апреле 1957 года в связи с предстоящим рождением второго ребенка Орловы выехали в США, где 9 августа появился на свет их второй сын Джордж. В это же время Орлов прошел оперативную подготовку в школе ЦРУ, после чего вместе с семьей вернулся во Франкфурт.

Работа Орлова в ЦРУ продолжалась до 1959 года, когда между ним и бывшим советским гражданином Николаем Козловым, также работавшим на американскую разведку, возникли разногласия. Однажды, вернувшись из командировки в Вену, Орлов обнаружил, что его сейф вскрывали. Козлов знал кодовую комбинацию, и Орлов, уверенный, что именно он открывал сейф, написал рапорт на имя своего начальника Соголова. На его беду, Соголов оказался близким другом Козлова, и карьере Орлова в ЦРУ пришел конец.

В январе 1961 года Орлова неожиданно отозвали в Нью-Йорк, где ему была обещана новая работа. Но в Нью-Йорке Орлову заявили, что работы для него нет и не продлили с ним контракт. (Все это время, с 1951 по 1961 год, Орлов работал на ЦРУ по контракту и не был штатным сотрудником управления.) Тогда Орлов установил контакт со своим новым оператором, сотрудником вашингтонской резидентуры И. П. Севастьяновым, от которого получил деньги для дальнейшего обустройства. Затем он устроился водителем грузовика в издательство «Вашингтон пост», а в 1964 году купил в городе Александрия под Вашингтоном магазин картинных рам, частично заплатив за него деньгами, полученными от КГБ.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В декабре 1961 года из Хельсинки бежал в США заместитель резидента ПГУ КГБ майор Анатолий Голицын. Он принес в ЦРУ сведения о теории тотального проникновения КГБ во все поры западного общества, в том числе и в разведку. Эта теория нашла отклик у шефа внешней контрразведки ЦРУ Джеймса Энглтона, и в управлении начался масштабный поиск «кротов» КГБ. По данным Голицына, этот «крот» имел в КГБ псевдоним «Саша», был русского происхождения, его фамилия начиналась на «К» и он работал в Германии. Орлов как никто другой подходил на эту кандидатуру, и в 1964 году контрразведка ЦРУ начала его разработку. А в середине 1964 года дело Орлова было передано в ФБР. (Здесь интересно будет отметить, что Копацкий-Орлов

проходил в ПГУ КГБ под псевдонимами «Эрвин», «Герберт», «Ричард», но никогда не значился «Сашей».)

В начале марта 1965 года агенты ФБР провели в квартире Орловых обыск, а его самого подвергли проверке на детекторе лжи. Однако никаких улик, а тем более доказательств работы Орлова на КГБ, ФБР не обнаружило. Несмотря на это за домом Орлова было установлено постоянное наблюдение, а сам он регулярно вызывался на допросы в ФБР. В апреле Орлов не выдержал прессинга и тайно обратился в посольство СССР в Вашингтоне за помощью.

После визита Орлова в посольство вашингтонская резидентура в короткий срок разработала план его вывоза вместе с семьей на территорию СССР. При этом Центр намеревался использовать Орлова для проведения активного мероприятия. Планировалось провести в Москве пресс-конференцию, на которой Орлов был бы представлен как разведчик-нелегал, совершивший во время Великой Отечественной войны множество подвигов в тылу у немцев, а потом проникший в самое сердце американской разведки. Однако этот план сорвался, поскольку Элеонора Орлова категорически отказалась ехать в СССР. В результате побег не состоялся и Орловы остались в США. После этого связь Орлова с советской разведкой окончательно прервалась.

Посещение Орловым советского посольства не осталось незамеченным агентами ФБР. Но на их вопрос о причинах прихода в посольство Орлов ответил, что узнавал адрес матери, живущей в СССР. И хотя ФБР не стало закрывать дело Орлова, доказать факт его работы на советскую разведку оно так и не смогло. Однако в 1966 году дело Орлова получило неожиданное продолжение.

Все началось с того, что в марте прибывший в США в краткосрочную командировку сотрудник ПГУ КГБ Игорь Кочнов по личной инициативе пошел на контакт с ЦРУ. Среди всего прочего он сказал, что Игорь Орлов является «кротом» КГБ. Однако в положении Орлова это заявление ничего не изменило. В ФБР и ЦРУ до самой смерти подозревали Копацкого-Орлова в том, что он является агентом советской разведки, но никаких конкретных доказательств добыть так и не смогли.

2 мая 1982 года в возрасте шестидесяти лет Копацкий-Орлов умер. Но и его смерть не принесла покоя семье. В 1985 году в США бежал заместитель начальника 1-го (американского) отдела ПГУ КГБ Виталий Юрченко, и история «Саши» обрела второе дыхание. Юрченко утверждал, что Орлов действительно был агентом КГБ. Но самое главное, в одном из своих заявлений он

сказал, что Орлов привлек одного или обоих сыновей к шпионской деятельности на СССР.

В результате в январе 1988 года вдова Орлова Элеонора и два его сына — Джордж и Роберт — вновь подверглись многочисленным допросам. В качестве основания им были продемонстрированы пятистраничные показания Юрченко и их магнитофонная запись. В доме Элеоноры Орловой и в картинной галерее, которой она владела, были проведены обыски, не давшие никаких результатов. В марте Элеонору заставили пройти проверку на детекторе лжи, после чего дело было закрыто. На этот раз окончательно.

Эдвард Смит

Вербовка Копацкого была первым успехом советской разведки в сложном деле проникновения в ЦРУ. Но Копацкий не был штатным сотрудником управления и поэтому не имел доступа к интересующей Москву информации. Что же касается вербовки кадрового сотрудника ЦРУ, то первая удачная попытка относится к 1953 году и связана с командированным в Москву американским разведчиком Эдвардом Смитом.

Эдвард Эллис Смит родился в 1921 году в баптистской семье в Пар- керсбурге, штат Виргиния. В 1943 году он закончил университет Западной Виргинии и пошел служить в армию. Участвуя в боях Второй мировой войны на территории Европы, он был награжден тремя Бронзовыми Звездами за мужество и после окончания военных действий переведен в Вашингтон в армейскую разведку. Изучив русский язык в разведшколе ВМС, Смит в 1948 году был направлен в Москву в качестве помощника военного атташе. В сентябре 1950 года он вернулся в США и был откомандирован в ЦРУ.

В 1953 году отдел SR-9 ЦРУ (отдел Советской России) принял решение направить в Москву, где до этого не было резидентуры, своего сотрудника. Этим сотрудником стал Смит, который хорошо владел русским языком и имел двухгодичный опыт работы в Советском Союзе. В Москву Смит был послан под дипломатическим прикрытием в качестве атташе посольства.

Первым заданием Смита в Москве был подбор тайников для агента ЦРУ подполковника ГРУ Петра Попова, завербованного в январе 1953 года в Вене. Эти тайники предназначались на случай, если Попова внезапно отзовут из Вены и ЦРУ потребуется установить с ним контакт в Москве. Но выполнить это задание Смиту не удалось.

«Смит подыскивал места для устройства тайников и подготовлял их для Попова, — вспоминал бывший оператор Попова Кайзвальтер. — Его выбор был никуда не годен. Попову не понравились места, выбранные Смитом. «Они паршивые», — жаловался тот. Смит, слава богу, не знал, что готовит тайники именно для Попова».

Но на этом неудачи первого сотрудника ЦРУ в Москве не закончились. В том же 1953 году советская контрразведка установила его принадлежность к ЦРУ и начала операцию по его вербовке. К нему подвели под видом горничной агента — девушку по имени Валя. Через некоторое время она сумела соблазнить Смита, а их интимные встречи были засняты на пленку. В результате последовавшего за этим шантажа Смит был вынужден согласиться на сотрудничество. В КГБ ему присвоили псевдоним «Рыжий», так как у него были светло-рыжие волосы. Какие точно материалы передал Смит, неизвестно, но, по свидетельству Пеера де Сильва, в то время одного из руководителей советского отдела ЦРУ, «его работа в Москве не только не представляла никакой ценности, но и во многом была выдумана».

Понимая, что попал в большую беду, Смит в 1956 году нашел в себе мужество признаться своему начальству, что угодил в «медовую ловушку». Его немедленно отозвали из Москвы в США, допросили и, не желая раздувать скандал, уволили из ЦРУ. Однако в управлении были явно напуганы тем, что КГБ удалось выявить и «посадить на крючок» их агента. Позднее один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ Майлер заявил по этому поводу: «Проблема оказалась более серьезной, чем те, которые нам приходилось когда-либо решать. Он признался, что был скомпрометирован, но не сделал полного признания относительно того, что он мог передать Советам».

После увольнения из ЦРУ Смит переехал из Вашингтона в Сан-Франциско, где сделал блестящую карьеру в качестве директора банка и эксперта по СССР. Кроме того, он написал несколько книг, в одной из которых утверждал, что Сталин был агентом царской охранки. Погиб Смит 13 февраля 1982 года. Его сбил автомобиль, которым управлял некий Дональд Пек, находившийся в нетрезвом состоянии. Расследуя происшествие, полиция выяснила, что в портфеле Смита находились заметки для новой книги о КГБ и ЦРУ, но в том, что произошел несчастный случай, никто не сомневался.

Дэвид Барнетт

После отзыва Смита из Москвы советской разведке долгое время не удавалось приобрести нового агента в ЦРУ. Удача улыбнулась только в 1976 году, когда КГБ предложил свои услуги Дэвид Барнетт.

Дэвид Генри Барнетт родился в 1933 году. Окончив Мичиганский университет, он в 1958 году поступил на работу в ЦРУ в качестве аналитика. Одно время он был прикомандирован к подразделениям армейской разведки в Южной Корее и Вашингтоне, а затем с 1965 года работал сотрудником Оперативного управления ЦРУ в Лэнгли.

В 1967 году Барнетт получил назначение в Сурабайю в резидентуру ЦРУ в Индонезии. Его главной задачей была вербовка находившихся там советских граждан. Кроме того, Барнетт принимал участие в операции ЦРУ «Хабринк», целью которой было получение документации на советское оружие, поставляемое правительству Индонезии. Однако карьера Барнетта в ЦРУ продвигалась медленно, и в 1970 году он подал в отставку, хотя и продолжал еще некоторое время сотрудничать с ЦРУ по контракту.

Вернувшись через несколько лет в Индонезию, Барнетт попытался организовать собственный бизнес. Сначала он открыл небольшой креветочный завод, а потом занялся экспортом мебели. Однако все его начинания приносили только убытки, и к 1976 году он оказался на грани разорения, задолжав банку 100 тыс. долларов. В его представлении, у него был лишь один выход, и он им воспользовался.

В октябре 1976 года Барнетт пришел в советское посольство в Джакарте и предложил свои услуги КГБ в обмен на 80 тыс. долларов. Барнетта внимательно выслушали и, убедившись, что предлагаемые им сведения имеют большую ценность, согласились на его условия. В феврале 1977 года он вылетел в Вену, где встретился с сотрудниками внешней контрразведки ПГУ КГБ, руководил которыми начальник управления «К» Олег Калугин, представившийся Барнетту как Павел.

В ходе двухдневной беседы Барнетт передал сотрудникам КГБ сведения о приблизительно 100 работниках и агентах ЦРУ, с которыми он сталкивался на Дальнем Востоке, в Индонезии и Вашингтоне. Назвал Барнетт и фамилии семерых сотрудников КГБ, к которым ЦРУ намечало вербовочные подходы. Кроме того, он рассказал о проводимых ЦРУ операциях в Индонезии, направленных против СССР. Так, Барнетт поведал о том, что агенты ЦРУ украли со склада индонезийской армии наводящее устройство ракеты САМ-2 и переправили его в США. В результате американцам удалось оборудовать бомбардировщики Б-52

системами подавления, нейтрализующими эти наводящие устройства. Подобным образом, используя то обстоятельство, что СССР в свое время поставлял в Индонезию большое количество своего оружия, американцы ознакомились с устройством и тактико-техническими данными подводных лодок класса «В», эсминца класса «Рига», патрульных катеров «Комар» и др. После того, как Барнетт рассказал все, что знал, ему была передана оговоренная сумма денег. Кроме того, была достигнута договоренность, что он вновь попытается устроиться на работу в ЦРУ.

Вернувшись в Джакарту, Барнетт приступил к поиску путей возвращения в ЦРУ. Летом 1977 года он дважды летал в Вашингтон, где имел встречи с Дэвидом Кенни из госдепартамента, Джозефом Деннином из Бюро контроля разведки при Белом доме и Уильямом Миллером, начальником отдела кадров сенатского комитета по делам разведки. В ноябре 1977 года Барнетт встретился в Индонезии с сотрудником вашингтонской резидентуры КГБ Владимиром Поповым и договорился с ним о способах связи на территории США.

21 апреля 1978 года, ликвидировав свои дела в Индонезии, Барнетт с женой и сыном вылетел в США и поселился в городе Бетесда, штат Мэриленд, после чего возобновил попытки устроиться на работу в ЦРУ. Встречаясь со многими высокопоставленными чиновниками от разведки, например, с Ричардом Андерсеном из постоянного комитета по делам разведки палаты представителей, Барнетт утверждал, что, оставив государственную службу и заведя собственное дело, не нуждается в деньгах и заинтересован прежде всего в том, чтобы спецслужбы использовали его огромный опыт. Учитывая, что его послужной список выглядел безукоризненно, Барнетт рассчитывал попасть либо в оперативное подразделение ЦРУ, либо в аппарат сенатского комитета по делам разведки. Но его ожиданиям не суждено было сбыться. В январе 1979 года ЦРУ подписало с ним контракт как с временным сотрудником, но направило его на «ферму»[2], где в его обязанности входило обучение агентов поведению на допросе.

Причина такого назначения заключалась в том, что ЦРУ было известно о контактах Барнетта с советской разведкой от завербованного в 1978 году сотрудника резидентуры КГБ в Джакарте Владимира Пигузова, позднее ставшего парторгом Института разведки им. Андропова и расстрелянного в 1986 году. Желая убедиться в том, что Барнетт продолжит встречи с представителями КГБ, ЦРУ предоставило ему работу, во время которой он не имел доступа к секретным материалам.

Установленное за ним наблюдение подтвердило, что Барнетт регулярно проводил тайниковые операции на территории США и несколько раз выезжал в Индонезию для личных встреч со своим оператором.

Собрав таким образом доказательства работы Барнетта на КГБ, ЦРУ передало его дело ФБР, агенты которого 18 марта 1980 года арестовали неудачливого «крота» по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Припертый к стенке неопровержимыми доказательствами, Барнетт признал свою вину и был осужден на 18 лет тюремного заключения. В ходе судебного заседания было установлено, что за все время сотрудничества Барнетт получил от КГБ 92 600 долларов.

Эдвин Мур

В том же 1976 году еще один бывший сотрудник ЦРУ попытался предложить свои услуги советской разведке. Им оказался Эдвин Гиббсон Мур II.

Первый раз Мур поступил на работу в ЦРУ в 1952 году и занимался главным образом картографией и вопросами материально-технического обеспечения. Но в 1963 году он был уволен из управления после того, как полиция арестовала его по обвинению в поджоге. Однако на суде он был оправдан, после чего подал рапорт о возвращении на работу в ЦРУ. Рапорту Мура был дан ход, и в 1967 году он вновь был принят на работу в управление.

Впрочем, в 1973 году Мур был вынужден сам уволиться из ЦРУ по состоянию здоровья — у него обнаружилась сердечная недостаточность. Кроме того, у него не было перспектив для служебного роста. Так, позднее в одном из служебных отчетов по этому поводу говорилось:

«Его (Мура — *Авт.)* карьера была отмечена низкой работоспособностью и постоянным недовольством. Он заслужил себе репутацию «чужака» в разведке».

Явно обиженный «несправедливым» к нему отношением со стороны ЦРУ, испытывая материальные затруднения, Мур решил продать известную ему секретную информацию советской разведке.

Осенью 1976 года резидент ПГУ КГБ в Вашингтоне Дмитрий Якушкин обнаружил в своем почтовом ящике письмо, в котором некто, назвавшийся сотрудником ЦРУ, предлагал свои услуги за материальное вознаграждение и оговаривал условия возможного контакта. Якушкин предложением заинтересовался, но будучи

крайне осторожным человеком, решил подстраховаться и запросил санкцию на контакт у Центра. Однако председатель КГБ Ю. В. Андропов, опасавшийся после недавнего задержания в США сотрудников ПГУ Энгра и Черняева, отказался санкционировать контакт с неизвестным заявителем.

Не дождавшись ответа на письмо, Мур попытался второй раз предложить свои услуги. Вечером 21 декабря 1976 года он перебросил через забор советского посольства в Вашингтоне пакет с документами, которые в свое время тайком вынес из ЦРУ. Однако сотрудник службы безопасности посольства Виталий Юрченко, решив, что в пакете находится бомба, вызвал полицию. (Здесь надо отметить, что после ареста Мура Юрченко, помимо прочего, утверждал, что действовал согласно указаниям Якушкина.) Прибывшие на место происшествия полицейские и саперы обнаружили в пакете не бомбу, а несколько документов ЦРУ и анонимную записку с предложением «внедриться в центральный аппарат ЦРУ». В обмен на свои услуги неизвестный просил 200 тыс. долларов, которые должны были быть оставлены в тайнике около города Бетесда, штат Мэриленд.

Пакет был незамедлительно передан в ФБР, агенты которого для установления личности заявителя решили выполнить все его условия. В тайник был положен пакет с деньгами, а рядом с ним была устроена засада. Через некоторое время к месту, где находился тайник, подошел человек, до этого убиравший листву в саду своего дома, расположенного через дорогу. В тот момент, когда он попытался изъять закладку, агенты ФБР задержали его. Неизвестным оказался бывший сотрудник ЦРУ Эдвин Мур.

Будучи пойманным с поличным, Мур признался в том, что собирался вступить в контакт с советскими представителями и продать им секретные документы ЦРУ. В результате ему было предъявлено обвинение в шпионаже и незаконном хранении секретной документации. Состоявшийся в мае 1977 года суд приговорил Мура к 15 годам тюремного заключения. Однако отсидел он только два года — в 1979 году его досрочно освободили. Это обстоятельство вызвало скандал в американской прессе. Увидевшие спокойно разгуливающего по Вашингтону Мура журналисты начали осаждать администрацию вопросами о том, почему он вдруг оказался на свободе. Официальные представители правительства США, оправдываясь, заявили, что Мура выпустили из тюрьмы по состоянию здоровья, так как у него был обнаружен рак. Но несмотря на это, до сих пор имеет хождение версия о том, что Мур был «подсадной уткой» американских спецслужб, на которую советская разведка так и не клюнула.

Уильям Кампайлс

Следующим бывшим сотрудником ЦРУ, предложившим свои услуги КГБ, стал Уильям П. Кампайлс.

Кампайлс родился в 1955 году. Его отец умер рано, и мать Кампайлса, работавшая в кафетерии, приложила все усилия, чтобы единственный сын получил достойное образование. При ее помощи и материальной поддержке Кампайлс поступил в университет штата Индиана и после его окончания подал документы для приема на работу в ЦРУ, мечтая об оперативной работе за рубежом. В марте 1977 года, после соответствующей проверки, Кампайлс был зачислен в штат управления. Но его направили не в Оперативный директорат, куда он так жаждал попасть, а в Контрольный центр ЦРУ в Лэнгли, где он занимался регистрацией поступающих туда сообщений и докладов из зарубежных резидентур ЦРУ.

Эта работа совершенно не отвечала мечтам Кампайлса, рассчитывавшего прославиться как оперативник. Перекладывание бумаг с места на место не вдохновляло его, и он относился к своим обязанностям более чем прохладно. Поскольку Кампайлс ничем не проявил себя, начальство оценивало его служебные качества очень сдержанно, и поэтому все его попытки перевестись в Отдел специальных операций окончились безрезультатно. Полностью разочаровавшись в своей работе, Кампайлс, не проработав и года, в начале 1978 года уволился из ЦРУ.

Оказавшись без работы, Кампайлс решил провести операцию: продать советской разведке секретные материалы, к которым он имел доступ во время работы и перед уходом из ЦРУ смог унести к себе домой. В феврале 1978 года он вылетел в Афины, пришел в советское посольство и предложил продать секретные документы. Его предложение было принято, и за смешную сумму в 3000 долларов Кампайлс передал сотруднику резидентуры ПГУ КГБ материалы, касающиеся нового разведывательного спутника ЦРУ КГ-11. Кроме того, как и в случае с Барнеттом, ему посоветовали вновь устроиться на работу в ЦРУ. Вернувшись в США, Кампайлс положил полученные деньги на счет своей матери, после чего вступил в контакт с сотрудником ЦРУ Джорджем Джоаннидесом.

Но факт предательства Кампайлса стал известен ЦРУ еще до того, как он вернулся в США. Дело в том, что в тот день, когда Кампайлс продал секретные материалы сотрудникам КГБ в Афинах, дежурным по резидентуре ГРУ был Сергей Бохан, в 1976 году завербованный ЦРУ. Он встретил Кампайлса при входе в посольство и, разумеется, не замедлил сообщить своим хозяевам о визите некоего американца, желавшего встретиться с

работниками разведки.

Однако донесение Бохана пролежало в ЦРУ без движения около двух месяцев, пока о нем не узнал министр юстиции США Гриффин Белл. Именно он настоял на расследовании дела Кампайлса и его аресте. Позднее Белл, рассказывая об этом случае, писал:

«Разведывательное сообщество считало, что всякий раз, когда мы привлекаем к суду шпиона, раскрываются те или иные государственные тайны. И что в таких случаях следует выбирать из двух зол меньшее, то есть отпустить преступника, но сохранить тайну. А у меня на этот счет имелось другое мнение. Я считаю, что можно наказать шпиона, не разглашая при этом никаких секретов».

В результате настойчивости Белла дело было передано в ФБР, агенты которого 17 августа 1978 года арестовали Кампайлса в Чикаго. В ходе следствия Кампайлс признался, что во время поездки в Афины он имел контакт с представителями КГБ, которым передал информацию о разведывательном спутнике КГ-11. После этого дело Кампайлса было передано в суд, который приговорил его к 40 годам лишения свободы. Таким образом, оно стало поворотной точкой в американской практике судебного преследования лиц, обвиняемых в шпионаже, — ведь до этого никому из них не давали таких больших сроков.

В заключение необходимо отметить, что во время судебного процесса над Кампайлсом представители ЦРУ приложили максимум усилий для того, чтобы не расшифровать своего агента Бохана. Так, например, было заявлено, что Кампайлса разоблачили после того, как в СССР стали менять маскировку шахт стратегических ракет и других военных объектов, над которыми проходил спутник-шпион КГ-11. При этом особенно усердствовал привлеченный ФБР в качестве эксперта небезызвестный публицист Джон Баррон, автор книг «КГБ: тайная работа советских агентов» и «КГБ сегодня: невидимые щупальца». Именно он во время судебного заседания с гордостью заявил, что на космических снимках, сделанных американскими спутниками, «можно было разглядеть даже цвет бороды у человека».

Эдвард Говард

После разоблачения Кампайлса советская разведка снова на продолжительное время осталась без агентуры в ЦРУ. Положение изменилось в 1985 году, когда на контакт с ПГУ КГБ пошел Эдвард Говард.

Эдвард Ли Говард родился 27 октября 1951 года в городе Аламогордо, штат Нью-Мексико. Его отец служил инженером-электронщиком в ВВС, а мать была домохозяйкой. После окончания средней школы Говард поступил на факультет экономики и международной торговли Техасского университета, который досрочно и с отличием закончил в мае 1972 года. Потом он некоторое время работал в Ирландии в компании «Эксон корп», а затем получил предложение Американского корпуса мира и отправился в Латинскую Америку консультантом небольшой фирмы. В 1973 году, находясь в Колумбии, он познакомился со своей будущей женой Мэри, с которой вступил в брак в 1976 году.

В 1975 году Говард оставил работу в Корпусе мира, вернулся в США и защитился, получив степень магистра по управлению бизнесом, после чего уехал в Перу, где стал работать на американское Агентство международного развития. Но в марте 1979 года Говард лишился работы и в целях трудоустройства разослал свои анкеты по адресам разных фирм. Одна из анкет попала в отдел кадров ЦРУ, сотрудники которого в начале 1980 года пригласили его на собеседование. После прохождения многочисленных проверок и комиссий — на благонадежность, медицинской, психологической, на детекторе лжи — Говард был признан годным для работы в разведке.

Около года Говард в качестве курсанта проходил установленный курс обучения. Помимо прочего он 18 месяцев находился в учебном центре ЦРУ Кемп-Пири (штат Виргиния). И наконец 28 января 1981 года он был зачислен в штат оперативного управления ЦРУ. В оперативном управлении его направили в отдел СССР и Восточной Европы, где он начал подготовку для работы в резидентуре ЦРУ в Москве. Интересно отметить, что одним из инструкторов Говарда была Марта Петерсон, выдворенная из СССР в 1977 году после того, как ее поймали с поличным во время закладки тайника для уже арестованного КГБ небезызвестного агента «Трианон» — Александра Огородника.

Здесь необходимо отметить, что отдел СССР и Восточной Европы всегда являлся (и до сих пор является) одним из самых секретных подразделений американских спецслужб. Он отвечал за сбор разведывательной информации и проведение тайных операций на территории СССР и стран социалистического лагеря (сейчас — на территории России и стран СНГ) и был разделен на несколько отделений, из которых наиболее важными считались отделения СССР, Польши, Чехословакии и Венгрии, Румынии и Болгарии. В начале 80-х годов штат отдела насчитывал около 300

человек, которые образовывали своего рода замкнутую касту внутри оперативного управления.

К командировке в СССР готовили не только самого Говарда, но и его жену Мэри, которая в это время работала секретаршей в ЦРУ. В Москву они должны были прибыть в качестве сотрудников американского посольства под чужими именами. Поэтому для Говарда были подготовлены документы на имя Роджера К. Шаннона. За время подготовки Говарда не только посвятили в суть практически всех методов, используемых московской резидентурой для проведения оперативных мероприятий, но и ознакомили со списком псевдонимов основных советских агентов, завербованных ЦРУ.

Весной 1983 года после завершения подготовки Говарду предложили пройти второй тест на детекторе лжи, что являлось рутинной процедурой перед выездом в зарубежную командировку. В ходе тестирования обнаружилось, что Говард скрыл свое пристрастие к наркотикам и склонность к мошенничеству, в результате чего он был уволен из ЦРУ. Позднее в отчете подкомитета по надзору и оценке постоянного специального комитета по разведке палаты представителей «Задачи контрразведки и безопасности США» по этому поводу было сказано, что Говарда не должны были вообще принимать на работу в ЦРУ.

Но его приняли, несмотря на употребление наркотиков и алкоголя. Более того, увольнение было проведено отвратительно, об отставке и странном поведении Говарда не сообщили ФБР даже после обнаружения обмана. ЦРУ покрывало его более двух лет и продолжало это делать даже после того, как к делу подключилось ФБР.

После увольнения Говард вместе с женой уехал в штат Нью-Мексико и поселился в городе Санта-Фе. Вскоре ему удалось устроиться на работу экономистом в законодательные органы штата, но несмотря на это его материальное положение было достаточно тяжелым, особенно после рождения в марте 1983 года сына Ли. Кроме того, он начал много пить и 6 февраля был арестован после того, как в пьяной ссоре стал стрелять в общественном месте из своего револьвера «Магнум». И хотя он был приговорен только к пяти годам условно, случившееся еще больше обозлило его.

Все это время Говарда продолжало мучить чувство обиды за несправедливое, по его мнению, увольнение из ЦРУ, которое прервало прекрасно начатую и, возможно, блестящую карьеру в разведке. Поэтому он принял решение связаться с советской разведкой и предложить ей свои услуги. С этой целью он в начале

1985 года выехал в Австрию, где обратился в советское посольство.

В посольстве Говарда приняли с распростертыми объятиями и согласились оплачивать его услуги. Работу с Говардом курировал лично начальник ПГУ КГБ Владимир Крючков. В течение длительного времени «Роберт» (псевдоним Говарда в ПГУ КГБ) рассказывал сотрудникам советской разведки об операциях ЦРУ против СССР. Он раскрыл методы оперативной работы ЦРУ в СССР, информировал о способах, используемых для проведения технической разведки, рассказал о проводимых так называемых активных мероприятиях ЦРУ. Но самое главное, он назвал псевдонимы нескольких важных агентов ЦРУ в СССР, указал, каким образом поддерживается с ними связь и сколько они получают за свою работу. Сведения, переданные Говардом, были щедро оплачены. На свой счет в одном из банков Швейцарии он положил 150 тысяч долларов, и значительная сумма была передана ему по возвращению в Америку.

Благодаря сведениям, полученным от Говарда, в СССР было пресечено несколько операций американской разведки. Но самым большим успехом советских спецслужб был арест Адольфа Георгиевича Толкачева, ведущего конструктора Московского НИИ радиостроения. Толкачев сам в 1976 году предложил свои услуги ЦРУ, подбрасывая записки в машины американских дипломатов в Москве. В Лэнгли долго считали его «подсадной уткой» КГБ и не решались вступить с ним в контакт. И только в сентябре 1978 года с ним вышли на связь. Это решение обернулось для ЦРУ величайшим успехом.

Вплоть до самого ареста Толкачев передавал американцам совершенно секретные сведения о советских ВВС, разработках в области технологий «Стейлс» и многие другие материалы. Он был одним из самых засекреченных агентов ЦРУ. Об ущербе, который Толкачев своим предательством нанес нашей стране, говорит тот факт, что за переданные секреты он получил от ЦРУ 789 500 рублей наличными, а также имел в США на банковском счете 1 990 729 долларов.

Арестовали Толкачева 9 июня 1985 года, а 13 июня был задержан Пол Стромбаух, оперативный сотрудник московской резидентуры ЦРУ, действовавший под «крышей» второго секретаря посольства США в Москве. Его задержание было произведено в тот момент, когда он шел на встречу с Толкачевым, роль которого исполнял загримированный сотрудник КГБ. Через некоторое время Стромбаух был объявлен персоной нон грата, а Толкачев отдан под суд, который приговорил его к высшей мере наказания.

По злой иронии судьбы самого Говарда в том же году также выдали ФБР, и сделал это сотрудник советской внешней разведки. Эта история началась 1 августа 1985 года в Италии, когда во время командировки в Рим исчез заместитель начальника 1-го (американского) отдела ПГУ КГБ полковник Виталий Сергеевич Юрченко. Позднее он утверждал, что его похитили на территории Ватиканского музея сотрудники ЦРУ. В свою очередь американцы настаивали на том, что он сам пришел в посольство США в Риме и попросил политического убежища. Так или иначе, но Юрченко доставили в США, где он рассказал все, что ему было известно о работе КГБ против американцев. Так, с его помощью был раскрыт Рональд Пелтон, бывший работник АНБ США, который сам предложил свои услуги советской разведке. Другим советским агентом, разоблаченным с помощью Юрченко, стал Говард. В ходе допросов Юрченко рассказал о бывшем сотруднике ЦРУ, проходившем в ПГУ под псевдонимом «Роберт», и сообщил о нем два важных факта. Во-первых, о встрече «Роберта» с представителями КГБ в Австрии, во-вторых, что «Роберт» проходил подготовку для работы в московской резидентуре ЦРУ, но еще до начала командировки был уволен из разведки.

Дело о советском «кроте» было передано в ФБР, сотрудники которого быстро установили, что «Робертом» мог быть только Говард. За ним было установлено скрытое наблюдение, его телефон был поставлен на прослушивание, а 19 сентября 1985 года Джерри Браун из контрразведывательного отдела ФБР и бывший начальник Говарда в ЦРУ Томас Милз допросили его в Санта-Фе. В ходе допроса Говарду было предъявлено обвинение в контактах с КГБ, о которых, дескать, ЦРУ и ФБР стало известно от сбежавшего в Лондон в июле 1985 года бывшего исполняющего обязанности резидента КГБ в Англии Олега Гордиевского. Говард полностью отверг предъявленные ему обвинения. И поскольку прямых доказательств его вины у ФБР не было, то он был оставлен на свободе.

Почувствовав, что кольцо вокруг него сжимается, Говард принял решение бежать в СССР. 21 сентября 1985 года он с женой выехал на прогулку. Машину вела Мери, а Говард сел на заднее сидение. Рядом с собой он положил манекен в бейсбольной кепке, точно такой же, какая была и на нем самом. На одном из поворотов он посадил манекен вместо себя, а сам выпрыгнул из машины в кусты. Следующие за машиной агенты ФБР не заметили подмены и вечером доложили начальству, что Говард с женой возвратились в дом. После этого они продолжили наблюдение. Сам же Говард в это время вылетел в Хельсинки,

откуда был переправлен в Москву. В Москве Говарда поселили на конспиративной квартире, после чего приступили к опросу, который проводили начальник ПГУ КГБ Владимир Крючков и опытный разведчик, в 1978–1982 годах бывший резидентом в Канаде, Владимир Иванович Мечулаев.

Бегство Говарда вызвало в ФБР и ЦРУ состояние шока. Его жена Мери немедленно была подвергнута интенсивным допросам, в ходе которых сообщила следователям номер счета в швейцарском банке, на котором лежало 150 тысяч долларов, и рассказала о тайнике в пустыне штата Нью-Мексико, в котором было обнаружено еще 10 тысяч долларов. Специальный комитет по разведке палаты представителей конгресса США в уже упомянутом выше докладе обрушил шквал критики на действия ЦРУ в деле Говарда, назвав происшедшее «одной из наиболее серьезных потерь в истории разведки США». В докладе приводились слова начальника контрразведывательного отдела ЦРУ Гарднера Хатауэя, который признал: «то, что сделал Говард, имело для нас разрушительные последствия», а также отметил, что Говард раскрыл КГБ «некоторые из наиболее важных операций, которые мы когда- либо проводили в Советском Союзе».

Тем временем находящийся в СССР Говард был окружен заботой и вниманием. Его поселили в закрытом поселке Жуковка в 40 километрах под Москвой, где в его распоряжении был дом из пяти комнат, повар, горничная и круглосуточная охрана. А 7 августа 1986 года в «Известиях» было опубликовано следующее сообщение:

«В Президиум Верховного Совета СССР обратился гражданин США бывший сотрудник ЦРУ Говард Эдвард Ли с просьбой о предоставлении ему политического убежища в СССР. Свою просьбу он мотивировал тем, что вынужден скрываться от спецслужб США, которые необоснованно его преследуют. Руководствуясь гуманными соображениями, Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Говарда Эдварда Ли, и ему предоставлено право проживания в СССР по политическим мотивам».

Интересные замечания о личности Говарда оставил в своей книге хорошо знавший его Крючков. В частности, он пишет:

«Говард обладал широкой эрудицией, неплохо разбирался в экономике, финансовых проблемах, а бизнесмен он, как говорится, вообще от Бога. Имея денежные сбережения на счетах западных банков, Говард активно играл на разнице курсов валют и почти никогда не оставался в проигрыше.

С согласия Говарда несколько советских специалистов были

ознакомлены с его методикой и приемами извлечения выгоды из игры на валютной бирже и дали им высокую оценку. Практическую ценность имели и представленные им сведения о практике работы со вкладами частных лиц в банках некоторых западных стран. Пожалуй, лишь к политике он не только не питал никакого интереса, но даже испытывал какое-то отвращение».

Говард пользовался полной свободой, и в 1987 году даже посетил Венгрию, где в июне в Будапеште дал интервью известному американскому писателю Дэвиду Уайзу, который на следующий год опубликовал книгу о нем. В 1989 году он встретился с американскими корреспондентами из газеты «Вашингтон пост» и рассказал им, что живет в загородном доме под Москвой вместе в двумя сотрудниками КГБ, которые обеспечивают ему круглосуточную охрану.

В июле 1991 года по инициативе Крючкова, бывшего в то время председателем КГБ СССР, была предпринята попытка написать о Говарде книгу. В этой книге он «должен был предстать яростным противником американского империализма и неистовым борцом за мир, до глубины души влюбленным в советский народ». С этой целью бывшему сотруднику ПГУ КГБ Леониду Колосову, работавшему в свое время в Италии под «крышей» корреспондента «Известий», передали папку с рукописью Говарда под названием «Я пришел с миром», а потом организовали с ним личную встречу. Но известные события августа 1991 года не позволили осуществить этот замысел.

Август 1991 года отразился и на судьбе Говарда. Его переселили с дачи на московскую квартиру и лишили охраны. Это обеспокоило Говарда, особенно после того, как в сентябре 1991 года начальник разведывательного отдела ФБР Томас Дьюхэдуэй в интервью журналисту газеты «Вашингтон таймс» Биллу Герцу заявил, что США следует оказать нажим на СССР, настаивая на выдаче Говарда в обмен на экономическую помощь.

Опасаясь выдачи или похищения его американскими спецслужбами, Говард в октябре 1991 года выехал в Венгрию. Однако власти США добились от венгерского правительства высылки Говарда, и он был вынужден под чужим именем в декабре 1991 года нелегально приехать в Швецию. Там он поселился в одном из пригородов Стокгольма и организовал небольшую фирму «Уэст-стар», занимающуюся вывозом из стран СНГ леса и ввозом обратно товаров широкого потребления.

Но и в нейтральной Швеции спокойной жизни у Говарда не получилось. Сотрудники ФБР перехватили телефонный разговор Говарда с женой и вступили с ним в Швеции в контакт, предложив отказ от судебного преследования в обмен на полную

информацию о работе на КГБ. Говард не согласился, и тогда ФБР сообщило шведской полиции безопасности СЕПО о его местонахождении в стране. В августе 1992 года сотрудники СЕПО арестовали Говарда по обвинению в шпионаже. Правда, уже в конце августа с него были сняты все обвинения, и он немедленно вылетел обратно в Россию, несмотря на то, что США настойчиво добивались у шведского правительства его выдачи.

В 1995 году Говард написал книгу «Конспиративная квартира», в которой поведал о том, что с ним произошло. В связи с выходом книги в свет он дал серию интервью агентству «Ассошиэйтед пресс», в одном из которых заявил, «что никогда не раскрывал перед внешней разведкой информации, которая могла бы повредить Америке или американцам» и что его «борьба была направлена исключительно против ЦРУ».

Дальнейшие следы Говарда в нашей стране теряются. Но судя по тому, что в американской печати до сих пор не появилось сообщения о его аресте, можно предположить, что он находится на свободе. Удивительного в этом мало, так как в известных кругах не без основания считают, что он был советским агентом еще до того, как попал в ЦРУ.

Гарольд Николсон

Вербовка Говарда была большим успехом советской разведки в ее поединке с американскими спецслужбами. Но и этот успех поблек после того, как в том же 1985 году ПГУ КГБ удалось завербовать ответственного работника ЦРУ Олдрича Эймса, на протяжении девяти лет снабжавшего советскую, а потом и российскую разведку самой секретной информацией из недр ЦРУ. (Более подробно об Эймсе мы расскажем в следующей главе.) Измена Эймса была самым крупным поражением ЦРУ за всю историю его существования. После последовавшей вслед за этим реорганизацией главного разведывательного ведомства США многие американцы посчитали, что теперь проникновение иностранных спецслужб в ЦРУ полностью исключено. Но их ждало жестокое разочарование. Буквально через два года был разоблачен еще один «крот» российской разведки в ЦРУ — Гарольд Николсон.

Гарольд Джеймс Николсон родился в 1950 году в семье офицера американских ВВС и детство провел в переездах с одной военной базы на другую.

После окончания школы он поступил на географический факультет университета штата Орегон, который закончил в 1973

году. Тогда же Николсон поступил на службу в ВВС и женился на студентке своей альма-матер Лауре. В 1980 году на способного лейтенанта ВВС обращает внимание ЦРУ. После обучения на «ферме» Николсон был направлен в резидентуру ЦРУ в Маниле. Там он в первый раз вступил в контакт с сотрудниками советской разведки, которых разрабатывало ЦРУ на предмет вербовки. После Манилы Николсон работал в резидентурах ЦРУ в Бангкоке и Токио, а в 1990 году был назначен резидентом в Бухаресте.

Именно в Румынии стремительная карьера Николсона первый раз дала трещину, и виной тому была его жена. Лауре до смерти надоели постоянные переезды мужа с места на место, она хотела тихой семейной жизни дома, в Америке, где можно было спокойно растить троих уже подросших детей. В Бухаресте она отказывалась появляться с мужем на дипломатических приемах, где Николсону невозможно было находиться без жены. Участившиеся домашние скандалы нарушили душевное равновесие Николсона, и начальство сочло за благо в 1992 году отозвать его из Румынии.

В конце 1992 года Николсона командируют в качестве заместителя резидента в город Куала-Лумпур в Малайзии. Но Лаура категорически отказалась ехать вместе с ним и подала на развод, который был окончательно оформлен годом позже — в августе 1994 года. Расходы, связанные с бракоразводным процессом, почти полностью разорили Николсона, а свое назначение в Малайзию он посчитал незаслуженным понижением. Вдобавок ко всему на Таиланде Николсон завел дорогую любовницу и ее тяга к роскоши также обходилась ему в копеечку. В феврале 1994 года Николсон узнает об аресте Эймса, а вскоре руководство ставит его в известность, что по возвращении в США ему предстоит работать в течение двух лет старшим преподавателем в школе ЦРУ под Вильямсбургом.

Все это, вместе взятое, подтолкнуло Николсона к сотрудничеству с СВР России. Конечно, основную роль в этом его решении сыграли денежные затруднения. Но нельзя сбрасывать со счетов и стремление самоутвердиться хотя бы таким образом, и обиду за незаслуженное понижение: работа на «ферме» дает гораздо меньше шансов отличиться, и поэтому оперативные сотрудники не горят желанием оказаться там. Здесь стоит также обратить внимание на следующие слова Николсона, сказанные им во время одного из допросов: «Я решил, что если они (русские — *Авт.)* потеряли столь важного агента, им необходима адекватная замена». В этом плане интересен и псевдоним, выбранный Николсоном, — Невил Р. Стрейчи (Nevil R. Strachey), представляющий анаграмму слов «evils» и «treachery», —

«злодеяния и предательство».

Весной 1994 года Николсон добился разрешения на вербовку сотрудника российской разведки, работавшего в посольстве России в Куала- Лумпуре. Это обстоятельство он использовал для того, чтобы предложить СВР РФ свои услуги. В обмен же на секретные материалы ЦРУ он пожелал получить материальное вознаграждение. Предложение Николсона было принято, и 30 июня, на следующий день после встречи с сотрудниками СВР, он отправил телеграфным переводом 12 тысяч долларов на счет кредитного союза в Юджине, штат Орегон. Это был его первый взнос в счет оплаты развода с Лаурой.

После возвращения в США Николсон начал работать на «ферме» старшим преподавателем. С этого времени в его поведении и укладе жизни коллеги начинают замечать странности. В декабре 1994 года он проводит отпуск на Таиланде, после чего переводит на свой счет в банке 28 тысяч долларов. В июне 1995 года он вновь проводит отпуск в Юго-Восточной Азии и опять кладет на свой счет крупную сумму — 24 тысячи долларов. К этому времени в ЦРУ начинают замечать, что арест Эймса не прекратил утечку секретной информации к русским, и в управлении снова начинают искать «крота».

После дела Эймса ЦРУ потребовало от своих сотрудников предоставления ежегодных деклараций о всех финансовых операциях. Николсон подал такую декларацию в июне 1995 года, где указал, что его доход составил 73 тысячи долларов, которые он получил в качестве оклада в ЦРУ, что, естественно, не соответствовало действительности. В октябре-декабре 1995 года Николсон не прошел проверку на полиграфе. Сотрудник, проводивший проверку, пришел к заключению, что Николсон, вероятно, лгал, когда отвечал на вопросы: «Скрываете ли вы свою причастность к иностранной разведслужбе?» и «Имеете ли вы несанкционированный контакт с иностранной разведкой?»

Все эти факты послужили поводом к тому, что Николсона в январе 1996 года взяли в оперативную разработку сотрудники ФБР. В результате ими была установлена связь между частыми личными заграничными поездками Николсона и депозитами крупных сумм на его счета. Еще большее беспокойство вызвала просьба Николсона предоставить ему информацию по Чечне, которая, дескать, необходима ему для занятий с учениками. У контрразведки было другое мнение, и после этой просьбы за ним было установлено постоянное наблюдение.

В июне 1996 года Николсон вновь отправляется в отпуск в Сингапур. Но на этот раз за ним следуют агенты ФБР. В ходе слежки было установлено, что 27 июня Николсон встречался с

представителями российского посольства и передал им некую информацию, а после возвращения в США положил на свой счет еще 20 тысяч долларов и подарил сыну для приобретения новой машины 12 тысяч долларов. Получив таким образом неопровержимые доказательства сотрудничества Николсона с российской разведкой, ЦРУ, чтобы подробнее узнать о его контактах, переводит его в июле 1996 года с «фермы» в отдел по борьбе с терроризмом. В это время агенты ФБР негласно проверили его персональный компьютер и установили, что имел место несанкционированный доступ к файлам по Чечне. А в сентябре 1996 года скрытые камеры, размещенные в служебном кабинете Николсона, зафиксировали, как он фотографировал секретные документы, забравшись под стол. (После того, как Николсон был арестован, один из сотрудников ЦРУ сказал журналистам: «Это были шокирующие кадры. Думаю, отныне ни один наш офицер не залезет под стол, даже если туда закатится его золотой «паркер».)

Арестовали Николсона 16 ноября 1996 года перед посадкой в самолет, следующий рейсом в Цюрих, где у него должна была состояться встреча со своими операторами из СВР. Во время ареста в его портфеле были обнаружены копии секретных документов по России и Чечне, а также данные о его учениках с «фермы», которых готовили для работы в Москве. 18 ноября 1996 года в федеральном суде города Александрия, штат Виргиния, Николсону было предъявлено три обвинения, в том числе в заговоре с целью ведения шпионажа.

Первоначально Николсон категорически отрицал свою причастность к шпионажу в пользу России. Но 28 февраля 1997 года он признал себя виновным по одному из трех предъявленных ему обвинений — в заговоре с целью шпионажа, выразившегося в передаче российским спецслужбам в 1994-96 годах секретной информации, важной для обеспечения национальной безопасности США. За это, по его словам, ему было заплачено свыше 180 тыс. долларов. Окончательный приговор Николсону был вынесен 20 июня 1997 года: федеральный окружной судья города Александрии приговорил его к 23 годам тюремного заключения.

Давая оценку деятельности Николсона как «крота» российской разведки в ЦРУ, можно привести слова одного из руководителей этого ведомства, который заявил:

«Главный вред от деятельности Николсона состоит в том, что для ЦРУ будет весьма затруднительным, если вообще возможным, использование некоторых из недавно подготовленных офицеров на важных должностях за рубежом в течение всей их дальнейшей

карьеры в связи с тем, что они стали известны через Николсона внешней разведке».

Таковы известные на сегодняшний день случаи, когда сотрудники ЦРУ содействовали советской и российской разведке. Каждый такой случай наносил американской разведке значительный урон. Но, как уже говорилось, самый сильный удар по деятельности ЦРУ против Советского Союза и России нанес Олдрич Эймс. Именно о нем и пойдет речь в следующей главе.

Глава четвертая
Несравненный Олдрич Эймс

История высокопоставленного сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса[3], который в 1985 году предложил свои услуги советской разведке, сейчас известна весьма широко. Только в США о нем опубликовано множество газетных и журнальных статей, а также издано пять книг, одна из которых переведена на русский язык.

Такой интерес к личности Эймса вполне понятен, поскольку впервые в истории американской разведки ее сотрудник, занимающий столь высокое положение, пошел на контакт с «главным противником», представителями «империи зла». Что же касается советской внешней разведки, то вербовка Эймса стала для нее величайшим успехом, который позволил проникнуть в самые сокровенные тайны ЦРУ. Но до сих пор многих волнуют вопросы — почему Эймс стал сотрудничать с КГБ и что привело его к провалу и аресту? К сожалению, точно ответить на них пока невозможно, но попытаться разобраться в непростых событиях тех лет все же стоит.

Олдрич Хейзен Эймс родился 26 мая 1941 года в городке Ривер-Фоллс, штат Висконсин. Его отец, Карлтон Эймс, в молодости преподавал историю в местном колледже, а мать работала учительницей английского языка в средней школе. В 1952 году Карлтон Эймс был приглашен на работу в ЦРУ и после соответствующей подготовки направлен в столицу Бирмы — Рангун, где пробыл до 1955 года. Позднее он работал в аналитическом подразделении ЦРУ экспертом по Дальнему Востоку. Во время пребывания молодого Эймса в Рангуне произошло событие, оставившее глубокий след в его взглядах на жизнь. Вот что он говорил об этом уже после своего ареста:

«Отец… любил поговорить о борьбе не на жизнь, а на смерть между свободным миром и коммунизмом. В один из вечеров он ошеломил меня своими выводами, вытекающими из анализа этого противостояния. Подавление свобод и жизненные тяготы в условиях коммунистического режима настолько жестоки и бесчеловечны, что он скорее согласился бы принять нашу смерть, чем нашу жизнь под коммунизмом…

Пораженный такой альтернативой, не согласный с ним, я промолчал, однако многие годы потом размышлял над его словами. Поражала их жестокость, и, несмотря на то, что идеалы отца я разделял, скрывавшееся в словах отца отрицание человеческих качеств у сотен миллионов людей просто не

воспринималось. В последующие годы я время от времени вспоминал тот разговор в Рангуне и потрясение, вызванное им. Несогласие с отцом подтолкнуло меня на ряд выводов. Окрепла уверенность в том, что, независимо от того, каким ужасным является конкретное правительство и как оно измывается над народом, ни одно человеческое существо не может быть просто отбраковано. Тот разговор даже теперь не выходит из головы, наверное, потому, что тогда впервые в жизни я решительно разошелся с отцом».

В 1955 году семья Эймсов вернулась в США и поселилась в Вашингтоне. Через четыре года Олдрич Эймс окончил школу и поступил в университет в Чикаго, но вскоре переехал в Вашингтон, где продолжил обучение в Вашингтонском университете. В июне 1962 года он, так же как и отец, начал работать в ЦРУ в должности аналитика архивного отдела оперативного управления. В его служебные обязанности входило чтение, кодирование и архивирование материалов, связанных с операциями американской разведки против восточноевропейских стран. Свою работу в ЦРУ Эймс рассматривал, прежде всего, как средство получить высшее образование, поскольку служба в управлении давала ему возможность оплатить учебу в университете.

Эймс проработал в архивном отделе пять лет. Постепенно разведывательная деятельность стала все больше привлекать его, и вскоре он окончательно решил стать кадровым оперативным работником. Закончив в сентябре 1967 года университет со средним балом «В» (четыре с минусом) и получив степень бакалавра искусств по специальности «история», Эймс в декабре 1967 года был зачислен в штат оперативного управления ЦРУ и направлен на «ферму» (школа ЦРУ) для дальнейшего обучения.

В ноябре 1968 года после окончания обучения Эймс попросил направить его на постоянную работу в отдел Дальнего Востока, поскольку в то время шла война во Вьетнаме. Но его собеседование с руководством этого отдела прошло неудачно, и он получил назначение в центральный аппарат отдела СССР и Восточной Европы (СВЕ) оперативного управления ЦРУ. В это время Эймс начал изучать турецкий язык и тогда же женился на своей давней подруге Нэнси Сегебарт. А уже через год его направляют в первую зарубежную командировку в Турцию в резидентуру ЦРУ в Анкаре. Там он действовал под прикрытием гражданского служащего ВВС США и должен был заниматься вербовкой агентов из числа граждан СССР и социалистических стран.

Но в Анкаре Эймс показал себя далеко не с лучшей стороны.

Хотя он и смог завербовать двух турецких граждан, некоторое время передававших ему информацию о положении в Турции, главной задачи он так и не решил — все его попытки завязать контакты с представителями СССР заканчивались неудачей. Поэтому заместитель резидента Дьюи Клэрридж по окончании командировки Эймса в 1972 году дал ему отрицательную характеристику, аттестовав как не годного к оперативной работе сотрудника, который в дальнейшем может работать только в штаб-квартире в Лэнгли. «Эймс испытывает затруднения в работе «лицом к лицу» с незнакомыми людьми, которых нужно вербовать, — утверждал Клэрридж. — Он слишком замкнутая натура, чтобы работать успешным вербовщиком».

Эту аттестацию Эймс воспринял крайне болезненно и даже подумывал об увольнении из разведки, так как подобные характеристики являются для оперативного работника крахом карьеры. Но в конце концов он решил остаться в ЦРУ.

Вернувшись в 1972 году в США, Эймс приступил к работе в штаб- квартире ЦРУ в Лэнгли в отделе СВЕ, где занимался планированием и анализом операций и другой кабинетной работой. Этот вид деятельности был ему ближе, и поэтому руководство отмечало Эймса как дельного и вдумчивого сотрудника. Так что неудивительно, что в 1974 году начальник латиноамериканского отделения СВЕ Хэвиленд Смит привлек его к работе с завербованным в Колумбии третьим секретарем советского посольства в Боготе Александром Огородником. Вспоминая о своей работе с агентом «Трианон» (псевдоним Огородника в ЦРУ), Эймс рассказывал:

«В 70-х годах мы были уверены, что все советские граждане, которым разрешают выезжать за границу, работают либо в КГБ, либо в ГРУ, либо контролируются ими. Но Огородник постоянно твердил, что он настоящий дипломат. Шеф резидентуры в Боготе в конце концов сказал ему в лицо, что он лжец. Тогда Огородник заявил: «Ладно, вы правы. Я из КГБ», — и дал нам длинное описание операций КГБ в Боготе. Когда мы проверили, то выяснили, что этот рассказ — сплошной вздор, потому что он в самом деле был дипломатом. Все были не столь поражены, сколько разочарованы, так как существовало убеждение, что стоящей является только информация о КГБ, ГРУ и советских военных».

Эймс был куратором Огородника до сентября 1974 года, когда тот был отозван в Москву. Перед отъездом Эймс передал Огороднику специальные шифроблокноты с индивидуальным кодом, снабдил миниатюрным фотоаппаратом Т-100 и обговорил условия связи в Москве. После этого Огородник вернулся в СССР,

а Эймс — в Вашингтон, где составил подробный отчет о своей работе с агентом «Трианон».

Работа Эймса с Огородником настолько понравилась начальнику латиноамериканского отделения СВЕ Смиту, что он взял его с собой в Нью-Йорк для работы с другим советским агентом — сотрудником секретариата ООН Сергеем Федоренко, до этого участвовавшим в переговорах по Договору ОСВ-1.

«Сергей рассказал нам все о ракетах среднего радиуса действий «СС- 4», которые Советы пытались разместить на Кубе, а также о других ракетах, — рассказывал позднее Эймс. — Однако его наиболее ценным вкладом в то время было разъяснение механизма работы советской оборонной промышленности. Мы не имели представления, как Советы принимают решения, какие системы оружия будут созданы и кто какой контракт получит. Мы даже не знали, кто принимает такого рода решения».

Контакты Эймса с Федоренко развивались очень успешно и вскоре они даже стали друзьями. Об этом свидетельствует тот факт, что когда Эймс начал работать на советскую разведку, он не назвал Федоренко в числе других советских агентов, завербованных ЦРУ.

Работая с 1976 года в нью-йоркском отделении ЦРУ, Эймс получил доступ к информации о самых важных советских источниках ЦРУ. Например, он вместе с Дадлеем Хаасом был оператором Аркадия Шевченко, заместителя генерального секретаря ООН по политическим вопросам в ранге чрезвычайного и полномочного посла СССР, который с 1976 года начал сотрудничать с ЦРУ. А когда 6 апреля 1978 года Шевченко принял решение остаться в США, Эймс был одним из тех, кто отвез его из Нью-Йорка на конспиративную квартиру за городом. После того, как Шевченко открыто перешел на сторону американцев, Эймс остался без работы. Тогда ему поручили быть куратором другого агента — советского ученого, завербованного ФБР в Сан-Франциско, которому присвоили псевдоним «Байплей».

Многие бывшие сотрудники ЦРУ утверждают, что годы работы в Нью-Йорке были для Эймса самыми успешными. Ему благоволил начальник нью-йоркского отделения Родни Карлсон, и Эймс несколько раз получал повышение по службе. Тогда же у него появился первый постоянный знакомый из числа советских граждан, не являвшихся агентами. Это был руководитель нью-йоркского корпункта «Правды» Томас Колесниченко, с которым Эймс регулярно встречался и обедал.

«Он оказался чрезвычайно интересным человеком, — вспоминал позднее Эймс. — Реально он ничему не учил меня. Но косвенно я узнал от него очень многое о том, что такое Советский

Союз на самом деле…

Постепенно я осознал, что могучая советская система держится не только на коммунистической партии и не партия в конце концов приведет ее к полному развалу. Речь идет о сложнейшем сочетании личностных и служебных взаимоотношений, которые возникли после 1953 года в результате мириад политических, экономических, личностных и других хитросплетений. Именно эта номенклатура и определила советскую систему, что советологи и историки хорошо понимали чуть ли не со времен второй мировой войны, но о чем мы, в управлении, и не догадывались».

В Нью-Йорке Эймс проработал до 1981 года. К этому времени начальник нью-йоркского отделения Карлсон предупредил его, что сотрудники ЦРУ не могут «безвылазно сидеть в Манхэттене» и предложил несколько вариантов дальнейшей работы. В результате Эймс, отклонив предложения поехать в резидентуры ЦРУ в Лагосе (Нигерия) и в Москве, согласился на командировку в Мексику.

Приступив в октябре 1981 года к работе в резидентуре в Мехико в качестве старшего офицера, Эймс попытался зарекомендовать себя активным оперативником. Но и здесь вновь проявилась его слабость как оперативного работника — он не смог найти новые источники информации и довести до конца разработку переданных ему кандидатов в агенты. К этому времени относятся контакты Эймса с Игорем Шурыгиным, заместителем резидента КГБ в Мексике по линии «КР» (внешняя контрразведка), которого он пытался прозондировать на предмет вербовки. В течение двух лет они вместе завтракали, ужинали и выпивали, но из многочисленных отчетов о встречах с Шурыгиным, которые представлял Эймс своему начальству, вытекало, что скорее Шурыгин прощупывает Эймса на предмет вербовки, а не наоборот. «В Нью-Йорке Эймс отлично себя зарекомендовал, — утверждала сотрудница ЦРУ Жанна Вертефей, — но командировка в Мексику оказалась посредственной — чести она ему не делала».

После неудачи с Шурыгиным Эймс старался по возможности не выходить из посольства, сократил до минимума число оперативных контактов и постоянно запаздывал с финансовой и оперативной отчетностью. В это время появляется и начинает быстро прогрессировать его пристрастие к спиртному. Вскоре Эймс уже не был в состоянии контролировать себя и выполнять даже незначительные задания после ланча с выпивкой.

«Думаю, я должен сказать, что устойчивый характер моего увлечения выпивкой связан с его социальным аспектом, —

говорил позднее Эймс. — Я был закрепощенным, необщительным, неспособным просто поболтать о том о сем и получить удовольствие от откровений с другими, даже с друзьями и коллегами. Выпивки в компании позволяли мне чувствовать себя более общительным и раскрепощенным. Со временем я заметил две вещи: я всегда пил дольше и больше, чем другие, и часто становился более пьяным. Другие, казалось, лучше контролировали себя и были способны вовремя подняться и уйти. Я этого не мог. Я всегда пил до конца…

К тому времени, как я уехал в Мексику, привычка к пьянству уже прочно во мне укоренилась, а Мехико-сити предоставил мне для этого большие возможности, так как там у меня не было ни жены, ни дома, куда бы я спешил по вечерам. Зато была масса свободного времени, большую часть которого я тратил на кутежи. В Мехико-сити мои сослуживцы пили гораздо больше, чем в Нью-Йорке. Там чаще устраивались вечеринки и спиртное стоило дешево. Во время обеденных перерывов я расслаблялся в обществе коллег, а по вечерам в одиночестве напивался в своей квартире, что случалось не реже раза или двух в неделю. Естественно, к тому времени люди начали обращать на это внимание, и у меня появилась репутация любителя крепко заложить за воротник на официальных приемах, но практически никто не делал мне замечаний. Пьянство уже в течение многих лет являлось признанной частью культуры ЦРУ. В этом все еще сохранялся элемент мужского достоинства, гордость офицера, который мог опрокинуть стаканчик с другими мужчинами».

В Мексике произошло еще одно событие, оказавшее большое влияние на дальнейшую судьбу Эймса. В начале 1982 года у него начинается роман с атташе по культуре колумбийского посольства в Мехико Марией дель Росарио Касас Дупюи, в дальнейшем его второй женой.

Вопреки тому, что говорили о Марии Росарио после ареста, она не была «полуобезумевшей от жадности мещанкой и тряпичницей». В действительности она происходила из знатной колумбийской семьи и была знакома с тогдашним президентом Колумбии Хулио Сезаром Турбэ Алайя. После окончания американской школы в Боготе она некоторое время училась в Принстонском университете, а затем в Университете Андов в Колумбии. Будучи высокоодаренной и образованной женщиной, она владела дюжиной языков и готовилась к защите докторской диссертации о диалектике Гегеля.

Эймс познакомился с Марией Росарио на одном из дипломатических приемов. Они начали встречаться, и вскоре Эймс сделал ей предложение. Но о его принадлежности к ЦРУ

она узнала только тогда, когда ответила на его предложение согласием. Однако это обстоятельство не изменило ее решение, и в 1983 году, когда срок командировки Эймса закончился, Мария Росарио отправилась в Вашингтон вместе с ним.

Несмотря на неудачную работу в Мексике, Эймс вернулся в Лэнгли с повышением, и в 1983 году был направлен на работу в Оперативное управление на должность начальника контрразведывательного подразделения отдела СВЕ. Рекомендовал Эймса на этот высокий пост его бывший начальник в Нью-Йорке Родни Карлсон. При всей кажущейся нелогичности этого шага следует учесть, что у Эймса были и свои сильные стороны. Так, он очень успешно справлялся с задачами, требующими глубокого анализа, умел сопоставить огромное количество фактов, обладал интуицией и изобретательностью при разработке и реализации сложных оперативных заданий. Как писал потом в своем докладе по «делу Эймса» генеральный инспектор ЦРУ Фредерик Хитц, «ему были присущи гибкость ума и интеллектуальная любознательность, желание заниматься самообразованием, причем в областях, выходивших за рамки его прямых служебных обязанностей». Кроме того, не последнюю роль сыграло умение Эймса логично излагать свои мысли в оперативных документах и аналитических справках.

Впрочем, и недостатков в его работе было ничуть не меньше. Как уже говорилось, он постоянно опаздывал с финансовой и оперативной отчетностью или вообще их не предоставлял. Более того, он не всегда информировал руководство о своих контактах и поездках за рубеж. За годы службы, предшествующие его новому назначению, Эймс несколько раз серьезно нарушал режим безопасности. Так, в 1976 году он забыл в вагоне метро портфель с секретными документами, а в 1983 году привел на конспиративную квартиру Марию Росарио, что привело к раскрытию других сотрудников ЦРУ. Его привычка к алкоголю к 1983 году стала хронической и оказывала негативное влияние на выполнение им служебных обязанностей. Несколько раз он в рабочее время пьяным засыпал в своем кабинете, о чем, кстати, было хорошо известно его сослуживцам. Впрочем, как уже говорилось, алкоголизм не считался в ЦРУ большим грехом. Недаром тот же Фредерик Хитц отмечал в своем докладе, что «пьянство не было чем-то непривычным в оперативном управлении во второй половине 80-х годов и что выпивки Эймса не выделялись на общем фоне, поскольку были сотрудники с гораздо большей зависимостью от алкоголя».

Так или иначе, но Эймс был назначен начальником отделения контрразведки и получил доступ к данным обо всех

операциях ЦРУ против СССР по всему миру. Участвовал он и в допросах бежавшего в США в августе 1985 года полковника ПГУ КГБ Виталия Юрченко. Тогда же, сразу после нового назначения, у Эймса начались материальные проблемы. Он жил с Марией Росарио, собирался на ней жениться и поэтому начал бракоразводный процесс с первой женой. Все это требовало больших денег, и вскоре Эймс влез в долги, которые составили 50 тыс. долларов. Именно к этому времени у него созрела мысль предложить свои услуги КГБ.

Попытаемся разобраться в причинах, побудивших Эймса сделать такой шаг. На Западе, и прежде всего в США, средства массовой информации изображают Эймса либо обычным корыстолюбцем, либо исполнителем воли его жены-латиноамериканки, с детства ненавидевшей янки. О Марии Росарио мы уже говорили. Что касается Эймса, то хотелось бы привести мнение российского дипломата Сергея Дивильковского, который в начале 80-х годов работал советником по информации посольства СССР в Вашингтоне и лично знал Эймса:

«К исходу 1984 года в лице Олдрича Эймса американская разведслужба имела в своих рядах сформировавшегося под влиянием жизненных коллизий и наблюдений (накопленных не в последнюю очередь за годы пребывания в Латинской Америке) диссидента. Другими словами, человека, полностью свободного от веры в то, что считалось идеалами, а было и остается набором пропагандистских клише, во имя которых якобы существует и действует ЦРУ. Человека умного, думающего, начавшего сознавать во многом неправедный, имперский характер внешней политики США и понявшего истинную цену прикрывавшего ее мифа о «советской угрозе». Наконец, интеллигента, накопившего изрядную дозу неприязни к масскультуре и прочим псевдоценностям американского образа жизни, олицетворявшимся в ту пору президентом США Рональдом Рейганом — фигурой, глубоко антипатичной Рику, как он сам это признает.

Воспринимая деятельность ЦРУ как «корыстный маскарад, затеянный бюрократами», а свое участие в нем — как аморальное и унизительное, Олдрич Эймс вместе с тем в силу своего характера, амбиций и способностей был не лишен желания сыграть роль в мировой политике, воздействуя на ее центральное в ту пору звено — советско-американские отношения. Питер Маас в книге «Шпион-убийца» в качестве своеобразного эпилога к истории Эймса приводит следующий разговор между Олдричем и допрашивающим его после ареста агентом ФБР: «Гэрин спросил: «Рик, если бы тебе пришлось все начинать сначала, что бы ты

выбрал: ЦРУ или КГБ?» Ни секунды не колеблясь, Рик Эймс сказал: «КГБ».

Итак, можно утверждать, что к сотрудничеству с представителями Советского Союза Эймса побуждало в том числе и стремление реализовать вызревавшие элементы нового для него, истинно демократического и гуманного мировосприятия».

Весной 1985 года Эймс добился, чтобы его задействовали в операции «Кортшип», проводимой совместно ЦРУ и ФБР. Целью этой операции было развить успех в проникновении в советские спецслужбы, достигнутый после вербовки в 1982–1983 годах подполковника КГБ Валерия Мартынова и майора КГБ Сергея Моторина из вашингтонской резидентуры. Эймс участвовал в этой операции под именем Рика Уэллса и встречался с сотрудниками советского посольства в Вашингтоне, осторожно прощупывая их на предмет вербовки. Среди тех, с кем он контактировал, были уже упомянутый Сергей Дивильковский и советник советского посольства в Вашингтоне по вопросам разоружения Сергей Чувахин. Это обстоятельство, по мнению Эймса, благоприятствовало его замыслу.

16 апреля 1985 года Эймс должен был встретиться с Чувахиным в отеле «Майфлауэр», находившемся на расстоянии одного квартала от здания советского посольства. Перед встречей он напечатал записку следующего содержания:

«Я, Олдрич Х. Эймс, работаю начальником контрразведывательного подразделения в отделе СВЕ ЦРУ. Я служил в Нью-Йорке под псевдонимом Энди Робинсон. Мне нужно 50 тысяч долларов в обмен на информацию о трех агентах, которых мы в настоящее время вербуем в Советском Союзе».

Эту записку Эймс вложил в конверт вместе со страницей из внутреннего телефонного справочника СВЕ ЦРУ, на которой подчеркнул свою фамилию. На конверте он написал: «Ген. Андросову. Резиденту КГБ», и вложил его в другой конверт, без надписи. Эймс рассчитывал передать чистый конверт Чувахину во время ланча, предполагая, что когда тот позже вскроет его и прочтет имя адресата на внутреннем конверте, то немедленно передаст его по назначению.

Эймс отправился на встречу в «Мейфлауэр» точно к назначенному времени. Но Чувахин опаздывал на встречу более чем на 45 минут, и Эймс в нарушение всех правил пришел в советское посольство. Там он передал конверт охраннику и немедленно покинул здание. На следующий день Эймс доложил своему начальнику Дэвиду Мерфи о несанкционированном визите в советское посольство, объяснив его тем, что Чувахин не пришел на ланч.

Предложение Эймса было встречено в КГБ с энтузиазмом. Дело в том, что в последние годы советскую разведку часто преследовали неудачи и провалы, свидетельствующие о том, что в ее ряды проникли предатели. Поэтому вербовка начальника контрразведывательного отделения отдела СВЕ, работающего против СССР, была даром небес. Разумеется, круг лиц, знавших о Эймсе, был резко ограничен. Так, в вашингтонской резидентуре об Эймсе знали только резидент Станислав Андреевич Андросов и его заместитель по линии «КР» (внешняя контрразведка) Виктор Иванович Черкашин. Более того, опасаясь утечки информации об Эймсе от возможных «кротов» в ПГУ КГБ, Черкашин не сообщил о нем в Центр шифрограммой, а сам вылетел в Москву и доложил лично начальнику ПГУ Владимиру Крючкову. Всего же из сотрудников КГБ настоящее имя ценного источника в ЦРУ знали только восемь человек:

— Виктор Михайлович Чебриков (в 1982–1988 годах — председатель КГБ СССР);

— Владимир Александрович Крючков (в 1975–1988 годах — начальник ПГУ);

— Вадим Алексеевич Кирпиченко (в 1979–1991 годах — первый заместитель начальника ПГУ);

— Леонид Владимирович Шебаршин (в 1988–1991 годах — начальник ПГУ КГБ);

— Станислав Андреевич Андросов (в 1982–1986 годах — резидент ПГУ в Вашингтоне);

— Виктор Иванович Черкашин (в 1983–1987 годах — заместитель резидента в Вашингтоне по линии «КР»);

— Владимир Иванович Мечулаев (оператор Эймса с 1985 по 1989 год);

— Юрий Кареткин (оператор Эймса с 1989 по 1994 год).

Кроме них о контактах КГБ с Эймсом знали сотрудники МИД СССР Сергей Чувахин и Алексей Хренков. Даже первый директор СВР Евгений Максимович Примаков или первый президент России Борис Николаевич Ельцин знали только, что некий ценный источник в ЦРУ существует. Такие меры предосторожности были, как оказалось, далеко не лишними. Именно благодаря им Эймс смог пережить развал Советского Союза и таких руководителей КГБ, как Вадим Бакатин.

Вернувшись из Москвы, Черкашин попросил Чувахина пригласить Эймса в посольство. Этот визит состоялся 17 мая, и Эймс заранее предупредил о нем свое начальство и ФБР. В этот раз Чувахин познакомил Эймса с Черкашиным, с которым он обговорил условия дальнейших контактов.

Последующие встречи Эймса с советскими представителями

проходили с соблюдением всех мер предосторожности. Так, до тех пор, пока он находился в Вашингтоне, с ним встречался исключительно Чувахин. Это было безопасно не только потому, что такие встречи не вызвали бы подозрения у начальства Эймса и ФБР, но и из-за того, что Чувахин, хотя и не был сотрудником КГБ, на дух не переносил американцев. Что касается затребованной Эймсом суммы в 50 тысяч долларов, то она была выплачена при первой же встрече. А спустя некоторое время ему сообщили, что его услуги оценены в несколько миллионов долларов. Хотя Эймс и знал, что ему дадут много денег, он никак не ожидал такой щедрости. Впрочем, деньги не были выброшены на ветер. При помощи сведений, полученных от Эймса, в рядах советских спецслужб были арестованы все агенты ЦРУ, в том числе и действовавшие с начала 60-х годов. О конкретных фамилиях будет сказано чуть позже.

Полученные от КГБ деньги (частями и старыми купюрами) позволили Эймсу рассчитаться с долгами и сделать Марии Росарио шикарные подарки к свадьбе, которая состоялась в августе 1985 года. Объясняя жене причину появления в доме крупных сумм, Эймс сказал, что его давний школьный друг, бизнесмен из Чикаго, помог ему сделать удачные инвестиции. Чтобы не вызвать подозрений у ФБР и коллег по работе, он, как уже говорилось, продолжал встречаться с Чувахиным в рамках операции «Кортшип» вплоть до своей командировки в Рим. Правда, при этом он не направлял в ФБР отчетов об этих встречах. В результате по прошествии 10 месяцев ФБР потребовало от ЦРУ дать ответ, почему не поступают сведения о запланированных и незапланированных контактах Эймса с работниками советского посольства. Но руководство ЦРУ оставило запрос ФБР без ответа.

Тем временем в течение всего 1985 и в начале 1986 года Эймс усиленно занимался изучением итальянского языка, готовясь к назначению в Италию, в римскую резидентуру. В Рим он приехал в середине 1986 года. Там, как и в прошлых командировках, ему не удалось достичь оперативных успехов. Он по-прежнему много пил, мало работал, часто засыпал прямо в кабинете после обеда, редко занимался оперативной работой лично и опаздывал с предоставлением финансовых отчетов. Находясь в Италии, он не прерывал контактов с КГБ. Его оператором в это время был уже упомянутый Владимир Мечулаев, а для прикрытия Эймс периодически встречался с сотрудником посольства СССР в Риме Алексеем Хренковым.

Во время встреч с Мечулаевым и Хренковым Эймс регулярно передавал им всю информацию об операциях и агентах ЦРУ, к

которой имел доступ. Но двойная жизнь постепенно стала накладывать на него свой отпечаток. Именно в Риме в его семейной жизни появились серьезные проблемы. «Рик становился все более равнодушным, — вспоминала впоследствии Мария Росарио. — Он проявлял все меньший интерес ко мне и, так сказать, к сексуальной части наших отношений, что было для меня очень болезненно… Я решила, что Олдрич просто стал импотентом». Правда, родившийся вскоре сын отвлек ее от мыслей о проблемах с потенцией мужа.

В 1989 году Эймс возвращается в Вашингтон и вновь занимает пост начальника контрразведывательного отделения отдела СВЕ, получив, как и раньше, доступ практически ко всем секретам ЦРУ. На этой должности он проработал до октября 1990 года. Затем его перевели в контрразведывательный центр ЦРУ, где он стал заниматься аналитической работой, связанной с проникновением в КГБ. В августе 1991 года Эймс временно возвращается в отдел СВЕ начальником так называемой «рабочей группы по КГБ». Задачей данной группы было «окончательное» разрушение КГБ СССР. В ЦРУ считали, что после известных событий августа 1991 года КГБ стал очень уязвим в политическом и финансовом отношениях. Поэтому перед оперативными работниками была поставлена цель добиться того, чтобы российский парламент сократил на 90 процентов бюджет ПГУ КГБ, которое занималось внешней разведкой. Но эта затея не увенчалась успехом, после чего рабочая группа по КГБ в конце сентября 1991 года была ликвидирована, а Эймс получил назначение в Центр по борьбе с наркотиками ЦРУ.

В Центре по борьбе с наркотиками Эймс начал работать с декабря 1991 года. Он отвечал за причерноморские страны и Балканский полуостров. В его задачу входила координация действий всех спецслужб США и сотрудничавших с ними зарубежных спецслужб, а также организация обмена информацией между ними. В этот период Эймс также продолжал сотрудничество с КГБ и передал своему новому оператору Юрию Кареткину секретные материалы из локальной компьютерной сети ЦРУ, к которой имел доступ. Разумеется, эти встречи всегда проходили за пределами территории США. Так продолжалось до его ареста 21 февраля 1994 года.

Как утверждают сотрудники ФБР и ЦРУ, аресту Эймса предшествовала кропотливая работа по выявлению предателя. Начало ей положили многочисленные провалы агентуры ЦРУ в СССР в 1985–1987 годах. Сначала в ЦРУ полагали, что провалы связаны с предательством Говарда, сбежавшего в СССР в сентябре 1985 года. Но вскоре стало ясно, что не все провалы можно

отнести на его счет.

Первое время охота на «крота» носила спорадический характер. В декабре 1985 года директор ЦРУ Уильям Кейси отдал приказ принять все возможные меры по выяснению причин провалов. Для исполнения этого приказа в ЦРУ была создана специальная группа из четырех человек, которая занялась анализом всех имеющихся по этому вопросу материалов. Но в 1988 году работы по поиску «крота» были заморожены, так как в это время начал создаваться контрразведывательный центр и усилия контрразведки ЦРУ были сосредоточены на решении других вопросов, имевших, как тогда казалось, более важное значение. ФБР также занималось поиском «крота», но первое время сконцентрировало внимание на последствиях предательства Говарда.

Но в 1991 году, после того как провалились несколько важных операций американской разведки, поиски «крота» возобновились с удвоенной энергией. Была создана совместная группа из сотрудников ЦРУ и ФБР, которая вновь проанализировала все произошедшие с 1985 года провалы. При этом в группе из-за извечной конкуренции между ФБР и ЦРУ начались трения. Они закончились скандалом, который устроил начальник вашингтонского бюро ФБР Роберт Брайант. Он обвинил сотрудников ЦРУ в сокрытии информации и пригрозил подать на ЦРУ в суд за «создание помех правосудию». На некоторое время поиск «крота» был приостановлен, пока «миротворцы» с обеих сторон не урегулировали конфликт.

К марту 1992 года круг подозреваемых сузился, и основное внимание было переключено на Эймса. Выяснилось, что он еще в 1986 году был под подозрением, но тогда агент КГБ в Восточном Берлине передал ЦРУ информацию о том, что советские спецслужбы нашли доступ к центральному узлу коммуникаций, расположенному около Лэнгли, на военной базе в городке Варрентон. Поэтому расследование о причастности Эймса к провалам прекратилось, так и не начавшись. Кроме того, было установлено, что в 1986 и 1990 годах Эймс успешно прошел проверку на детекторе лжи. Но поскольку специалистам полиграфа не сообщили о подозрениях в отношении Эймса, тогда была проведена лишь «стандартная проверка», показавшая его благонадежность.

В результате было решено начать негласную финансовую проверку Эймса. К августу 1992 года путем сравнительного анализа было установлено, что имеется взаимосвязь между датами банковских вкладов Эймса и его встречами с советскими официальными представителями, которые были

санкционированы руководством ФБР и ЦРУ в начале 1985 года в рамках операции «Кортшип». Выяснилось, что после возвращения из Рима Эймс купил себе дом в окрестностях Вашингтона — Арлингтоне — за 540 тысяч долларов наличными, переоборудовал его, а также произвел перепланировку земельного участка. В Колумбии на имя Марии Росарио были приобретены ферма и две квартиры в Боготе и Картахене. Кроме того, Эймсами был куплен автомобиль «ягуар», предметы роскоши на сумму 455 тысяч долларов и скуплены на бирже акции общей стоимостью 165 тысяч долларов. Для помощи Марии Росарио в домашних делах с Филиппин была выписана прислуга. Некоторые сотрудники заметили, что многое изменилось и во внешнем виде Эймса, начиная от золотых коронок на зубах и кончая дорогими итальянскими костюмами и ботинками. Как говорилось по этому поводу в докладе уже упомянутого выше инспектора ЦРУ Фредерика Хитца, «совместная работа ЦРУ и ФБР завершилась в марте 1993 года составлением документа, в котором делался вывод, что имело место агентурное проникновение в ЦРУ».

В начале мая 1993 года было решено начать уголовное расследование в отношении Эймса силами ФБР. 23 мая 1993 года Роберт Брайант поручил начальнику контрразведывательного отдела ФБР в Вашингтоне Лесли Уайзеру начать слежку за Эймсом. Для выполнения этого задания было выделено 8 агентов и большая группа техников и вспомогательных специалистов. В домашнем телефоне Эймса был установлен «жучок», а напротив его дома скрытая камера, снимавшая перемещения всех членов семьи. Кроме того, было организовано электронное наблюдение за домашним персональным компьютером Эймса. Но каким образом это было сделано — путем дистанционного снятия информации с экрана монитора или путем закладки «жучка», — специалисты ФБР не сообщили до сих пор.

Летом 1993 года в результате наблюдения за Эймсом и прослушивания его телефонных разговоров агентами ФБР было установлено, что он, возможно, готовится передать своим операторам контейнер с информацией. В установленный день за Эймсом было организовано плотное наблюдение, но ему удалось оторваться от «хвоста» и агенты ФБР не получили никаких доказательств. Тогда 15 сентября 1993 года была тайно произведена выемка мешка с мусором из дома Эймса, в котором была обнаружена порванная записка, написанная на желтом клочке почтовой карточки. Она гласила:

«Готов к встрече в Б 1 октября.

Не могу прочесть Север 13–19 сентября.

Если опять встретитесь со мной в Б 1 октября, просигнальте Северу.

Не было сигнала в Трубе.

Если не можете встретиться со мной 1 октября, просигнальте Северу после 27 сентября сообщением в Трубе».

Как выяснилось впоследствии, «Север» и «Труба» были названиями местонахождения тайников, «Б» — Боготой, столицей Колумбии, где 1 октября должна была состояться встреча Эймса с его операторами. «В сентябре 1993 года, — говорит в своем докладе Фредерик Хитц, — в бытовом мусоре в доме Эймса была обнаружена копия его оперативной записки русским, которая доказывала, что он шпион». Это было веское доказательство. А в ноябре 1993 года после поездки Эймса в Каракас сотрудники ФБР зафиксировали увеличение его банковского счета на 86 700 долларов. В результате в понедельник 21 февраля 1994 года ФБР арестовало Эймса недалеко от его дома, когда он возвращался с работы из Лэнгли. В этот же день чуть позже была арестована его жена Мария Росарио.

Арест Эймса вызвал политический скандал в Америке. В адрес ЦРУ посыпались обвинения в попустительстве и бездействии. Еще не выяснив, каков реальный ущерб от предательства Эймса, в Москву неофициально прибыли два высших чиновника ЦРУ Дж. Макгаффин и У. Лоуфгрен. Они потребовали признать факт работы Эймс на российскую разведку путем добровольного отзыва резидента СВР в Вашингтоне. Получив вежливый, но твердый отказ, американцы 26 февраля объявили персоной нон грата Александра Иосифовича Лысенко — резидента СВР в Вашингтоне. Ответ России не заставил себя ждать. В понедельник 28 февраля персоной нон грата был объявлен резидент ЦРУ в Москве Джеймс Моррис.

Но вскоре страсти поостыли, и ЦРУ начало скрупулезный подсчет своих потерь. По окончанию следствия было объявлено, что Эймс выдал 12 агентов ЦРУ и раскрыл более 50 операций ЦРУ против СССР и России. За это Эймс получил от КГБ, а затем и от СВР РФ 2,7 миллиона долларов. Уже гораздо позднее в вышедшей в 1997 году в США книге «Признание шпиона. Подлинная история Олдрича Эймса» ее автор Пит Эрли написал, что им было раскрыто 25 агентов ЦРУ. Постараемся внести ясность в этот вопрос и перечислим поименно всех агентов ЦРУ, арестованных КГБ после апреля 1985 года:

1. Дмитрий Поляков — генерал-майор ГРУ, завербован в 1961 году, в 1986 году арестован и расстрелян;

2. Олег Гордиевский — полковник ПГУ КГБ, завербован СИС в 1974 году. В мае 1985 года отозван из Лондона в Москву, где

попал под следствие. Но в июле 1985 года был нелегально вывезен англичанами из СССР в Великобританию, где проживает по сегодняшний день;

3. Леонид Полещук — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1974 году, в 1985 году арестован и расстрелян;

4. Борис Южин — полковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 году, в 1986 году арестован и осужден на 15 лет лишения свободы. В 1992 году был амнистирован и выехал в США;

5. Владимир Пигузов — полковник ПГУ КГБ, завербован в 1975 году, в 1985 году арестован и расстрелян;

6. Сергей Бохан — полковник ГРУ, завербован в 1978 году. Будучи в 1985 году отозван в СССР, отказался возвращаться и бежал в США, где получил политическое убежище;

7. Владимир Поташев — научный сотрудник Института США и Канады АН СССР, завербован в 1981 году. В 1986 году арестован и осужден на 13 лет лишения свободы. После амнистии в 1992 году выехал в США;

8. Валерий Мартынов — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1982 году, в 1985 арестован и расстрелян;

9. Сергей Моторин — майор ПГУ КГБ, завербован в 1983 году, в 1985 году арестован и расстрелян;

10. Геннадий Сметанин — полковник ГРУ, завербован в 1983 году, в 1986 году арестован и расстрелян;

11. Сергей Воронцов — майор Московского УКГБ, завербован в 1984 году, в 1985 году арестован и расстрелян;

12. Геннадий Варенник — подполковник ПГУ КГБ, завербован в 1985 году. Тогда же арестован и расстрелян;

13. Владимир Васильев — подполковник ГРУ, завербован в 80-е годы, в 1985 году арестован и расстрелян;

14. Олег Агранянц — сотрудник МИД СССР, завербован в 80-х годах. В 1985 году отказался возвращаться с СССР и попросил политическое убежище в США;

15. Сергей Илларионов — сотрудник ПГУ КГБ, завербован в 1990 году. В 1991 году после получения указания вернуться в Москву тайно бежал в США;

16. Вячеслав Баранов — полковник ГРУ, завербован в 1989 году. В 1992 году арестован и осужден на 6 лет лишения свободы.

К этим шестнадцати нужно добавить Сергея Федоренко, единственного из известных Эймсу агентов ЦРУ, которого он не выдал КГБ и который в 1990 году попросил политическое убежище в США, и некоего агента «Моторка» — разведчика одной из стран Варшавского Договора, арестованного и расстрелянного в 1986 году. Кроме того, до сих пор существуют определенные сомнения относительно того, кто же помог разоблачить Адольфа

Толкачева. Традиционно считается, что Толкачева выдал Говард, но он категорически отрицал свою причастность к этому делу. Таким образом, с определенной степенью уверенности можно говорить о 18 агентах ЦРУ, разоблаченных с помощью данных, полученных от Эймса.

Самыми важными из разоблаченных с помощью Эймса агентов ЦРУ были Дмитрий Поляков, Олег Гордиевский и Адольф Толкачев. Биография и обстоятельства измены и побега Гордиевского сейчас широко известны, а о Толкачеве мы уже рассказывали. Поэтому есть смысл остановиться на личности генерала Полякова.

Дмитрий Федорович Поляков родился в 1921 году в семье бухгалтера на Украине. В сентябре 1939 года, после окончания школы, он поступил в Киевское артиллерийское училище, а когда началась Великая Отечественная война, был отправлен на фронт. Воевал он на Западном и Карельском фронтах, был командиром взвода, затем командиром батареи, а в 1943 году назначен офицером артиллерийской разведки. За годы войны он был награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, а также многими медалями. После окончания войны Поляков закончил разведфакультет Академии им. Фрунзе, курсы Генерального штаба и был направлен на работу в ГРУ.

В начале 1950-х годов Поляков был командирован в Нью-Йорк под прикрытием должности сотрудника советской миссии ООН. Его задачей было агентурное обеспечение нелегалов ГРУ. Работа Полякова в первой командировке была признана успешной, и в конце 50-х годов он вновь был направлен в США на должность заместителя резидента под прикрытием советского сотрудника военно-штабного комитета ООН. Но в ноябре 1961 года Поляков по собственной инициативе вступил в контакт с агентами контрразведки ФБР, которые дали ему псевдоним «Топхэт». С этого времени Поляков стал передавать американцам информацию о деятельности и агентуре ГРУ в США и других западных странах. Как позднее установило следствие, за время работы на американцев Поляков выдал им 19 советских разведчиков-нелегалов, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к ГРУ и КГБ около 1500 действующих офицеров разведки.

Летом 1962 году Поляков вернулся в Москву, снабженный инструкциями, условиями связи, графиком проведения тайниковых операций (одна в квартал). В 1966 году он был направлен в Бирму начальником центра радиоперехвата в Рангуне. По возвращении в Москву его назначили начальником китайского отдела, а в 1970 году он был командирован в Индию

военным атташе и резидентом ГРУ. В это время объем передаваемой Поляковым в ЦРУ информации резко увеличился. Он выдал имена четырех американских военных офицеров, завербованных ГРУ, передал фотопленки документов, свидетельствующих о глубоком расхождении позиций Китая и СССР. Благодаря этим документам аналитики ЦРУ сделали вывод, что советско-китайские разногласия имеют долговременный характер. Эти выводы были использованы госсекретарем США Генри Киссинджером и помогли ему и Никсону наладить отношения с Китаем в 1972 году.

Следует сказать, что Поляков очень серьезно относился к тому, чтобы в руководстве ГРУ его оценивали как вдумчивого и перспективного работника. Для этого ЦРУ регулярно снабжало его некоторыми секретными материалами, а также предоставило двух американцев, о которых он писал в своих отчетах как о завербованных им агентах. С той же целью Поляков стремился к тому, чтобы его два сына получили высшее образование и имели престижную профессию. Своим сотрудникам в ГРУ он дарил множество безделушек, как, например, зажигалки и шариковые ручки, составляя о себе впечатление как о приятном человеке и хорошем товарище. Одним из покровителей Полякова был начальник отдела кадров ГРУ генерал-лейтенант Сергей Изотов, до этого назначения 15 лет проработавший в аппарате ЦК КПСС. В деле Полякова фигурируют дорогие подарки, сделанные им Изотову. А за генеральское звание Поляков презентовал Изотову серебряный сервиз, купленный специально для этой цели ЦРУ.

Звание генерал-майора Поляков получил в 1974 году. Это обеспечило ему доступ к материалам, которые не были связаны с его прямыми обязанностями. Например, к перечню военных технологий, которые закупались или добывались разведывательным путем на Западе. По признанию помощника министра обороны США при президенте Рейгане Ричарда Перла, у него захватило дух, когда он узнал о существовании 5000 советских программ, использовавших западную технологию для наращивания военного потенциала. Перечень, представленный Поляковым, помог Перлу убедить президента Рейгана добиться ужесточения контроля над продажей военной технологии.

В конце 70-х годов Полякова вновь направляют в Индию в качестве резидента ГРУ. Он находился там до июня 1980 года, когда его отозвали в Москву. Впрочем, это досрочное возвращение не было связано с подозрениями, которые могли возникнуть против него. Просто очередная медицинская комиссия запретила работать ему в странах с жарким климатом. Однако американцы забеспокоились и предложили Полякову выехать в

США, но он отказался и вернулся в СССР.

Арестовали Полякова в конце 1986 года по наводке Эймса. Во время обыска, произведенного на его квартире, на даче и в доме его матери были обнаружены вещественные доказательства его шпионской деятельности. Следствие по делу Полякова вел следователь КГБ полковник Александр Духанин, позднее ставший известным по так называемому «Кремлевскому делу» Гдляна и Иванова. В начале 1988 года военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Полякова за измену Родине и шпионаж к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение 15 марта 1988 года.

Что касается операций ЦРУ, то благодаря Эймсу советская контрразведка в декабре 1985 года пресекла одну из наиболее важных из них, проходившую под кодовым названием «Абсорб». Суть данной операции сводилась к тому, чтобы при помощи специальной аппаратуры, помещенной в железнодорожный контейнер, снимать информацию о секретных перевозках по Транссибирской железной дороге. Вот что рассказывал об этой операции ЦРУ бывший начальник 1-го (американского) отдела Второго главного управления КГБ Рэм Красильников:

«21 декабря 1985 года контейнеровоз «Сибирь-Мару» прибыл в Находку. Вот тогда и начали происходить захватывающие события, в центре которых оказался контейнер с горшками, ибо этот груз, занимавший всего лишь треть контейнера, маскировал сложную электронную аппаратуру, собиравшую секретную информацию на территории Советского Союза…

Обнаруженная в контейнере CTIV-1317221 аппаратура, — говорилось в экспертном заключении, — представляет собой единый, находящийся в рабочем состоянии комплекс. Она способна обнаруживать источники радиоактивности, регистрировать и накапливать информацию об интенсивности, спектральном составе и суммарной дозе нейтронного и гамма-излучений, фиксировать пройденное расстояние, атмосферное давление, температуру, определять с большой точностью географические координаты, а также производить панорамную фотосъемку по маршруту движения контейнера. Отсюда и наиболее вероятное назначение комплекса — разведка районов с повышенной радиоактивностью, связанной с производством, хранением, транспортировкой ядерных материалов, в том числе ядерного оружия и военных объектов, оснащенных ядерным оружием. Возможности комплекса позволяют определить район и направление перевозок, количество перевозимых ядерных боеприпасов, специальные характеристики ионизирующего излучения, позволяющие сделать заключение о характере

объектов в данном районе. Анализ полученной информации, накопленной в специально разработанных двух индивидуального исполнения электронно-вычислительных машинах, позволяет выявлять и привязывать к географической сетке перевозимые по железной дороге ядерные заряды и боеприпасы, установки, оснащенные ядерным оружием, другие источники радиоактивного излучения. Датчики комплекса идентифицируют находящийся в защищенном контейнере одиночный ядерный заряд, эквивалентный одному килограмму плутония, на расстоянии десяти метров от оси контейнера. Информация записывается в кодированном виде на компакт-кассеты, емкость которых позволяет накапливать данные о тысяче замеров радиоактивных источников. Аккумуляторные батареи обеспечивают бесперебойную работу аппаратуры в течение трех месяцев. По заключению КГБ СССР, разведывательный комплекс изготовлен в 1982 году и в последующем модернизировался».

При помощи Эймса была раскрыта и еще одна сверхсекретная операция ЦРУ под кодовым названием «Тоу». В ходе ее американская разведка в 1980 году установила около коммуникационного центра КГБ под Москвой устройство для перехвата сигналов, идущих по кабелю связи. Эта операция успешно продолжалась до лета 1985 года, когда при помощи Эймса устройство было обнаружено и обезврежено.

Впрочем, несмотря на многочисленные допросы Эймса, следователи из ФБР и ЦРУ так и не смогли полностью оценить весь ущерб, который он нанес американским спецслужбам. Объясняя это обстоятельство, американцы приводят следующие причины:

— за почти девятилетнее сотрудничество с ПГУ КГБ Эймс просто не помнит все материалы, которые передавал в Москву;

— часть материалов, которые Эймс брал из архивов и оперативных дел ЦРУ, он не читал и не знает их содержания;

— поскольку Эймс злоупотреблял алкоголем и часто передавал материалы нетрезвым, он не мог запомнить о чем в них говорилось;

— многие материалы, в том числе и об агентах ЦРУ в СССР и России, не содержали конкретных имен, из-за чего Эймс не знал, о ком в них говорилось. Только в Москве после их всестороннего анализа советская контрразведка могла установить личности предателей;

— одной из самых сложных для ЦРУ задач оказалось выяснение, какие именно источники информации в СССР мог выявить или помочь обнаружить Эймс и какие из них могли быть перевербованы и стать дезинформаторами. По мнению экспертов

из ЦРУ, целый ряд таких дезинформационных сообщений, которые в управлении считали достоверными и передавали в другие ведомства, в том числе и в Пентагон, привели к бессмысленным расходам многих десятков миллионов долларов.

Однако была еще одна операция ЦРУ, провалившаяся по вине Эймса, но о которой следователи не сообщили ни на суде, ни конгрессу США, как этого требует закон. О ней стало известно только в 2000 году, когда на слушаниях в конгрессе по делу «Бэнк оф Нью-Йорк» вице-президент компании «Ферст коламбия компани» Кэрон фон Герке-Томсон рассказала о попытке ЦРУ отследить процесс отмывания денег. Эта попытка вывела ЦРУ непосредственно на Бориса Ельцина.

«С апреля до сентября 1993 года, — заявила фон Герке-Томсон, — я принимала участие в качестве неоплачиваемого волонтера в разведывательной операции, организованной ЦРУ с целью расследования процесса отмывания денег. ЦРУ, ФБР и министерство юстиции знали, что в этом было замешано КГБ. Им также было известно, что щупальца тянулись к самому президенту Ельцину».

По словам фон Герке-Томсон, ЦРУ стремилось разобраться в деятельности Александра Конаныхина, который утверждал, что вхож в Кремль и что во время президентской компании Ельцина сделал взнос на сумму 10 миллионов долларов. Кроме того, Конаныхин утверждал, что «Бэнк оф Нью-Йорк» контролирует активы на сумму 1,7 миллиарда долларов, принадлежащих представителям российской политической элиты, и что 100 вкладчиков имели на своих счетах более 100 миллионов долларов. В ходе операции фон Герке-Томсон тесно сотрудничала с сотрудниками отдела СВЕ ЦРУ. Однако, по ее словам, в конце сентября 1993 года операция провалилась, и во многом этому способствовал Олдрич Эймс. Правда, какую роль в этом сыграл Эймс, фон Герке-Томсон конкретно не указала.

В ходе следствия Эймс признался в работе на советскую, а затем и российскую разведку. Он сделал это для того, чтобы его жена была осуждена на как можно меньший срок. Суд над Эймсом, начавшийся в апреле 1994 года, был закрытый и быстрый. Немаловажную роль в этом сыграло опасение ЦРУ и ФБР, что длительное судебное разбирательство с участием присяжных может привести к возникновению нежелательных вопросов. Например, спецслужбам придется отвечать, каким образом Эймс безнаказанно действовал в течение 9 лет. 28 апреля 1994 года Эймс был осужден на пожизненное заключение за шпионаж и уклонение от уплаты налогов с суммы в 2,7 миллиона долларов, полученной им от КГБ и СВР. Мария Росарио Эймс 23

октября 1994 года была осуждена на пять лет тюремного заключения за сообщничество в шпионаже и уклонение от уплаты налогов. Все имущество супругов — дом, машины, вклады в американских банках, пенсия Эймса и даже будущие гонорары за книги, фильмы или интервью, если они будут иметь место, было конфисковано в пользу государства. Единственное, что осталось у Эймсов, это имущество в Колумбии, на которое американские власти не смогли наложить руку. В конце 1994 года в городе Атланта состоялся аукцион, на котором было продано личное имущество Эймсов — кулоны с бриллиантами, диадемы с драгоценными камнями и т. д. всего 200 предметов.

Говоря о судебном процессе над Эймсом, хочется остановиться на одной фразе из обвинительной речи прокурора федерального суда.

«Они умерли, — заявил он, говоря о расстрелянных в СССР агентах ЦРУ, выданных Эймсом, — потому что Эймс хотел жить в полумиллионном доме и ездить на «ягуаре».

Думается, что здесь прокурор пытается переложить с больной головы на здоровую. Не надо быть семи пядей во лбу, дабы понять, что все расстрелянные агенты были с точки зрения законов СССР, а затем и России такими же предателями и изменниками, каким стал Эймс с позиции американского правосудия. Они не меньше его, а может быть и больше, хотели материальных благ. Да и на путь предательства большинство из них встало гораздо раньше, чем Эймс. Поэтому создается впечатление, что основные тезисы своего выступления прокурор позаимствовал у небезызвестного Андрея Вышинского. Недаром данный пассаж прокурора вызвал откровенный смех у американских журналистов. В большей степени прав в этом отношении сам Эймс, который в своей речи на суде сказал: «Я испытываю глубочайшую симпатию к тем, кто пострадал от моих действий в Советском Союзе. Но мы сделали одинаковый выбор, и нас ждали одинаковые последствия».

Впрочем, думается, что следует процитировать и некоторые другие отрывки из последнего слова Эймса на суде:

«Из девяти лет моей преступной деятельности семь с половиной лет моя жена не догадывалась о ней. Потом из-за моей неосторожности она узнала правду и была ею сражена. Смертельно испугавшись последствий, которые ожидали всю семью, она умоляла меня порвать с русскими. Я манипулировал ею, обманывал ее, обещал порвать со службой внешней разведки России. Мария металась от намерения выдать меня ЦРУ до отчаянной надежды, что я дотяну до пенсии неразоблаченным. Она не имела ни малейшего представления об информации,

которую я выдавал, и соответственно не могла оценить вреда, который я приносил Соединенным Штатам.

Жестокость, с которой государство пытается расправиться с моей женой, говорит лишь о желании наказать меня побольнее: это и месть, и пример другим. Наказать ее — значит, наказать меня вторично. Лишить нашего ребенка матери — значит, наказать меня в третий раз, больнее всего.

Я понимаю, что предал доверие государства, так же как предает доверие берущий взятку чиновник. Но как разведчик с 30-летним стажем я заявляю, что мои действия ни причинить серьезного ущерба Соединенным Штатам, ни оказать ощутимой помощи СССР и России не могли.

В апреле 1985 года, пытаясь расплатиться с долгами, я затеял шпионскую игру с КГБ. За 50 тыс. долларов я выдал КГБ имена нескольких советских граждан, сотрудничавших с ЦРУ. Но я был уверен, что это были «утки» КГБ, выдававшие ЦРУ по указке советской разведки заведомо ложную информацию. Таким образом, я не мог повредить им… Но затем я стал выдавать КГБ всех американских шпионов, известных мне в Москве. Это было обусловлено двумя факторами.

Во-первых, мои взгляды сместились влево с занимаемых мною ранее ультраправых позиций.

Во-вторых, я понял, что шпионаж в том виде, в каком он осуществляется ЦРУ и некоторыми другими американскими агентствами, был и остается бизнесом, служащим самому себе: касте карьеристов-бюрократов от разведки, которым удавалось, прикрываясь секретностью, обманывать несколько поколений американцев относительно необходимости и ценности работы разведки.

Не было и нет необходимости содержать тысячи офицеров разведки и десятки тысяч агентов во всех, преимущественно дружеских странах мира.

Сейчас, когда «холодная война» окончена и коммунистическая система рухнула, наша страна начинает дебаты о необходимости колоссальных затрат на обеспечение нашей безопасности. Но наряду с вопросом о необходимости новых поколений истребителей и бомбардировщиков правомерен вопрос о необходимости шпионажа.

Я буду рад, если мое дело превратится из шоу государственной истерии и лицемерия в национальную дискуссию о роли ЦРУ.

Нашими учителями в шпионаже были Великобритания и Советской Союз… ЦРУ успешно освоило их опыт, особенно по части бюрократизма и миссионерского рвения. И чем дольше мы

будем обманывать себя в этом, тем более опасными мы будем становиться для самих себя и наших друзей, по-прежнему не представляя опасности для наших врагов».

В настоящее время Олдрич Эймс находиться в тюрьме особо строгого режима Алленвуд, штат Пенсильвания, где числится под номером 40087-083. Первое время он содержался в одиночной камере размером 2,7 на 3,5 метра, оборудованной душем, умывальником, туалетом, двухъярусной кроватью и небольшим письменным столом. После многочисленных просьб в середине 1996 года его перевели в двухместную камеру. Там соседом Эймса оказался другой бывший сотрудник ЦРУ Эдвин Уилсон, осужденный за продажу взрывчатых веществ Ливии. Теперь ему разрешено пять дней в неделю работать в одной из тюремных мастерских, а в остальное время он может читать газеты, книги и писать. Кроме того, он получил доступ к телефону, но звонить ему разрешается только ограниченному кругу лиц.

Несмотря на то что Эймс осужден по всей строгости закона, его бывшие коллеги питают к нему далеко не лучшие чувства. Один из них, пожелавший остаться неизвестным, сказал: «В свое время мы бы допросили его, вытянули бы из него все, что возможно, и тихо предали смерти».

Споры о причинах провала и ареста Эймса не утихают до сих пор. Американцы продолжают настаивать, что арест стал возможен благодаря кропотливой работе спецгруппы ЦРУ и ФБР по выявлению «крота». Официальные представители российских спецслужб вообще не комментируют «дело Эймса», ничего не признают, но и не отрицают. И это правильно. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что после выступления в 1990 году бывшего начальника внешней контрразведки ПГУ Олега Калугина на митинге в Краснодаре, где он заявил, что лично работал с Уокерами, дело этих советских агентов было пересмотрено и они получили дополнительные сроки заключения.

Неофициально некоторые бывшие сотрудники ПГУ КГБ винят в провале Эймса руководство КГБ, которое слишком поспешно реализовало его информацию о предателях в рядах советских спецслужб, после чего американцы пришли к выводу, что в ЦРУ действует советский «крот». Так, например, считает завербовавший Эймса Виктор Черкашин, уверенный в том, что в провале Эймса виновен Владимир Крючков, пытавшийся арестами агентов ЦРУ доказать генсеку М. Горбачеву, что КГБ ведет дела как надо.

Другие сотрудники внешней разведки считают, что в случившемся виноват сам Эймс — он вел слишком шикарный образ жизни, а его легенда о происхождении денег легко

проверялась. Вот что, например, говорит по этому поводу Борис Соломатин:

«Есть Эймсу в чем винить и себя — им было допущено немало ошибок. Его легенда об источнике денег легко проверялась, он прекратил докладывать об официальных встречах со связником, на которых происходили передачи денег и документов, делал вклады в банк сразу на следующий день после встречи со связником, хранил дома секретные документы, вел телефонные разговоры с женой по оперативным вопросам, купил дорогостоящий дом и машину не в рассрочку, как это обычно делается; он излишне шиковал, и это бросалось в глаза окружающим. Особенно Эймс расслабился, как он считает, в 1993 году, как раз когда ФБР вело его активную «разработку»: осуществляло постоянное наружное наблюдение, ставило в квартире «жучки», прослушивало телефоны и нашло в мусорном бачке черновик записи с условиями связи, которую он передал через тайник. Вся эта цепь ошибок Эймса, определявшихся его халатностью и недооценкой угрозы разоблачения его контрразведкой, позволила собрать против него достаточно улик, что вместе с его признанием обусловило передачу дела в суд».

Но есть и такие, кто уверен, что Эймса предали в Москве. Так, например, считает генерал-лейтенант КГБ в отставке Николай Сергеевич Леонов, долгое время проработавший в ПГУ начальником аналитического управления и заместителем начальника разведки по Американскому континенту. Его мнение абсолютно категорично:

«Я могу с уверенностью предположить, что Эймса предали. И предали в Москве. Долгие годы я лично занимался технологией обеспечения связи с нашей агентурой в США. В течение десяти последних лет она срабатывала безупречно, была неуязвимой. Прокол был невозможен. Все эти рассказы о компрометирующих материалах против Эймса, якобы найденных в его мусорных ящиках, об обративших на себя внимание расходах рассчитаны на дураков. Эймса, как и Уокера, которого якобы предала сама жена, «сдали» в Москве. И сделали это лица, имевшие служебное отношение к делу Эймса».

Так это или нет — судить трудно. Остается только надеяться, что со временем мы узнаем истинные обстоятельства провала Эймса.

В заключение хочется отметить, что заявления некоторых перебежчиков типа Гордиевского о низком профессионализме сотрудников советской разведки являются не более чем выдумкой. Тот же Гордиевский не раз утверждал, что после Филби и других членов «кембриджской группы» у советской

разведки больше не было агентов, которые сотрудничали с ней на идейной основе. И как всегда попадал пальцем в небо. Дело Олдрича Эймса свидетельствует о том, что с представителями нашей страны на Западе сотрудничают не только из-за материальной выгоды. А раз так, то можно сделать вывод о том, что не все благополучно на сытом Западе.

Глава пятая
Предшественники Ханссена

Вербуя агентуру в АНБ, ЦРУ и в спецслужбах армии и флота США, советская разведка никогда не забывала и о старейшей американской специальной службе — Федеральном бюро расследований. Проникнуть в ФБР, которое отвечало за внутреннюю безопасность США, было давней мечтой советских разведчиков. Однако первый успех на этом направлении был достигнут только после Второй мировой войны.

Говоря о «кротах» в ФБР, следует отметить уверенность американцев в том, что Бюро было меньше всех поражено вирусом измены и что Ханссен — лишь третий из его агентов (после Ричарда Миллера и Эрла Питтса), кто сотрудничал с русскими. Однако здесь американцы либо ошибаются, либо старательно прячут голову в песок, поскольку еще в 1949 году за шпионаж в пользу СССР была арестована Джудит Коплон, сотрудница министерства юстиции, структурным подразделением которого является ФБР.

Джудит Коплон

Джудит Коплон родилась в 1922 году в Бруклине (Нью-Йорк) в еврейской семье, принадлежавшей к среднему классу. Ее отец Самуэль Коплон был преуспевающим фабрикантом, занимающимся производством игрушек. Он до безумия любил свою дочь и был известен как «Санта Клаус из Адирондаков», поскольку каждый год раздавал тысячи бесплатных игрушек детям на Рождество. Что касается матери Коплон Ребекки, то она была домохозяйкой.

В 1938 году после окончания бруклинской школы Мэдисон Джудит Коплон поступила в элитарный Барнард Колледж для девушек, где изучала историю и русскую культуру. Здесь она показала себя блестящей студенткой, завоевав две стипендии на конкурсных экзаменах, где проверяются не только знания, но и личные качества. Однако близкое соприкосновение с русской культурой не могло не оставить свой отпечаток на ее взглядах. Джудит находила замечательным все, что было связано с Советским Союзом и выражала искреннее восхищение теми преобразованиями, которые происходили в первой в мире стране социализма. А когда Германия напала на СССР, она написала

воззвание в школьной газете, где была редактором, в котором требовала скорейшего открытия второго фронта в Европе, дабы облегчить положение Москвы. Кроме того, она принимала активное участие в программах оказания военной помощи России.

В 1943 году Коплон с отличием закончила колледж, получив высшую категорию за способности, прилежание, честность, лидерские качества и воспитанность. В этом же году она при помощи отца, имевшего широкие связи, пройдя проверку на благонадежность, поступила на работу в нью-йоркское отделение министерства юстиции, в отдел экономических конфликтов в качестве журналиста-обозревателя. Одновременно она продолжала образование в Американском университете и вскоре получила степень магистра международных отношений. Проработав в нью-йоркском отделении два года, Коплон показала себя отличным сотрудником и получила рекомендацию для повышения. В результате в январе 1945 года она была переведена в Вашингтон в центральный аппарат министерства юстиции в качестве помощника политического аналитика отдела регистрации иностранных агентов.

Отдел регистрации иностранных агентов был одним из важнейших в министерстве и фактически, как уже говорилось, являлся структурным подразделением ФБР. Дело в том, что, согласно американским законам все иностранные дипломаты, бизнесмены и т. д., приезжающие в США, должны были регистрироваться в этом отделе, благодаря чему ФБР могло идентифицировать подозреваемых в шпионаже иностранных граждан. Что касается Коплон, то на новой должности она получила доступ ко многим важным документам, в том числе — к секретным отчетам и докладам ФБР.

Как и на прежнем месте, работа Коплон в отделе регистрации оценивалась очень высоко. Так, в феврале 1946 года начальник отдела Джесс Макнайт при очередной аттестации положительно охарактеризовал ее, отметив, что она «проявила себя как способный, трудолюбивый и умный исследователь… Прекрасно владеет французским языком, хорошо знает немецкий и русский». Но, как выяснилось позднее, к этому времени Коплон также работала и на советскую внешнюю разведку.

Когда произошла вербовка Коплон, доподлинно неизвестно. Вероятно, на нее обратили внимание еще во время обучения в колледже, где она активно выступала в поддержку СССР. Но завербовали ее, скорее всего, после того, как она стала работником министерства юстиции и получила доступ к информации о находящихся под подозрением у ФБР советских

гражданах. В это же время оператором Коплон становится Валентин Губичев.

Губичев родился в 1916 году в Орле. Позднее он учился в Московском инженерно-строительном институте, после окончания которого был направлен в органы госбезопасности, где начал службу во внешней разведке. В июле 1946 года Губичев был командирован в Нью-Йорк в составе советской делегации в ООН в качестве третьего секретаря. Для того чтобы обеспечить ему «крышу», в его официальной биографии значилась работа в министерстве строительства СССР, руководство уральским строительным трестом и работа в министерстве иностранных дел СССР.

Впрочем, когда СССР была выделена квота в штате Секретариата ООН, Губичев в сентябре 1946 года перешел из советского представительства в штат ООН в отдел архитектуры в качестве гражданского инженера. Его основной работой стало проектирование нового здания для штаб-квартиры ООН на Ист-Ривер, строительство которого уже близилось к завершению. Здесь нелишне будет отметить, что генеральный секретарь ООН Трюгве Ли публично называл Губичева одним из выдающихся проектировщиков и конструкторов нового комплекса ООН. В Нью-Йорк Губичев приехал вместе с женой Лидией и дочерью. Однако в августе 1948 года он отправил дочь в Москву в связи с тем, что ей пришло время идти в школу.

Контакты Губичева с Коплон происходили не чаще чем раз в месяц во время еженедельных поездок Джудит в Нью-Йорк, которые она совершала для того, чтобы навестить своих родителей и друзей. Обычно они встречались либо на улице, либо в небольших кафе, и Коплон передавала своему куратору пачку документов, чаще всего отчетов ФБР относительно советских граждан, попавших под подозрение в шпионаже. Все остальное время Губичев отдавал работе по прикрытию, благодаря чему ни разу не попал под подозрение американской контрразведки.

Провал Коплон произошел в конце 1948 года, но вины Джудит или Губичева в нем нет. Причиной его стала та атмосфера подозрительности и шпиономании, которая с подачи директора ФБР Гувера охватила США после окончания Второй мировой войны. Еще в 1945 году Гувер направил президенту США Г. Трумэну меморандум, в котором нарисовал пугающую картину проникновения «подрывных и нелояльных элементов» в правительство Соединенных Штатов. По утверждению шефа ФБР, безнаказанность, с которой они действуют, создает «серьезную угрозу национальной безопасности и оказывает опасное влияние на правительственную политику в пользу иностранных

государств».

Трумэн полностью согласился с выводами Гувера, после чего созданная в январе 1945 года постоянная Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (КРАД) палаты представителей конгресса США резко активизировала свою деятельность. КРАД была наделена полномочиями вызывать и допрашивать свидетелей и подозреваемых в антиамериканской деятельности, что превратило ее в бесконтрольный и чрезвычайно опасный для рядовых американцев репрессивный инструмент.

Так, в октябре 1947 года комиссия организовала расследование «подрывной» деятельности в Голливуде. Как писал по этому поводу известный американский публицист А. Кан расследование сразу же приняло «характер какой-то дикой фантасмагории. В зале была установлена целая батарея аппаратов для киносъемки и звукозаписи, которые фиксировали каждый жест и каждое слово свидетелей и членов комиссии, а также специальное оборудование для передачи заседаний по радио и по телевизионной сети… Председатель Томас то и дело прерывал заседание, чтобы кинооператоры могли заснять особенно драматические моменты».

Однако, несмотря на все усилия членов КРАД, подтвердить фактами выдвинутые обвинения комиссии так и не удалось. В результате, чтобы спасти лицо, комиссия отложила завершение расследования на неопределенный срок.

Именно в такой атмосфере всеобщей подозрительности и страха в декабре 1948 года в вашингтонское отделение ФБР поступил анонимный донос, в котором говорилось, что самые конфиденциальные отчеты Бюро попадают в советское посольство. При этом аноним утверждал, что в центральном офисе министерства юстиции в Вашингтоне у Советов есть агент — некая женщина, чье описание соответствовало внешности Джудит Коплон.

Тогда же один из непосредственных начальников Коплон, занимавшийся регистрацией иностранных агентов в отделе внутренней безопасности министерства юстиции, сообщил в ФБР, что она обладает сверхъестественными знаниями о коммунистических реалиях и в мае 1948 года получила повышение по службе за подготовку блестящего политического анализа советской действительности. Кроме того, она проявляет повышенный интерес к отчетам ФБР о гражданах Советской России, вызывающих подозрение в шпионаже, а также преднамеренно искажает аналитические сведения и другие материалы в пользу СССР, ругая при этом его врагов и хваля его друзей.

Получив столь неясные и противоречивые сведения, шеф ФБР Гувер решил, что лучше всего будет уволить Коплон из министерства юстиции по соображениям безопасности. Однако его подчиненные предложили не увольнять Коплон, а установить за ней плотное наблюдение, одновременно лишив доступа к секретным документам. Гувер, не особенно разбиравшийся во всех тонкостях контрразведки, в конце концов согласился, после чего за Коплон началась слежка, а ее телефон был поставлен на прослушивание.

Агенты ФБР быстро установили, что Коплон снимает квартиру по адресу 2634, Тунлоу-роад и опросили хозяина и соседей. Однако те отозвались о ней как о спокойной и интеллигентной девушке, которая никогда не приводила в дом мужчин. Но затем Коплон переехала в Джефферсон Холл, Мак-Клин Гарден, где сняла однокомнатную квартиру. В это время, как говорилось в отчетах службы наружного наблюдения ФБР, ее «сексуальный аппетит возрос». Она начала приводить домой мужчин, а однажды агенты ФБР выследили ее в Соутерн Хотел в Балтиморе, где она провела ночь с адвокатом, который работал в министерстве юстиции. Согласно же другому отчету, сотрудники наружного наблюдения «имели возможность созерцать через новейшие системы подслушивания и подглядывания через стены… практическую демонстрацию искусства любви». Позднее, обосновывая такое любопытство, агенты ФБР утверждали, что Коплон спала со многими мужчинами не просто для удовлетворения сексуальных потребностей, но и для получения необходимой ей конфиденциальной информации.

Все это время ничего не подозревающая Коплон продолжала регулярно копировать секретные документы и передавать их Губичеву. В результате 14 января 1949 года агентам ФБР удалось засечь встречу Коплон с Губичевым, во время которой она передала ему очередную порцию материалов. После этого установить личность Губичева им не составило никакого труда, и за ним также было установлено постоянное наблюдение.

Что касается Коплон, то ее было решено перевести в другой отдел министерства юстиции, где она не могла бы иметь доступ к секретным документам. Не зная о причинах перевода, Коплон возмущенно протестовала, но ее протесты не принимались во внимание. Впрочем, она по-прежнему приходила в отдел регистрации иностранных агентов якобы для того, чтобы передать дела своему преемнику, благодаря чему время от времени могла знакомиться с секретными отчетами ФБР.

Тем временем слежка за Коплон и Губичевым продолжалась. Агенты ФБР засекли их очередную встречу 18 февраля 1949 года.

А когда 3 марта Коплон попросила у своего начальника Уильяма Фоли предоставить ей для ознакомления секретный доклад ФБР о советском шпионаже, было принято решение об ее аресте.

4 марта после обеда Коплон села в поезд, идущий в Нью-Йорк. Но на этот раз на Пенсильванском вокзале Нью-Йорка ее ждали 20 агентов ФБР на семи радиофицированных машинах. Коплон и Губичев были арестованы в момент встречи и доставлены в штаб-квартиру ФБР. При обыске у Губичева не было обнаружено никаких компрометирующих его бумаг. Обыск Коплон также ничего не дал. Но в ее сумочке сотрудница ФБР обнаружила запечатанный пакет с чулками. В нем оказались 34 секретных документа, скопированные Коплон в министерстве юстиции, и сопроводительная записка, в которой, в частности, говорилось:

«Я не смогла достать совершенно секретный доклад ФБР о советской и коммунистической агентуре в Соединенных Штатах. В подходящий момент я спросила начальника, где находится доклад. Он ответил, что кто-то из руководства министерства взял его, и он не скоро получит его обратно.

Когда я раньше видела доклад, то смогла только мельком просмотреть его и мало что запомнила. В нем около 115 страниц, и прежде всего там собраны данные о советской разведывательной деятельности… Там также говорится о советской делегации в ООН, но это все, что я могла запомнить. Остальная часть доклада, как я думаю, посвящена польской и другим разведкам».

После ареста Губичева прибывшие в штаб-квартиру ФБР советские представители потребовали его немедленного освобождения, ссылаясь на то, что он пользуется дипломатической неприкосновенностью. Однако штатный юрист ООН Оскар Шехтер заявил, что Губичев обладал иммунитетом, только когда прибыл в США в составе советской делегации. Но в связи с тем, что он перешел на работу в Секретариат ООН, дипломатическая неприкосновенность на него больше не распространяется.

После этого 5 марта федеральный судья Саймон Рифкинд зачитал обвинительное заключение. Джудит Коплон обвинялась в шпионаже и в измене, а Губичев в шпионаже. Была также определена сумма залога: 20 тыс. долларов для Коплон и 100 тыс. долларов для Губичева. Посол СССР Александр Панюшкин направил в госдепартамент решительный протест и потребовал немедленного освобождения Губичева, но американцы отвергли его требование. Тогда 27 апреля 1949 года первый секретарь советского посольства Лев Толоконников внес залог, после чего

Губичев был отпущен до суда без права покидать территорию США. Что касается Коплон, то она была освобождена сразу же после ареста, поскольку ее родственники немедленно внесли требуемые 20 тыс. долларов.

Первый процесс над Коплон начался в Вашингтоне 25 апреля 1949 года и длился десять недель. «В период между десятым декабря 1948 года и четвертым марта настоящего года, — говорилось в обвинении, — мисс Коплон брала секретные данные о национальной обороне из дел министерства юстиции. Она делала это с целью получения информации о национальной обороне, отдавая себе отчет, что эти действия наносят ущерб Соединенным Штатам и пойдут на пользу иностранному государству».

Адвокат Коплон Арчибальд Пальмер заявил суду, что его подзащитная имела с Губичевым только любовные отношения. А секретные документы носила с собой по уважительным причинам: во-первых, она взяла их домой для работы, во-вторых, они понадобились ей для сдачи квалификационных экзаменов, которые сдавали гражданские сотрудники, чтобы продвинуться по службе, в-третьих, она хотела использовать их как источник для написания романа «Государственная служащая». Однако присяжные, выслушав показания агентов ФБР о многочисленных встречах Коплон с другими мужчинами, 9 июня признали ее виновной. А на следующий день судья Альберт Ривс приговорил Коплон к 10 годам тюрьмы, заявив при этом:

«Один из величайших солдат Америки Бенедикт Арнольд предал свою страну, и сегодня его имя проклято… Здесь находится молодая женщина, перед которой были открыты безграничные возможности, у нее было большое будущее… но она избрала предательство своей страны».

Процесс над Губичевым и Коплон по обвинению в шпионаже начался в Нью-Йорке 24 января 1950 года. Адвокат Коплон продолжал настаивать на том, что его подзащитную и Губичева связывала только нежная дружба. То же говорил и адвокат Губичева Абрахам Померанц, который при этом подчеркивал, что рассматриваемое дело основано на незаконных обысках и изъятиях, а также свидетельствах, добытых с помощью прослушивания.

После этого заявления суд заслушал 77 сотрудников ФБР, свидетельствовавших по делу. При этом агент Скотт Миллер сначала утверждал, что он ничего не знал о том, что телефонные звонки Коплон и ее адвоката Пальмера записываются на пленку. Но потом он заявил, что он лично видел и устранил магнитофоны, фиксировавшие телефонные разговоры. Агент ФБР

Роберт Вирт также подтвердил, что он установил несколько магнитофонов и, хотя он был адвокатом, сказал, что он не знаком с постановлением Верховного суда США, запрещающим использование аудио пленок в федеральных судебных разбирательствах.

Однако несмотря на эти заявления жюри присяжных 7 марта признало Губичева и Коплон виновными, после чего судья Сильвестр Райан 9 марта огласил приговор — 15 лет тюремного заключения каждому. Но при этом он, обращаясь к Губичеву, сказал:

«Генеральный прокурор Соединенных Штатов Америки и государственный секретарь рекомендуют отсрочить выполнение приговора и выслать вас из страны. По их мнению, такой поворот событий лучше послужит интересам Соединенных Штатов и их граждан».

После этого вердикта Губичев 20 марта 1950 года был доставлен из тюрьмы на борт польского судна «Баторий», на котором покинул США. Что касается Коплон, то она была выпущена из тюрьмы под залог в 60 тыс. долларов, после чего обратилась через своих адвокатов в высшую судебную инстанцию с просьбой об отмене приговора. В результате 5 декабря 1950 года окружной апелляционный суд отменил решение нью-йоркского суда по двум причинам. Во-первых, адвоката Коплон не ознакомили с результатами телефонного прослушивания, хотя агенты ФБР обязаны были сделать это. А во- вторых, агенты ФБР, производившие арест Коплон, не имели при себе ордера.

(Интересно, что вскоре конгресс принял закон, позволяющий ФБР арестовывать подозреваемых в шпионаже без ордера.)

Так закончилось первое успешное проникновение советской разведки в систему ФБР. И несмотря на то что Коплон и Губичев были арестованы, американское правосудие, строго следующее букве закона, позволило им избежать наказания. Губичев был выслан из страны, а Коплон вскоре после освобождения вышла замуж за одного из своих адвокатов Альберта Соколова и нашла свое счастье в тихой семейной жизни, растя четверых детей.

Ричард Миллер

Несмотря на провал Коплон, советская разведка продолжала настойчиво искать пути для проникновения в ФБР. Однако продолжительное время все такие попытки заканчивались ничем. И только через 35 лет, в 1984 году, ПГУ КГБ чуть было не удалось вновь получить «крота» в американской контрразведке. Этим

потенциальным «кротом» был агент ФБР Ричард Миллер.

Ричард Миллер родился в 1937 году в Калифорнии. Закончив университет, он в 1964 году поступил на службу в ФБР, и после окончания учебных курсов Бюро под Вашингтоном был направлен в Куантико был направлен на работу в отделение ФБР в Риверсдэйле (Калифорния), в отдел по расследованию федеральных преступлений. Однако работником Миллер оказался неважным. Он постоянно опаздывал с оформлением документации, однажды потерял свой пистолет и служебное удостоверение, а в другой раз, закрывая офис, забыл ключ в замке, где тот оставался всю ночь. Бывшие сослуживцы характеризовали Миллера как неряху, любящего поесть, у которого на рубашке и галстуке постоянно были хлебные крошки и пятна от супа. Сам Миллер позднее говорил, что его репутация «была, мягко говоря, не очень хорошей». Будучи отцом восьмерых детей, Миллер постоянно нуждался в деньгах. В его личном деле имеются записи о том, что он прямо из служебной машины занимался торговлей товарами фирмы «Амвей», использовал удостоверение агента ФБР для того, чтобы выпрашивать в магазинах сладости, а однажды был уличен в продаже служебной информации частному сыщику. Но несмотря на это, его официальная характеристика, как и у 90 процентов других агентов, была отличной.

В 1982 году Миллера перевели из Риверсдэйла в Лос-Анджелес, где он начал работать в контрразведывательном отделе. Но перевод не прибавил ему денег. Поэтому всю рабочую неделю он жил один в Линвуде (пригород Лос-Анджелеса), а на выходные отправлялся на север графства Сан-Диего, где вместе с женой держал ферму по выращиванию авокадо, которая, однако, приносила ему больше долгов, чем доходов.

Летом 1984 года на Миллера обрушилась очередная служебная неудача. Согласно стандартам ФБР, агент, имеющий рост 175 см (а именно такой был у Миллера), должен весить не более 85 кг. Поэтому, когда вес Миллера достиг 110 кг, его на две недели отстранили от службы для того, чтобы он сбросил избыточный вес. А после того как он вернулся на работу, в его жизни произошло событие, стоившее ему свободы, — он познакомился со Светланой Огородниковой.

Светлана Огородникова родилась в 1951 году на Украине. В 1968 году она вышла замуж за Николая Вольфсона, украинского еврея, отсидевшего 14 лет в лагерях за кражи со взломом. В 1970 году супруги Огородниковы получили разрешение эмигрировать в Израиль, но, находясь проездом в Вене, направились в США, где

получили статус политических беженцев. Поселившись в Лос-Анджелесе, Николай устроился работать на мясокомбинат, а Светлана перебивалась случайными заработками и занималась распространением советской периодики. Однако их сын Матвей каждое лето проводил в СССР в пионерском лагере. Судя по тому, что Огородниковы без проблем покинули СССР и могли свободно его посещать, они были завербованы КГБ и использовались в качестве наводчиков для вербовки интересующих советскую разведку американцев. Об этот говорит и тот факт, что Светлана часто посещала советское консульство в Сан-Франциско, а в русской общине в Калифорнии хваталась своими связями с консульскими работниками.

В поле зрения ФБР Светлана Огородникова попала в 1982 году, когда агент Бюро Джон Хант предложил ей стать информатором в общине советских эмигрантов. Светлана согласилась и иногда передавала Ханту сведения о просоветской деятельности некоторых из эмигрантов. Со временем они вступили в близкие отношения. Всего же в период с 1982 по 1983 год они встречались 55 раз, причем однажды Хант сопровождал Огородникову к врачу. Впоследствии Хант утверждал, что отводил ее туда на обследование в связи с «редкой болезнью крови». Сама же Огородникова объясняла, что Хант водил ее на аборт, и прозрачно намекала на его отцовство. Правда, она не знала, что еще в 1960 году Ханту была сделана операция по стерилизации. В 1984 году, когда в возрасте 52 лет Хант вышел на пенсию, Огородникова была передана на связь Миллеру.

Миллер также увлекся Огородниковой — 33-летней темноглазой, привлекательной блондинкой. Они часто встречались, а однажды в августе 1984 года решили проехаться до Сан-Франциско. Позднее Миллер так описывал это путешествие:

«Для меня все это было необычно. До этого я никогда в жизни не пил. Она взяла с собой коньяк. Тот коньяк — самая отвратительная вещь на свете.

Я тогда подумал… Я тогда подумал: «Парень, это твой шанс насладиться жизнью!» И я решил воспользоваться представившейся возможностью. Мы ехали по шоссе 1–5, пели песни и отлично повеселились, бросая бутылки из окна машины. Я, правда, пытался убедить ее не делать этого».

Эта поездка закончилась у здания советского консульства в Сан-Франциско, куда Огородникова вошла, имея при себе жетон и документы Миллера в качестве доказательства того, что сидящий в машине человек действительно является агентом ФБР. Вероятно, именно тогда она получила разрешение на разработку

Миллера. Однако их поездка в Сан-Франциско не осталась не замеченной бригадой наружного наблюдения ФБР, следившей за зданием советского консульства. В результате Миллер и Огородникова были взяты под плотное наблюдение, в ходе которого выяснилось, что они состоят в интимной связи. Позднее Огородникова настаивала на том, что пыталась сопротивляться и не принимала ухаживания Миллера, но уступила лишь потому, что он ее запугал. Сам Миллер по этому поводу заметил: «Пусть так. Я был более склонен к занятиям любовью, чем она».

Во время одной из встреч с Миллером Огородникова неожиданно представилась ему майором КГБ и предложила работать на советскую разведку. В обмен ему было обещано 65 000 долларов деньгами и золотом, а также плащ «барберри» за 675 долларов. Несколько позднее она познакомила Миллера с неким Вольфсоном, который якобы отвечал за финансовое обеспечение дальнейших операций. На самом деле роль сотрудника советской разведки исполнял муж Огородниковой Николай. От Миллера потребовали передавать служебную информацию, к которой он имел доступ, а также сведения о местонахождении бывшего майора ПГУ КГБ Станислава Левченко, бежавшего в США из Японии в 1979 году, и пилота Виктора Беленко, в 1976 году угнавшего самолет МиГ-25 в Японию. Однако Миллер успел передать только копию инструкции ФБР по способам сбора разведывательной информации. Позднее на суде представители Бюро описывали это 24-страничное секретное руководство как справочник, по которому советская разведка могла представить себе «детальную картину разведывательной деятельности ФБР и США».

Тем временем агенты ФБР продолжали вести наблюдение за Миллером и Огородниковой, которую не без основания считали агентом советской разведки. В ходе операции «Червяк» сотрудники Бюро прослушивали их телефонные разговоры и записывали на видео их встречи. В сентябре у ФБР набралось достаточно доказательств, чтобы арестовать Миллера и Огородникову. Но 27 сентября Миллер сам неожиданно рассказал своему непосредственному начальнику, шефу контрразведывательного отдела Брюсу Кристенсену о том, что в течение нескольких последних месяцев по собственной инициативе работал с одной русской, пытаясь внедриться в КГБ и стать двойным агентом. Кроме того, по словам Миллера, этим он хотел «доказать самому себе и остальным в ФБР, что я не такой дурак, как все думают».

Но Миллеру не поверили, и после продолжительного допроса он 3 октября 1984 года был арестован. В его квартире произвели

обыск, в ходе которого были обнаружены документы с грифом «Конфиденциально» и «Секретно». Тогда же была арестована и Огородникова. Во время обыска ее квартиры были изъяты одноразовые шифроблокноты, принадлежности для тайнописи и оборудование для микрофотосъемки.

Судебный процесс над Миллером и супругами Огородниковыми начался в августе 1985 года. На суде Светлана и Николай Огородниковы добровольно признали себя виновными, чтобы избежать пожизненного заключения. В результате Светлана была приговорена к 18, а Николай — к 8 годам тюремного заключения. Кроме того, Светлана согласилась дать показания против Миллера, которого обвинили в заговоре с целью шпионажа и передаче секретных документов. Однако в ноябре процесс над Миллером зашел в тупик, так как жюри присяжных не смогло вынести определенного решения.

Во время второго процесса над Миллером, состоявшегося в феврале 1986 года, Светлана Огородникова давала показания в качестве свидетеля и настаивала на том, что Миллер невиновен. Но в ходе перекрестного допроса обвинители выяснили, что на предыдущем процессе она сделала тайное признание судье. На этот раз присяжные сочли Миллера виновным по шести пунктам обвинения в шпионаже. Он был приговорен к двум пожизненным срокам и к штрафу в 60 000 долларов.

Эрл Питтс

После ареста Ричарда Миллера очередная попытка советской разведки внедрить своего агента в ФБР окончилась неудачей. Но уже через год ПГУ КГБ все-таки удалось завербовать «крота» в американской контрразведке. Им стал агент ФБР Эрл Питтс.

Эрл Питтс родился в 1953 году в городке Урбан, штат Миссури, в семье фермера. В школе он был способным и старательным учеником и, по отзывам одноклассников, «не отличался агрессивностью и скорее был тихоней». Одно время Питтс мечтал стать журналистом, но позднее увлекся расследованием уголовных преступлений и после окончания школы поступил на юридический факультет местного университета.

В 1983 году 30-летний Питтс был принят на работу в ФБР и начал свою службу в отделении Бюро в Миссури. Действительность оказалась совершенно не соответствующей его мечтам. Безликая и нудная работа, провинциальный самодур-начальник, более чем скромный заработок (35 тысяч долларов в

год), все это не раз заставляло Питтса задумываться об уходе из ФБР. Но преподавателю колледжа, куда Питтс думал устроиться на работу, платили еще меньше, и он остался на службе в Бюро, тем более что к этому времени успел жениться на своей сослуживице Мэри.

В 1985 году Питтса перевели в нью-йоркское отделение ФБР, но направили не в отдел по борьбе с наркомафией, куда он стремился попасть, а в «группу 19», которая занималась выявлением сотрудников КГБ и ГРУ среди работников консульства СССР в Нью-Йорке и советской миссии при ООН. Перевод в Нью-Йорк сильно ударил по семейному бюджету Питтса, так как его зарплата осталась прежней, а расходы возросли. Даже доступное по средствам жилье ему удалось снять лишь в двух часах езды от города. Позднее Питтс с возмущением говорил: «Я зарабатывал меньше, чем мусорщик!» В результате, испытывая острую нехватку денег и сильное разочарование в работе, Питтс решил предложить свои услуги советской разведке.

Будучи человеком педантичным и скрупулезным, он точно определил одного из сотрудников нью-йоркской резидентуры КГБ и в первых числа июня 1987 года подбросил ему в машину записку с предложением о сотрудничестве. Однако ответа он не дождался. Второй раз вступить в контакт с сотрудниками КГБ Питтс попытался 15 июня 1987 года. В этот день он вел наблюдение в аэропорту имени Кеннеди за прибывающими в Нью-Йорк из Москвы советскими дипломатами. В одном из них он узнал Роллана Джейкия, которого в ФБР считали сотрудником советской разведки. Однако подойти к Джейкия Питтс не рискнул, так как его встречали сотрудники советской миссии при ООН. Тогда через несколько дней Питтс отправил по домашнему адресу Джейкия письмо, в котором предлагал встретиться через две недели в библиотеке на 42-й улице. В конверт Питтс вложил страницу из телефонного справочника ФБР.

Встреча Питтса с Джейкия состоялась в назначенный день. Но так как Джейкия оказался «чистым» дипломатом, то он пришел на встречу не один. Джейкия представил Питтсу Александра Карпова, сотрудника линии «КР» (внешняя контрразведка) нью-йоркской резидентуры КГБ, и немедленно удалился. Во время первой встречи с Карповым Питтс передал ему список сотрудников советских учреждений в Нью-Йорке, подозреваемых в шпионаже, а также обговорил условия дальнейшей связи и порядок оплаты информации.

Разумеется, сведения, передаваемые Питтсом имели гораздо меньшее значение, чем данные, получаемые от высокопоставленного сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, который в

апреле 1985 года также предложил свои услуги советской разведке. Но зато они позволяли нью-йоркской резидентуре точно знать, за кем из сотрудников установлено наблюдение и какие провокации против советской колонии готовят в ФБР. В обмен на поставляемые материалы Питтс во время каждой встречи с Карповым получал от него конверт с заранее оговоренной суммой. Так, за 1989 год он получил в общей сложности 24 414 долларов, за 1990 год — 35 520 долларов, а всего советская разведка заплатила ему 224 тысячи долларов.

В конце 1990 года Питтса перевели в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне, где он приступил к работе в уголовном секторе архивного отдела. Несмотря на это его сотрудничество с КГБ, а потом и СВР продолжалось. До осени 1992 года он девять раз приезжал в Нью-Йорк, где встречался с Карповым и передавал ему материалы о процессах над членами компартии США.

Связь Питтса с российской разведкой прекратилась в октябре 1992 года по двум причинам. Во-первых, Питтс перешел на работу в отдел юридических экспертиз ФБР, где занимался установлением «генетического почерка» подозреваемых, и поэтому перестал представлять интерес для СВР. Во- вторых, это было сделано для того, чтобы не подставить под удар самого Питтса, так как Джейкия, через которого был установлен с ним контакт, стал к этому времени «невозвращенцем». К сожалению, у Джейкия оказалась хорошая память и напрочь отсутствовали честь и совесть. И через некоторое время он выдал Питтса ФБР.

Поскольку американцы до сих пор тщательно скрывают обстоятельства разоблачения Питтса, есть смысл рассказать о Роллане Георгиевиче Джейкия более подробно. Он родился в 1936 году в городе Очамчире Грузинской ССР. С 1970 года длительное время находился в служебных командировках по линии МИДа СССР: в 1970–1976 годах работал в советском посольстве в Пакистане, а в 1980–1983 годах — в Турции. Кроме того, он дважды на короткий срок выезжал в Англию. В августе 1984 года после окончания высших курсов руководящего состава МИДа он был направлен в долгосрочную командировку в США в качестве старшего советника постоянного представителя СССР при ООН. В 1992 году в связи с окончанием срока командировки и приближающейся пенсией Джейкия решил остаться в США. В течение года он предпринимал попытки перейти на постоянную работу в секретариат ООН, но получить ставку ему не удалось. В конце концов он устроился на работу в фирму, принадлежащую некоему грузинскому эмигранту Тимуру Сапиру, который в 80-е годы активно использовался ФБР для разработки советских граждан. Затем Джейкия взяли в фирму «Транс коммодитиз»,

руководителем которой являлся Сэм Кислин, эмигрант из СССР и в прошлом агент ФБР. Впрочем, это не решало всех его проблем. И тогда для того чтобы заслужить право на грин-карту (вид на жительство в США), Джейкия рассказал сотрудникам ФБР о вербовке Питтса КГБ и в качестве доказательства представил его письмо с предложением о встрече.

Получив данные о сотрудничестве Питтса с бывшим КГБ, ФБР установило за ним наблюдение, которое показало, что он в настоящее время не поддерживает никаких контактов с российскими спецслужбами. Тогда было принято решение провести весьма грязную операцию — подвести к Питтсу агента ФБР под видом сотрудника российской разведки. Тем самым было нарушено джентльменское соглашение между российскими и американскими спецслужбами — не использовать чужой флаг. Согласно этому соглашению российская разведка не использует флаг США для вербовки американских граждан и тем более не делает этого в отношении граждан России.

В июле 1995 года к Питтсу был подослан Джейкия, который предложил ему продолжить сотрудничество с СВР РФ. Когда Питтс согласился, Джейкия познакомил его с агентом ФБР, игравшим роль сотрудника российской разведки, «преемника» Александра Карпова. Не подозревая о том, что его обманывают, Питтс взял у своего «нового оператора» вопросник, схему расположения тайника для закладки сообщений и 15 тысяч долларов. Кроме того, по просьбе «преемника» Карпова он составил список переданных ранее советской разведке секретных материалов. Эту просьбу сотрудник ФБР мотивировал тем, что Карпов якобы недоплатил Питтсу, присвоив часть денег, и если он вспомнит весь перечень переданных документов, то недостающие деньги ему вернут.

В дальнейшем за 16 месяцев «сотрудничества» Питтс передал агенту ФБР, а значит своему коллеге, множество секретных документов, электронные ключи от сейфов и кабинетов Академии ФБР в Куантико, где он в это время работал, а также сведения об одном российском гражданине, сотрудничавшим со спецслужбами США. Всего с Питтсом было проведено 22 тайниковые операции и две личные встречи. А за переданные материалы ФБР заплатило ему 230 тысяч долларов. Как впоследствии не без юмора отмечали американские журналисты, при таком подходе ФБР скоро сможет перевербовать всех американских граждан. Всего же расходы ФБР на проведение операции «Чужой флаг» составили полтора миллиона долларов. Нелишне будет отметить, что в августе 1995 года, после начала разработки Питтса, в ФБР обратилась его жена Мэри, в прошлом

сотрудница Бюро, и поведала агентам ФБР, что в последнее время ее муж ведет себя очень странно.

Как уже говорилось, арестовали Питтса 18 декабря 1996 года. Первоначально он категорически отрицал предъявленные ему обвинения, но 28 февраля 1997 года все-таки признал себя виновным. «Я вступил в тайный сговор, — сказал он судье, — и предоставлял информацию, которую считал секретной, агентам СССР, а позже лицам, которых я принимал за агентов России».

Добровольное признание Питтса было связано с практикующейся в американском судопроизводстве сделкой. Питтсу предложили признать свою вину и сотрудничать со следствием в обмен на гарантию того, что для него не будут требовать пожизненного заключения. Такая сделка в принципе выгодна обеим сторонам: она не только избавляет суд от ведения длительного и дорогостоящего процесса, но и дает шанс обвиняемому выйти из тюрьмы через 15–20 лет. Это было в деле Питтса немаловажным обстоятельством, так как после «дела Эймса» в США была вновь введена смертная казнь за шпионаж, если его последствия повлекли за собой смерть агента. Кроме того, на этой сделке особо настаивали представители ФБР, поскольку в случае судебного процесса могли бы всплыть нежелательные для Бюро подробности его тайной деятельности.

Закрытый судебный процесс над Питтсом состоялся 23 июня 1997 года в окружном суде города Александрия, штат Виргиния. Главным свидетелем на нем выступал Джейкия. Пытаясь объяснить свой поступок, Питтс сказал, что продавал секреты советским, а потом российским спецслужбам из-за «необъяснимого чувства гнева», который он порой испытывал. В ходе процесса федеральный прокурор потребовал для обвиняемого 24,5 года тюремного заключения. Но судье этого показалось мало, так как он был уверен, что Питтс не полностью осознал свою вину. При оглашении приговора он заявил, обращаясь к Питтсу:

«Вы предали свою страну, свое правительство, своих товарищей, всех нас. Каждый раз, когда вы приходили в Арлингтон (Национальное кладбище в Вашингтоне — *Авт.),* или к вьетнамскому мемориалу, или к мемориалу войны в Корее, вы предавали каждого из этих людей, чьи имена выбиты там в камне».

Более того, даже адвокат Питтса в своей речи сказал, что его клиент совершил «ужасные действия» и принимал «чудовищные решения». В результате Питтс был приговорен к 27 годам тюремного заключения. Что же касается нового гражданина Америки Роллана Джейкия, то он за свое предательство получил

крупную сумму денег, сменил фамилию и теперь спокойно живет в США.

Три вышеперечисленных случая проникновения советской разведки в систему ФБР свидетельствуют о том, что Бюро, вопреки утверждению его первого директора Гувера, не было непреступной крепостью. Более того, они показывают, что там работали люди, в массе своей ничем не отличающиеся от других американцев. Агенты ФБР любят деньги и женщин, вино и развлечения. Они тяготятся тяжелой работой и невысоким заработком. Более того, они часто не согласны с проводимой американским правительством внутренней и внешней политикой. Причем такое недовольство имело место не только во времена «холодной войны», но наблюдается и сейчас, о чем свидетельствует дело Роберта Ханссена, о котором пойдет речь в следующей главе.

Глава шестая

Дело Роберта Ханссена

Переходя к рассказу о деле Роберта Ханссена, необходимо отметить, что следствие по нему все еще не окончено и, несмотря на то, что 6 июля 2001 года он признался в сотрудничестве с советской, а потом и внешней российской разведкой, большая часть материалов о его деятельности еще не доступна для журналистов и исследователей. Поэтому, безусловно, рассказ о его жизни и работе в качестве агента ПГУ КГБ и СВР РФ будет неполным.

Роберт Филип Ханссен родился 18 апреля 1944 года в Чикаго в семье офицера полиции. С детства он мечтал пойти по стопам отца, но родители хотели видеть его на более престижной работе. Так, его отец постоянного требовал от молодого Роберта, чтобы он «стал настоящим человеком». Выполняя пожелания отца, которого он безмерно уважал, Ханссен в 1966 году закончил Колледж Кнокс в Иллинойсе по специальности «химия», попутно изучив русский язык. Одновременно он учился на зубного врача в СевероЗападном университете в Чикаго. В этом же университете в 1971 году он получил диплом магистра деловой администрации (МДА) по специальности «Бухгалтерия и информационные системы».

С 1971 по 1972 год Ханссен работал в одной из чикагских финансовых компаний младшим финансовым консультантом, но мечта детства пойти по стопам отца не оставляла его. Более того, по утверждению самого Ханссена, он в 14 лет (то есть в 1959 году) прочитал книгу известного советского «крота» в английской разведке Гарольда (Кима) Филби и после этого твердо решил стать разведчиком. Однако данное утверждение Ханссена весьма спорно. Ведь мемуары Филби «My Silent War» («Моя тайная война») были опубликованы в США лишь в 1968 году, а в это время Ханссену было уже 24 года. Более того, в 1959 году Ханссен вообще не мог слышать о Филби, поскольку сведения о нем попали на страницы газет только три года спустя, после побега Филби из Бейрута в СССР.

Как бы там ни было, но в 1972 году Ханссен поступает на работу в управление полиции Чикаго. После окончания полицейской академии его назначают следователем в финансовый отдел чикагской полиции, а через некоторое время

переводят в элитное специальное подразделение С-5, задачей которого было разоблачение коррумпированных офицеров полиции. Впрочем, и столь ответственная работа мало соответствовала мечтам и желаниям Ханссена. Он хотел заниматься более важным делом и поэтому через три года подал заявление о переводе в ФБР. Заявление Ханссена было рассмотрено и, так как он хорошо знал русский язык, решено положительно. 12 января 1976 года он был зачислен в ФБР и направлен на учебу в академию Бюро в Куантико. Затем Ханссен четыре года проработал в отделении ФБР в Чикаго, где занимался расследованием преступлений в сфере высоких технологий, а в 1978 году был переведен в нью-йоркское отделение ФБР.

Здесь необходимо несколько отвлечься и попытаться разобраться в том, что представлял собой Ханссен как человек. Как пишет американская пресса, все работавшие с Ханссеном сотрудники ФБР отмечали его ум и высокий профессионализм, но в то же время говорили, что он не умел сближаться с людьми, был всегда мрачен, предпочитал темные костюмы и галстуки, за что коллеги за глаза называли его «Гробовщик» или «Доктор Смерть». Но при этом он никогда не жаловался на зарплату, составлявшую в то время 46 тысяч долларов в год, хотя был женат на преподавательнице истории религии Бернадетте и имел шестерых детей.

Многие сослуживцы Ханссена утверждают, что он был весьма консервативен — являлся образцовым католиком, регулярно вместе с семьей посещал церковь, а такие заведения, как стриптиз-бары, называл «прибежищем греха», говоря, что люди, которые их посещают, «грешат и платят за грех». Он состоял в известной в США католической организации «Opus Dei» и был ярым антикоммунистом, который мог бесконечно доказывать безбожность коммунистического мировоззрения. Интересно и то, что он был противником женского равноправия. Однако при этом Ханссен часто ругал и Америку, называя ее сильным, но умственно отсталым ребенком, поддающимся внушению и поэтому потенциально опасным. Противоречивость характера Ханссена прекрасно иллюстрируют его отношения с Присциллой Сью Гейли, на которых стоит остановиться особо.

Присцилла Гейли родилась в 1958 году в Колумбусе, штат Огайо в рядовой американской семье. Однако молодость ее была весьма бурной. Еще учась в школе, она влюбилась, и этот роман закончился нежелательной беременностью, бегством из дому, скоропалительным замужеством, выкидышем и таким же быстрым разводом. Оказавшись без средств к существованию, Присцилла начала работать стриптизершей в баре для шоферов-

дальнобойщиков. Со временем эта профессия настолько увлекла ее, что в 1980 году, в возрасте 22 лет, она была признана лучшей стриптизершей родного штата Огайо и получила предложение работать в престижном клубе «Золотой банан» в Бостоне.

В 1984 году Гейли переехала в Вашингтон, где работала сначала в баре «Арчибальд» на Кей-стрит, а затем в респектабельном «Джоанна-клуб» на М-стрит. Там, по ее словам, ей в голову пришла идея выходить на сцену не полураздетой, а в строгом деловом костюме. «Я снимала очки, — поведала Присцилла знаменитой американской тележурналистке Барбаре Уолтерс, — встряхивала и освобождала от шпилек волосы, отставляла в сторону портфель и так далее».

Все это время у Гейли была масса поклонников, и она была очень довольна жизнью, когда в 1990 году с ней познакомился Ханссен. На одном из представлений он послал ей короткую записку и 10 долларов. В записке было сказано: «Никогда не думал найти такую грациозную и прекрасную женщину в стриптиз-клубе». За этим последовала встреча за ланчем, во время которой Ханссен настолько очаровал Гейли, что она дала ему свой домашний телефон. Но, как утверждает Присцилла, он ответил: «Спасибо, я знаю и номер телефона, и адрес», после чего добавил: «Я видел твое досье. Оно чистое. Я подумал, ты тот человек, который может вернуться к нормальной жизни. Мне захотелось помочь тебе в этом».

Ханссен не обманул Гейли. Уже через несколько дней он вручил ей 2 тысячи долларов для того, чтобы она вылечила зубы, а во время следующей встречи подарил дорогое колье. Потом они ходили в рестораны, закрытые частные клубы, посещали Национальную галерею искусств, где Ханссен показывал Присцилле свои любимые картины испанских и итальянских живописцев. Они часто обсуждали будущее Присциллы, планируя, чем она будет заниматься после того, как перестанет быть стриптизершей. Но самое удивительное, Ханссен ничего от Гейли не требовал, а когда она делала ему недвусмысленные предложения, он вежливо, но твердо отвергал их. По словам Ханссена, ему нравилось общество Присциллы и он уважал ее за приятные и интеллигентные разговоры. В их беседах большое место занимал Бог, и Ханс- сен часто говорил, что жизнь и мораль человека сильны любовью к Господу.

В августе 1991 года Ханссен после ужина с Присциллой в шикарном мексиканском ресторане «Хаймалито» сделал ей сказочный подарок. Он протянул ей конверт, в котором находились несколько стодолларовых купюр, карточка «Американ-экспресс» и ключи от «мерседеса». «В тот вечер, —

вспоминала Гейли, — мои десять миль до дома растянулись до пятидесяти или шестидесяти. Мне хотелось ехать и ехать». Здесь, наверное, стоит отметить, что после ареста Ханссена агенты ФБР проверили данные на машину и установили, что он заплатил за нее десять с половиной тысяч долларов. А всего Ханссен потратил на Гейли более 100 тысяч долларов. Недаром ее сестра Ванесса Банч утверждает, что в то время у Присциллы не было никаких забот: «Если у нее появлялась проблема, то надо было только поднять телефонную трубку, и все устраивалось».

В декабре 1991 года Присцилла отправилась в родной Колумбус, чтобы отметить с родственниками свой день рождения и Рождество, а также сообщить им, что уезжает во Францию, где Ханссен подыскал ей работу. Тогда-то и закончилась ее счастливая жизнь — не удержавшись, она по старой памяти пустилась в загул. Ханссен узнал об этом после того, как она сделала покупки по кредитной карточке, хотя должна была использовать ее только для обслуживания автомобиля. Он незамедлительно прилетел в Огайо и, увидев Присциллу в наркопритоне, отобрал кредитку и прекратил всяческие отношения.

Впрочем, несмотря на непродолжительность их знакомства, Гейли до сих пор питает к Ханссену только самые лучшие чувства. Говоря о нем, она утверждает: «Это был самый милый человек на Земле. Тогда я не переставала все время думать, что это мой личный ангел-хранитель спустился ко мне с розового облака». А по поводу его ареста Гейли заявила: «Я в шоке. Этот человек не был похож на того, кто мог бы сделать что-то неправильное».

Начиная рассказ о работе Ханссена на советскую разведку, следует отметить, что первое время после его ареста считалось, что он предложил свои услуги КГБ в 1985 году. Но после того как 6 июля 2001 года он официально признался в сотрудничестве с советской, а потом и российской разведкой, адвокаты Ханссена заявили о том, что его контакты с Москвой начались гораздо раньше — в 1979 году. Как это произошло, доподлинно неизвестно. Но из опубликованных материалов следует, что после ареста Ханссена его жена на одном из допросов вспомнила, что еще в 1979 году он проговорился ей о своей двойной жизни, после чего она стала подозревать его в шпионаже в пользу СССР. Впрочем, Ханссену удалось убедить жену в том, что он «обманывает русских, поставляя им ложную информацию, чтобы посмотреть, «заглотят» они ее или нет». Но после разговора с женой он прекратил свои контакты с КГБ на шесть лет.

В январе 1981 года Ханссен был переведен из нью-йоркского

отделения ФБР в штаб-квартиру Бюро в Вашингтоне, где с 1983 года он начинает работать в аналитическом отделении, занимающемся СССР. Там он получил доступ к информации о практически всех проводимых Бюро операциях против советских представителей в США. В начале 1985 года Ханссен с повышением был снова направлен в нью-йоркское отделение ФБР. Здесь он занял должность начальника бригады наружного наблюдения отделения контрразведки, главной задачей которой была слежка за сотрудниками советской миссии при ООН. Кроме того, в его служебные обязанности входила выработка рекомендаций для отдела спецопераций, который непосредственно проводил задержания и аресты. Скорее всего, именно это обстоятельство привело его к решению установить (или возобновить) контакты с советской разведкой.

4 октября 1985 года, через несколько месяцев после начала работы в Нью-Йорке, Ханссен пришел в почтовое отделение Центрального вокзала, откуда направил сотруднику советского посольства Виктору Дегтярю, проживавшему в городе Александрия, штат Виргиния, запечатанный пакет. В пакете находился конверт с надписью: «Не открывать! Немедленно передать этот конверт запечатанным Виктору Ивановичу Черкашину».

Ханссен прекрасно знал, кому отправлять письмо. Дело в том, что Виктор Дегтярь был сотрудником линии «КР» (внешняя контрразведка) вашингтонской резидентуры ПГУ КГБ и работал под дипломатическим прикрытием. Он в тот же день передал запечатанный конверт Черкашину, который был его непосредственным начальником. Вскрыв конверт, Черкашин прочитал следующее послание:

«Дорогой мистер Черкашин,

В самое ближайшее время я отправлю мистеру Дегтярю пакет с документами. Они имеют отношение к некоторым в высшей степени секретным проектам различных подразделений разведывательного сообщества США. Все они — оригиналы, что позволяет подтвердить их подлинность.

Должен предупредить о том риске, которому подвергаюсь и о котором вы можете не знать. С точки зрения наших долгосрочных интересов, пожалуйста, имейте в виду, что круг лиц, обладающих такой степенью допуска, крайне органичен. Поэтому эти документы, собранные вместе, укажут на меня. Я надеюсь, что такой опытный сотрудник, как Вы, будет обращаться с ними соответственно. Я полагаю, что этих документов будет достаточно, чтобы оправдать выплату мне 100 тысяч долларов.

Вашу службу в последнее время постигла серия неудач.

Предупреждаю Вас, что мистер Борис Южин (линия ПР, Сан-Франциско), мистер Сергей Моторин (линия ПР, Вашингтон) и мистер Валерий Мартынов (линия Х, Вашингтон) были рекрутированы нашими специальными службами.

Сообщение о деталях того, как и сколько мне надо будет платить, а также информация относительно наших контактов в будущем будут посланы лично Вам. Мое имя и положение, которое я занимаю в разведывательном сообществе США, должны оставаться неназванными для обеспечения моей безопасности.

В.»

Пакет, о котором говорил в своем письме Ханссен, Дегтярь получил 16 октября и сразу же привез его в посольство Черкашину. Опытный контрразведчик, до командировки в Вашингтон работавший в резидентурах в Индии и Ливане, Черкашин моментально понял всю важность полученной от анонима «В» информации. Ведь именно он 17 мая 1985 года осуществил вербовку сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, предложившего свои услуги советской разведке. К этому времени Эймс уже сообщил Москве о предательстве Южина, Моторина и Мартынова, но материалы «В» давали возможность перепроверять поступающие от него сведения, в частности, о завербованных американцами сотрудниках советских спецслужб. Поэтому в КГБ от услуг Ханссена не отказались.

Что касается Южина, Моторина и Мартынова, то они были арестованы в самое ближайшее время. Первым задержали майора Сергея Моторина (сына высокопоставленного провинциального партийного деятеля), завербованного агентами ФБР в 1983 году. В конце 1984 года он вернулся из Вашингтона в Москву и работал в управлении «А» (активные мероприятия) ПГУ. Установленное за ним наблюдение не дало результатов, так как еще в США он условился с американцами, что в Москве на связь выйдет только в экстраординарном случае. Поэтому для того, чтобы взять Моторина с поличным, была разработана операция, в ходе которой ему поручили подготовить важное активное мероприятие против США на основании документов, якобы полученных в Вашингтоне агентурным путем. Моторин попытался выйти на связь с сотрудником московской резидентуры ЦРУ, и незадолго до встречи с ним на проспекте Мира был арестован. В момент задержания при нем был обнаружен контейнер с секретными материалами, которые он собирался передать американцам. Следствие без труда доказало факт сотрудничества Моторина со спецслужбами США, после чего Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его за измену Родине к расстрелу.

Следующим был арестован подполковник управления «Т»

(научно- техническая разведка) ПГУ Валерий Мартынов, завербованный ФБР в 1982 году. Чтобы отозвать его в Москву, не вызвав подозрений, использовали неожиданное появление в посольстве СССР в Вашингтоне Виталия Юрченко, заместителя начальника 1-го (американского) отдела ПГУ, пропавшего в августе 1985 года в Риме. Мартынову поручили сопровождать Юрченко в Москву, что в ФБР сочли большой удачей. По прилету в Москву 7 ноября 1985 года Мартынов был арестован в аэропорту Шереметьево и доставлен в следственный изолятор в Лефортове. Следствие по делу о предательстве Мартынова продолжалось до конца 1986 года. По окончании следствия военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Мартынова за измену Родине к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 28 мая 1987 года.

Несколько больше повезло подполковнику Борису Южину, завербованному ФБР в 1975 году в Сан-Франциско. В 1982 году он вернулся в СССР, где вскоре был с повышением переведен в управление «К» (внешняя контрразведка) ПГУ. Согласно предварительной договоренности он не вступал в Москве в контакт с американцами, благоразумно считая, что это будет слишком опасно. После получения сведений о том, что Южин был завербован ФБР, за ним установили тщательное наблюдение. Но арестовали его лишь в 1986 году. В ходе допросов он сумел убедить следователей в том, что сотрудничал с ФБР против собственной воли и глубоко раскаивается в содеянном. В результате ему удалось избежать смертной казни. Он был осужден на 15 лет лишения свободы и 5 лет провел в лагере строгого режима «Пермь-35».

В феврале 1992 года указом президента России Б. Н. Ельцина Южин был амнистирован и вернулся в Москву. А в 1994 году вместе с женой и дочерью выехал по приглашению в США в Калифорнию. В настоящее время он пишет мемуары и занимается архивными исследованиями о судьбах западных военнопленных времен Второй мировой войны, исчезнувших в ГУЛАГе.

Кроме того, Ханссен, как сказано в обвинительном заключении, сообщил еще о шести советских агентах ФБР. Но когда это произошло и кого конкретно выдал Ханссен, там не указывается. С определенной уверенностью можно говорить только о следующих агентах ФБР, завербованных в США, информацией о которых мог владеть Ханссен:

— генерал-майор ГРУ Дмитрий Поляков («Топхэт»), завербован ФБР в 1961 году в Нью-Йорке, в 1986 году арестован и расстрелян;

— сотрудник ПГУ полковник Алексей Кулак («Федора»);

предложил свои услуги ФБР в 1962 году в Нью-Йорке; в 1985 году попал под подозрение, но из-за отсутствия прямых доказательств арестован не был и умер в Москве своей смертью;

— опертехник ГРУ Николай Чернов («Никнэк»), завербован ФБР в 1963 году в Нью-Йорке. Арестован в 1990 году, осужден на 8 лет лишения свободы, в 1992 году амнистирован;

— сотрудник ПГУ КГБ Игорь Кочнов («Китти Хок»); в 1966 году в Вашингтоне вступил в контакт с агентами ФБР, но, вернувшись в Москву от дальнейших встреч с американцами отказался; умер в начале 80-х годов.

Также Ханссен сообщил в Москву о сотруднике ПГУ КГБ подполковнике Геннадии Василенко, история которого заслуживает отдельного рассказа.

Геннадий Семенович Василенко начал свою службу в ПГУ КГБ в 1-м (американском) отделе, а в 1976 году был переведен в управление «К» (внешняя контрразведка) и командирован в Вашингтон. Его задачей была работа по американским спецслужбам, и с ней он довольно успешно справлялся. Так, именно Василенко в январе 1980 года переодел, загримировал и посадил в автобус для служащих советского посольства Рональда Пелтона, сотрудника АНБ, предложившего свои услуги советской разведке.

Но еще до случая с Пелтоном, в 1977 году, Василенко во время баскетбольного матча познакомился с неким Крисом, являвшимся на самом деле сотрудником ЦРУ Джеком Платтом. Бывший морской пехотинец, Платт с 1963 года работал в ЦРУ в отделе контрразведки и занимался выявлением и вербовкой сотрудников советской разведки, работавших в США под легальным прикрытием. Они начали встречаться, и вскоре Платт попытался завербовать Василенко. Однако тот ответил твердым отказом, а через некоторое время поменялся с Платтом местами и предложил ему работать на КГБ, но также безрезультатно.

Но несмотря на то что с вербовкой ни у Платта, ни у Василенко ничего не вышло, они продолжали встречаться. Более того, вскоре их отношения переросли в дружбу. Как вспоминал Василенко, они решили пойти на перемирие: «Мы сказали друг другу: хватит, давай будем друзьями, пусть наша дружба крепнет, забудем о поставленной задаче. Таким было наше соглашение». Василенко даже перестал докладывать в резидентуру о своих контактах с Платтом, но именно это обстоятельство через несколько лет сыграло с ним злую шутку, поскольку его новый друг из ЦРУ направлял своему руководству подробные рапорты о каждой встрече с ним. Позднее Платт рассказал, что делал это для того, чтобы убедить начальство в высокой вероятности

вербовки Василенко и тем самым получить возможность продолжать встречаться с ним.

В 1981 году срок командировки Василенко подошел к концу и он вернулся в Москву. А в 1986 году его направляют в Гайану (Южная Америка) в качестве заместителя резидента по линии «КР». Прибыв в столицу Гайаны Джорджтаун, Василенко связался с Платтом, который, получив санкцию руководства, немедленно вылетел на встречу с ним.

«В Джорджтауне я встречался с Платтом неофициально, — признался позднее Василенко. — Сначала я послал телеграмму в Москву, отметив, что мой старый знакомый находится здесь. И попросил разрешения на встречу с ним. Разрешение получено не было, и я был в недоумении. Чем же еще заниматься в Джорджтауне? Основной целью была работа против американцев, но как я мог работать против них, не общаясь с ними?»

В 1987 году Платт выходит в отставку, но сразу же подписывает с ЦРУ контракт, чтобы иметь возможность продолжить попытки вербовки Василенко. Их последняя встреча состоялась в октябре 1987 года, а в январе 1988 года Василенко был срочно вызван на Кубу по служебным делам. Однако по прилете в Гавану он был арестован, на советском судне отправлен в СССР и посажен в Лефортовскую тюрьму, где ему предъявили обвинение в шпионаже в пользу США. Когда же следователи назвали фамилию Платта, Василенко понял, что кто-то из ЦРУ сообщил в Москву о его несанкционированных контактах с американцем.

В ходе следствия Василенко категорически отверг предъявленные ему обвинения. А так как никаких доказательств его предательства у следствия не было, то через шесть месяцев дело против него прекратили. Василенко понизили в звании с подполковника до майора и уволили из КГБ без права получения пенсии. И только после августа 1991 года он смог снова встретиться с Платтом.

После разоблачения в 1994 году Эймса и Платт и Василенко решили, что именно он сообщил в Москву об их встречах. Но на самом деле информатором был Ханссен. Именно он передал КГБ отчет «одного из сотрудников ЦРУ с ценным источником под кодовым именем «М» в октябре 1987 года». А в феврале 1988 года Ханссен через тайник получил 25 тысяч долларов и благодарственное письмо, подписанное начальником ПГУ В. Крючковым, в котором его благодарили за помощь в разоблачении очередного агента ЦРУ.

Как уже говорилось, в Москве не стали отказываться от услуг нового агента, хотя и не знали, с кем конкретно имеют дело.

Причиной тому было условие Ханссена о полной анонимности. Контакт с ним поддерживался исключительно через тайники, куда он закладывал контейнеры с информацией (чаще всего на компьютерной дискете) и откуда забирал пакеты с инструкциями. Всего же за 15 лет сотрудничества Ханссен (он же «B», Рамон Гарсиа, Джим Бейкер и Дж. Робертсон) передал советской, а затем российской разведке 27 писем и 22 контейнера с информацией. Причем часть материалов он передал на 26 компьютерных дискетах, на которых были записаны файлы с информацией в разделах, невидимых для операционной системы Windows.

В свою очередь для Ханссена было сделано 33 закладки с инструкциями, деньгами и драгоценностями. Как утверждают в ФБР, за все время работы Ханссена на КГБ и СВР ему заплатили 1,4 млн долларов. Так, 3 марта 1986 года Ханссен через тайник направил в Москву письмо, в котором, в частности, писал:

«Что касается денег, то мне не требуется больше 100 000 долларов. Я не могу их потратить, сохранить где-нибудь или инвестировать без подозрений в том, что эти деньги получены от торговли наркотиками. Возможно, мне подойдут бриллианты как гарантия будущего моих детей и со временем ваше согласие на посещение вашей страны с лекциями. И в итоге я хотел бы получить от вас план побега. (Ничто не бывает навсегда.)»

Впрочем, передаваемая Ханссеном информация стоила намного больше, чем полтора миллионов долларов. Пользуясь своей репутацией вдумчивого и добросовестного работника, он просиживал на работе круглые сутки и никогда не отказывался помочь своим коллегам. В результате он сумел получить доступ ко всем материалам общенациональной базы ФБР и благодаря этому имел возможность сообщать своим советским кураторам сведения о проводимых ФБР операциях против сотрудников резидентур КГБ и ГРУ в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско, о системе электронного слежения за иностранными дипломатами в США и, самое главное, данные о сверхсекретной компьютерной сети, объединяющей нью-йоркские отделения всех подразделений американского разведывательного сообщества — от ЦРУ до военно-морской разведки.

В 1987 году Ханссена вновь перевели в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне, где он был назначен сначала главой отдела анализа разведданных по СССР, а потом руководителем программы по борьбе с советским научно- техническим шпионажем в США. Это назначение значительно расширило его профессиональные возможности. Являясь специалистом в области программирования, Ханссен создал автоматическую систему телетайпа, которую ФБР использовало для расшифровки

сообщений своих агентов, и имел к ней свободный доступ. При этом он не только передавал эти сообщения в Москву, но, более того, однажды открыто подключил советского разведчика к секретной компьютерной сети, объяснив потом свои действия тем, что проверял систему защиты. А в 1988 году Ханссен передал в Москву сверхсекретный доклад ФБР, в котором назывались десятки имен и фамилий агентов советской разведки, согласившихся работать на США.

Огромную помощь советской разведке Ханссен оказал в 1989 году, когда он буквально спас от тюрьмы высокопоставленного советского агента в госдепартаменте США Феликса Блока. За Блоком уже давно велось наблюдение, но по настоянию Ханссена его арест был отложен на несколько недель, благодаря чему Блок сумел уничтожить все компрометирующие его документы. В результате у ФБР не оказалось доказательств для передачи дела в суд, и Блока просто тихо отправили в отставку. В это же время Ханссен передал в Москву материалы докладов ФБР о том, как советская разведка вербует в США агентов, как КГБ и ГРУ собирают информацию об американских ядерных и ракетных программах, а также как ЦРУ характеризует руководителей советских спецслужб.

Выступал Ханссен и как агент-наводчик. Так, в начале 90-х годов он сообщил СВР о своем друге подполковнике американской армии Джеке Хошауэре, которого, по его мнению, можно было бы завербовать в качестве агента. Воспользовавшись информацией Ханссена, сотрудники российской разведки попытались завербовать Хошауэра, однако он отказался от сделанного ему предложения и даже сообщил о вербовочном подходе своему начальству.

Говоря о переданной Ханссеном в Москву информации, необходимо отметить, что одним из наиболее важных его сообщений было донесение о тоннеле, проложенном американскими спецслужбами (ФБР и АНБ) в начале 80-х годов под зданием посольства СССР в Вашингтоне. В этом тоннеле была размещена аппаратура для прослушивания средств электронной связи внутри посольства.

Надо отметить, что американцы не единожды проводили такого рода операции. Как уже говорилось выше, в конце 70-х годов ими было установлено устройство для съема информации на кабеле связи, проходящем по дну Охотского моря, а в 1980 году подобное устройство было размещено на кабеле связи КГБ под Москвой. Но наиболее известной «тоннельной» операцией ЦРУ стала операция «Золото», в ходе которой в начале 50-х годов в Берлине для подключения к кабелю связи Группы советских

войск в Германии (ГСВГ) был впервые прорыт специальный тоннель. Думается, что об этой операции стоит рассказать более подробно, так как она показывает, с какими сложностями сталкиваются обе стороны при проведении оперативных мероприятий такого рода.

Идея снимать информацию с подземного кабеля в Восточном Берлине появилась у представителя отдела «D» ЦРУ (операции против иностранных средств связи за рубежом) на Берлинской оперативной базе Уильяма Харви в 1951 году. Получив добро на проведение этой операции у директора ЦРУ Алена Даллеса, Харви, используя агентуру в ГДР, приступил к сбору информации об используемых советскими связистами линиях связи и их местоположении. К концу 1951 года необходимые сведения были получены, после чего, оценив объем предстоящих работ, в ЦРУ решили во избежание ненужных затрат действовать вместе с англичанами.

Осенью 1953 года в Лондоне было проведено несколько совещаний представителей ЦРУ и СИС, задействованных в операции по прокладке тоннеля, получившей название «Золото». На одном из них, проходившем 22 октября, присутствовал агент советской внешней разведки Джордж Блейк («Диомид»), который с конца декабря подробно информировал о готовящемся строительстве тоннеля своего оператора Сергея Кондрашова. В Москве полную информацию о тоннеле получили в феврале 1954 года, после чего начальник ПГУ КГБ Александр Панюшкин, ставя во главу угла безопасность Блейка, поручил своему заместителю Арсению Тишкову руководство операциями, проводимыми на основании донесений «Диомида». Тишков в свою очередь направил начальникам управлений и отделов ПГУ указание, в котором, в частности, говорилось:

«Меры по выявлению, нейтрализации или использованию операций подслушивания для дезинформации противника должны быть основаны на тщательно продуманном прикрытии для источников этой информации, чтобы избежать компрометации реального источника. И эти меры не должны приниматься все сразу, действовать следует постепенно… В разработке и внедрении этих мер необходимо соблюдать предельную секретность. О предложениях по работе с полученными материалами следует докладывать мне и внедрять их можно, только получив мое разрешение».

Тем временем ЦРУ совместно с СИС в сентябре 1954 года начало строительство тоннеля из расположенного неподалеку от советской зоны пакгауза. Тоннель был готов в конце февраля 1955 года, а между маем и августом 1955 года было произведено

подключение к линиям связи, после чего сразу же началась запись передаваемой по ним информации. Всего американцами прослушивалось три кабеля, «273 металлические пары, составлявшие 1200 коммуникационных каналов», в результате чего на пленку было записано 443 тыс. переговоров, из которых 368 тыс. были советскими и 75 тыс. — восточногерманскими. К сентябрю 1958 года на основании этих перехватов ЦРУ было составлено 1750 разведывательных донесений.

Считается, что после того, как Блейк предупредил КГБ об операции «Золото», по кабелю, к которому подключилось ЦРУ, передавали большей частью специально подготовленную дезинформацию. Но это не так. Заинтересованное в безопасности Блейка, ПГУ не сообщило ни Министерству обороны, ни даже 3-му управлению (военная контрразведка) КГБ о проводимой ЦРУ операции. Единственное, что было сделано, это приезд в Карлсхорст группы специалистов под руководством Вадима Гончарова, которые должны были совместно с армейскими связистами разработать систему обеспечения безопасности линий связи.

Кроме того, сотрудники Гончарова провели проверку переговоров в военном центре связи, которая «обнаружила нарушение элементарных норм безопасности. Часто переговоры шли без использования кодовых обозначений, что вело к утечке информации». После того как часть переговоров между штабом Группы советских войск в Германии и командными пунктами была записана и показана командующему ГСВГ маршалу Гречко, тот незамедлительно отдал соответствующие приказы по повышению мер безопасности во время телефонных переговоров. Однако никакой специально подготовленной дезинформации по прослушиваемым каналам не передавалось.

Тоннель был «случайно обнаружен» только после того, как Блейка направили в представительство СИС в Западном Берлине, где он не имел никакого отношения к операции «Золото». Это произошло 22 апреля 1956 года. И хотя Москва попыталась использовать тоннель в пропагандистской компании против Запада, эффект от нее оказался совершенно обратный — во всех западных СМИ начали публиковаться материалы, восхваляющие достижения ЦРУ.

Между тем продолжавшееся практически в течение года прослушивание ЦРУ переговоров нанесло СССР значительный ущерб. Так, американцы получили данные о советских политических акциях и намерениях в Берлине, об отношениях СССР с западными оккупационными силами, о разногласиях между СССР и ГДР относительно статуса Западного Берлина и

т. п. Что касается военной информации, то она была не менее важной. Из тоннеля были получены сведения о нескольких тысячах советских офицеров и создать на них базу данных, узнать о дислокации многих войсковых подразделений, о «прогрессе в оснащении Советских Вооруженных Сил в Германии атомным оружием, а также о переоснащении этой армии новыми бомбардировщиками» и многое другое. Кроме того, ЦРУ получило сведения о советской атомной программе, поскольку по прослушиваемым каналам связи передавалась информация о деятельности предприятия «Висмут», занимавшегося добычей в Германии урановой руды.

Но самый большой урон понесла советская военная разведка, которая использовала 25 из прослушиваемых американцами линий связи. В результате ЦРУ было установлено более 350 офицеров ГРУ, действующих в Восточной Германии, стала известна организация подразделений ГРУ в ГДР и проводимые ими агентурные операции. А при помощи записываемых переговорах между Восточным Берлином и штаб-квартирой ГРУ в Москве была, например, получена информация о разведуправлении Кавказского военного округа и его 16 отделениях, расположенных на границе с Турцией и Ираном. Кроме того, из тоннеля были получены данные о частях связи особого назначения ГРУ, которые занимались перехватом и расшифровкой радиосообщений западных войск, дислоцированных в Западном Берлине и Западной Германии.

Но, надо думать, урон, который понесло ГРУ в результате операции «Золото», мало волновал ПГУ КГБ, больше обеспокоенного безопасностью своего агента Блейка. Проблемы конкурентов из военной разведки не особенно беспокоили сотрудников внешней разведки, поскольку сами они использовали для связи телефонные линии, протянутые на столбах, защищенные новейшими средствами защиты переговоров, тщательно охраняемые и поэтому недоступные для ЦРУ.

Что касается вашингтонского тоннеля, то работы по его прокладке начались в конце 70-х годов одновременно с постройкой нового здания советского посольства между улицами Висконсин-роуд и Тунло-роуд. Начинался тоннель в одном из жилых домов по соседству с посольским комплексом. При его строительстве американцам пришлось решать массу технических проблем — начиная с устранения протечек воды и тайного вывоза земли и заканчивая фокусировкой лазерных лучей, которые должны были быть направлены строго вверх на здание посольства. Поэтому не стоит удивляться тому, что этот проект

обошелся американским налогоплательщикам в несколько сот миллионов долларов.

Советские дипломаты частично заняли здание нового посольства в 1979 году. И тогда же американцы начали пропагандистскую компанию по обвинению СССР в использовании нового посольского комплекса, расположенного в одном из самых высоких мест Вашингтона, для сбора разведывательных данных при помощи радиоэлектронного оборудования. Кроме того, СССР обвинили в установке прослушивающих устройств в новом здании посольства США в Москве. Данный факт подтвердил в декабре 1991 года последний председатель КГБ СССР В. Бакатин, распорядившийся в одностороннем порядке передать американцам документацию на расположенные в здании посольства «жучки». В результате окончательный переезд советского дипломатического корпуса в новое здание постоянно откладывался (до 1992 года), что дало возможность американским спецслужбам завершить строительство тоннеля и монтаж в нем прослушивающей аппаратуры.

Полностью функционировать тоннель стал в середине 80-х годов и активно использовался до 1995 года, когда американцы начали понимать, что «перехватываемая через тоннель информация не соответствует действительности». Вот что, например, пишет по этому поводу газета «Вашингтон пост»:

«До середины 90-х годов на поддержание тоннеля тратились деньги, хотя задолго до этого уже появились подозрения, что перехватываемые через него сообщения — это дезинформация. Как сказал нам один заслуженный республиканец, это был экстраординарный проект, который «накрылся».

Сообщение о существовании тоннеля появилось 4 марта 2001 года в газете «Нью-Йорк таймс». Уже на следующий день МИД России передал официальный запрос в Вашингтон с просьбой разъяснить позицию госдепартамента США в связи с сообщениями о секретном тоннеле под зданием российского посольства. Как подчеркивалось в запросе МИД, «если эти сообщения подтвердятся, может встать вопрос о грубейшем нарушении общепризнанных норм международного права, действующих во всем мире в отношении иностранных диппредставительств».

Между тем в СВР сообщения о наличии тоннеля под российским посольством в Вашингтоне не вызвали никакого удивления. Как заявила журналистам пресс-секретарь директора СВР Татьяна Самолис, «пристрастие американских спецслужб к землеройным работам хорошо известно. Взять хотя бы

берлинский тоннель середины 50-х годов». Впрочем, какую конкретно информацию могли в ходе просушивая здания посольства получить американцы сказать трудно. Теоретически наши дипломаты и представители спецслужб обязаны вести разговоры на конфиденциальные темы только в специально защищенных помещениях. Но на практике это положение не всегда соблюдается. К тому же, зная историю операции «Золото», трудно быть уверенным в том, что желание СВР обеспечить безопасность Ханссена опять не перевесило необходимость сохранения государственных секретов.

Разумеется, утечка сверхсекретной информации из недр разведывательного сообщества США не могла не остаться незамеченной. Поэтому уже в конце 80-х годов в ЦРУ и ФБР начали активный поиск советского «крота». Ханссен, безусловно, почувствовал это, о чем свидетельствуют его письма в Москву, в которых все чаще стали появляться такие строчки: «Я на грани. Я фактически жертвую собой ради вас, а в ответ получаю лишь молчание. Простое «спасибо» от вас было бы для меня дороже любых денег».

Кроме того, понимая, что во время проведения тайниковых операций риск быть пойманным с поличным многократно возрастает, Ханссен пытался убедить своих московских кураторов перейти на безличную связь при помощи компьютеров. Для этого, по его мнению, им необходимо было провести апгрейд и перейти на более совершенные органайзеры Palm Pilot VII, которые позволяют поддерживать беспроводную связь. Если бы это предложение было принято, то Ханссен мог бы непосредственно пересылать секретные документы своим связникам, что избавило бы его от ненужных проверок, компрометирующих встреч, лишних свидетелей и улик. Однако по неизвестным причинам такой способ связи не был использован.

Арест 21 февраля 1994 года высокопоставленного сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса на некоторое время успокоил Ханссена, поскольку тот признался в том, что выдал Москве двенадцать агентов-двойников, в том числе Моторина, Мартынова и Южина. После этого американцы на некоторое время прекратили поиски «крота». Что же касается Ханссена, то он в феврале 1995 года был назначен на самую ответственную должность за всю свою карьеру — должность официального представителя ФБР в госдепартаменте. В течение шести лет он работал в управлении иностранных представительств и занимался вопросами безопасности и контрразведки как в самом госдепартаменте, так и в американских посольствах за рубежом. Кроме того, он контролировал передвижение сотрудников иностранных

разведок, действующих на территории США под дипломатическим прикрытием. По словам одного из сотрудников американского внешнеполитического ведомства, он был «ключевой фигурой» и поэтому мог передвигаться по всему зданию госдепа. Передаваемая в это время Ханссеном информация по-прежнему была чрезвычайно важной. Более того, в конце 90-х годов он установил подслушивающее устройство в конференц-зале госдепартамента, расположенном поблизости от кабинета госсекретаря Мадлен Олбрайт.

Когда в декабре 1999 года сотрудники службы безопасности госдепа обнаружили это устройство, скрытое за деревянной облицовкой, защищающей стену от ударов спинками кресел, разразился громкий скандал. Масло в огонь подлил арест агентами ФБР прямо у здания госдепа второго секретаря российского посольства в Вашингтоне Станислава Гусева, который на свою беду по долгу службы регулярно появлялся во внешнеполитическом ведомстве США, паркуя при этом свою машину «несколько необычно». 9 декабря он был объявлен персоной нон грата и в срочном порядке выдворен из США.

Исследовав обнаруженный прибор, эксперты ФБР заявили, что он отличается технической изощренностью и что они сталкиваются с такой конструкцией впервые. Правильно предположив, что установить подслушивающее устройство в здании госдепартамента невозможно без помощи работающих там сотрудников, ФБР проверило всех, кто когда-либо посещал седьмой этаж, где расположен конференц-зал, но безрезультатно. А Ханссен, сообщая в Москву об обнаружении прослушивающего устройства, сокрушался по поводу упущенных возможностей.

Впрочем, душевное спокойствие Ханссен обрел лишь на короткое время. Дело в том, что после суда над Эймсом в США вновь ввели смертную казнь за шпионаж. А в 1996 году были арестованы два российских «крота» в американских спецслужбах: 16 ноября — сотрудник ЦРУ Гарольд Николсон, а 18 декабря — агент ФБР Эрл Питтс. Поэтому с 1997 года Ханссен начинает регулярно проверять базу данных ФБР, чтобы выяснить, находится ли он сам под подозрением. Так, только за 1999 год он 12 раз производил поиск в базе данных на имена, а также на названия мест, которые он использовал для закладки тайников. Однако ничего подозрительного он так и не обнаружил. Кроме того, летом 2000 года он получил из Москвы сообщение, в котором говорилось, что в СВР о нем знает очень ограниченный круг лиц.

Тем временем в ФБР и ЦРУ продолжали искать «крота», поскольку поняли, что один Эймс не мог бы нанести такого

ущерба. Так, в 1999 году эксперт ФБР Томас Кимел в специальном рапорте сообщил руководству Бюро о том, что, по его мнению, Москва завербовала одного из высокопоставленных сотрудников ФБР. Однако, когда о рапорте Кимела доложили директору Бюро Луису Фри, тот позволил убедить себя в том, что аргументация Кимела недостаточно убедительна и что поиск «крота» должен вестись в ЦРУ, а не в ФБР.

Впрочем, в этот раз Ханссен не попал под подозрение. Дело в том, что в отличие от Эймса он вел умеренный образ жизни, соответствующий его годовому заработку в 87-114 тысяч долларов, никогда не выезжал за границу, кроме как в служебные командировки, жил в скромном по американским стандартам доме стоимостью 270 тысяч долларов в вашингтонском пригороде Вьенна, имел репутацию антикоммуниста и каждое воскресенье вместе с семьей посещал церковь, где причащался вместе с директором ФБР Луисом Фри. Позднее соседи Ханссенов, с которыми они тесно общались, рассказывали журналистам:

«Хорошие, воспитанные дети, и вообще замечательная семья! Кто бы мог подумать… нет мы поверить не можем!» (Кстати, никто из них не знал, где работает их симпатичный сосед.)

Зато под «колпак» контрразведки попал один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ, которого разрабатывали по подозрению в шпионаже в пользу России в течение полутора лет. Причиной столь пристального внимания к нему послужил факт его работы вместе с Эймсом на советском направлении. В августе 1999 года он был отстранен от работы и отправлен в оплачиваемый отпуск. В его доме был произведен обыск, а личный автомобиль подвергся тщательному досмотру. Но все подозрения против него были сняты только после ареста Ханссена.

Но Ханссену так и не удалось выйти в отставку, которая должна была состояться в апреле 2001 года. Предательство заместителя резидента СВР в Нью-Йорке полковника Сергея Третьякова дало очередной толчок в деле по поиску «крота». Сейчас пока невозможно говорить о том, какие материалы передал Третьяков американцем, но судя по тому, что у агентов ФБР оказалась практически вся переписка Ханссена с Москвой, бежал он не с пустыми руками. Также вполне возможно, что дополнительные материалы о Ханссене предоставил ФБР и другой перебежчик — офицер безопасности российского посольства в Оттаве Евгений Топоров, официально числившийся первым секретарем посольства. В декабре 2000 года он попросил в Канаде политического убежища, а так как его никто не преследовал ни по политическим, ни по религиозным, ни даже по

сексуальным причинам, то получить канадскую иммиграционную визу он мог только в обмен на какую-либо важную услугу. Такой услугой вполне могли быть сведения о Ханссене, тем более, что до своего назначения в Оттаву Топоров служил в управлении внешней контрразведки СВР и мог располагать некоторой информацией о «кроте» в ФБР.

Как бы там ни было, но уже в конце октября 2000 года за Ханссеном было установлено скрытое круглосуточное наблюдение. Кроме того, чтобы контролировать Ханссена более тщательно, его 12 января 2001 года перевели в штаб-квартиру ФБР в отдел информационных ресурсов на специально созданную для него должность. Тем временем сам Ханссен, готовясь к предстоящей отставке, обратился с просьбой помочь начать новую карьеру в качестве специалиста в области компьютерной безопасности к бывшему сотруднику КГБ Виктору Шеймову.

Виктор Иванович Шеймов, 1946 года рождения, был приглашен на работу в КГБ после окончания Высшего технического училища им. Баумана. Пройдя тщательные проверки, он был направлен в 8-е главное управление, которое занималось обеспечением безопасности и функционированием всей шифросвязи СССР, а также созданием шифров и дешифровкой сообщений иностранных государств. В управлении Шеймов работал в отделе, занимавшемся защитой шифровальной связи. В его функции входило обслуживание советских посольств и резидентур, в связи с чем он неоднократно выезжал в зарубежные командировки.

Однако, по утверждению самого Шеймова, его уже давно переполняла ненависть к советскому режиму и желание порвать с ним. Поэтому, находясь в октябре 1979 года в Варшаве, он тайно вступил в контакт с представителями ЦРУ и предложил им свои услуги. Позднее Шеймов несколько раз встречался с американскими разведчиками в Москве, но отказывался передавать им какую-либо информацию до тех пор, пока не окажется в США. В конце концов в Вашингтоне дали добро на нелегальный вывоз Шеймова, его жены Ольги и малолетней дочери Елены в США. Побег состоялся во второй половине мая 1980 года. Шеймова и его близких в нарушение всех дипломатических правил вывезли на самолете посла США, причем сам Шеймов поднялся на его борт, загримированный под второго пилота, а его жена и дочь были переправлены в не подлежащих досмотру дипломатических контейнерах.

Оказавшись в США, Шеймов поведал американским спецслужбам обо всех секретах, к которым был допущен. Затем при помощи ЦРУ он сменил фамилию и был оформлен

консультантом в АНБ. Кроме того, за свои «заслуги» он был награжден медалью ЦРУ. А в конце 1993 года в США вышла книга Шеймова «Башня секретов: документальный шпионский детектив», в которой он от третьего лица подробно рассказал о своей работе в КГБ и поведал вымышленную в ЦРУ историю своего побега из Москвы.

В конце 80-х годов Шеймов оставил работу в АНБ и основал в Вашингтоне собственную фирму «Invicta Networks», занимающуюся вопросами обеспечения компьютерной безопасности. При этом большую помощь в создании фирмы Шеймову оказал Ханссен, который как представитель ФБР контактировал с ним во время его работы в АНБ и даже стал его другом. Более того, не без участия Ханссена в состав правления «Invicta Networks» вошел бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. Впрочем, Ханссен не забыл сообщить о деятельности Шеймова в Москву. В аффедевите ФБР по этому поводу говорится:

«В феврале 1988 года «В» сообщил КГБ, что имеет доступ к досье Виктора Шеймова, поскольку в это время должен был начать осуществление специального проекта в отношении Шеймова. В это же время Ханссен просматривал досье Шеймова, готовясь к своему участию в предстоящих слушаниях по делу Шеймова сотрудниками разведки».

В середине 90-х годов контакты Ханссена и Шеймова постепенно сошли на нет, и только в 1998 году они встретились снова. Тогда Ханссен, работавший представителем ФБР в госдепартаменте, сказал Шеймову, что в Бюро могут проявить интерес к технологиям «Invicta» в области компьютерной безопасности. Для только начинающей осваивать данный рынок компании Шеймова это предложение было даром небес, и он, не раздумывая, ухватился за него. Однако первые конкретные шаги были сделаны только в конце 2000 года, когда Ханссен начал работать в отделе информационных ресурсов центрального аппарата ФБР. В это время по его инициативе была собрана группа компьютерных экспертов, которые должны были дать оценку предложениям «Invicta». По словам Шеймова, 30 января 2000 года эксперты, ознакомившись с представленной документацией, заинтересовались предложенными технологиями, позволяющими создать новую систему защиты компьютерных сетей от внутренних и внешних хакеров, а также исправить некоторые недостатки в системе безопасности. Знаменательно, что в этот день агенты ФБР, получив разрешение суда, провели негласный обыск в машине Ханссена.

Вечером этого дня Ханссен встретился с Шеймовым и сообщил ему, что ФБР проявило интерес к приобретению

технологий «Invicta» для защиты своих компьютерных сетей. А 5 февраля, когда агенты ФБР проводили обыск в его рабочем кабинете, вновь встретился с Шеймовым и неожиданно сообщил ему, что хочет оставить работу в ФБР и перейти в «Invicta». Рассказывая журналистам о состоявшемся между ними разговоре, Шеймов отмечал следующие детали:

«Казалось, что он очень торопится, словно пытается ускорить ход событий. Он всегда был человеком, который сначала хочет все хорошо взвесить. Но теперь он торопил события.

У меня отвисла челюсть, когда он попросил устроить его на работу. Он сказал, что хочет занять один из руководящих постов, и спросил, какую зарплату мы платим руководящим работникам. Речь шла о моем друге, который занимал относительно высокий пост в ФБР и который просил предоставить ему работу. Так что я должен был все тщательно взвесить. Я искал выход из создавшейся ситуации. Я сказал ему: «Когда я должен дать ответ?» — «Сейчас», — сказал он. Я оказался в безвыходном положении».

По словам Шеймова, он попытался дать понять Ханссену, что для него в «Invicta» места нет. Но, вероятно, он сделал это настолько невнятно, что Ханссен рассказал своим коллегам в ФБР о своем намерении перейти на работу в «Invicta», а 16 февраля снова пришел к Шеймову. «Он встал, подошел к доске, — рассказывал Шеймов, — и описал нашу технологию. Он сделал это не хуже меня». Впрочем, довести переговоры до конца Ханссену помешал его арест.

Интересно отметить, что, узнав об аресте Ханссена, Шеймов был шокирован. «Я подумал, что, должно быть, это ошибка», — сказал он. А на вопрос о том, намеревался ли Ханссен передавать в Москву информацию о технологиях «Invicta», ответил, что не знает. Но при этом заметил, что как бывший эксперт КГБ в области компьютерной безопасности считает, что эта технология могла представлять для России большой интерес. «Русские всегда интересовались технологическими прорывами, — подчеркнул он. — И они наверняка охотились за этой информацией».

Что касается Ханссена, то развязка для него наступила 18 февраля 2001 года. В этот день он, вернувшись с вечерней мессы, высадил жену и детей около дома, а сам поехал в сторону расположенного неподалеку Фокстон-парка. Там он вышел из машины со свертком в руках, прилепил кусочек белого скотча к дереву, после чего скрылся в кустах. Через несколько минут он вернулся к машине, но уже без свертка. В этот момент его и арестовали агенты ФБР.

Об аресте Ханссена и о предъявленном ему обвинении в

шпионаже в пользу СССР и России официально было объявлено 20 февраля. Тогда же директор ФБР Луис Фри выступил перед журналистами с заявлением, в котором назвал произошедшее «одним из наиболее серьезных случаев шпионажа в истории США».

21 февраля Ханссен предстал перед окружным судом города Александрии, штат Виргиния, где по традиции рассматриваются все дела о шпионаже. Ему было предъявлено два обвинения в разглашении государственной тайны, а именно: в передаче Москве секретной информации 1 октября 1985 года и 20 марта 1989 года. В начале судебных слушаний Ханссен категорически отказался признать свою вину, после чего были заслушаны данные под присягой показания агента ФБР Стефана Плута, рассказавшего суду следующее:

«Результаты расследования на данный момент указывают на существование обоснованных причин считать, что гражданин США Роберт Филип Ханссен, начиная с 1985 года и до сегодняшнего дня, вместе с агентами Союза Советских Социалистических Республик и его преемника, Российской Федерации, проводили шпионскую деятельность против Соединенных Штатов в пользу иностранного государства, а именно Советского Союза и России.

Собранные доказательства показывают, что с 1985 года и до сегодняшнего года Ханссен, которого КГБ/СВР называло агентом «В», совершил следующее: он выдал нескольких информаторов разведывательных служб США. Трое таких информаторов были выданы Ханссеном и бывшим офицером ЦРУ Олдричем Эймсом, что привело к аресту информаторов и заключению их в тюрьму. Двое из них были расстреляны. Ханссен выдал этих людей для того, чтобы укрепить собственную безопасность и продолжать шпионаж против США.

Он передал агентам иностранного государства большое количество секретных документов США, включая программу 4 (MASINT — Measurement and Signature Intelligence) — гриф «Совершенно секретно», программу США по агентам-двойникам — гриф «Секретно», программу ФБР по агентам-двойникам — гриф «Совершенно секретно», руководство по потребностям разведывательных служб США в будущем — гриф «Совершенно секретно», доклад о вербовочных операциях КГБ против ЦРУ — гриф «Секретно», отчет о деятельности КГБ по сбору информации о некоторых ядерных программах США — гриф «Совершенно секретно», засекреченный доклад с анализом иностранных угроз одной из секретных государственных программ США — гриф «Совершенно секретно».

Он передавал сведения о технических аспектах деятельности разведслужб США. Это включало технологию по электронному слежению и описание самих целей, данные о возможностях разведслужб США, включая описание отдельных объектов, а также сведения о целой технической программе, имеющей огромное значение для обороны США.

Он также передал большой объем данных о деятельности ФБР, оперативной технологии, источниках, методах и мероприятиях против КГБ/СВР. Он консультировал КГБ/СВР в отношении методов защиты от наблюдения ФБР и предупреждал КГБ/СВР о недопустимости проведения мероприятий, за которыми наблюдало ФБР.

Среди его донесений были и материалы секретного расследования ФБР по делу агента Феликса Блока. В результате СВР предупредила об этом Блока, что привело к невозможности завершения расследования.

Деятельность Ханссена продолжается и в настоящее время. Ханссен постоянно наблюдает за сигнальным тайником СВР. Проверки этого тайника он проводил много раз в декабре 2000 года, январе и феврале 2001 года. В ходе недавнего обыска машины Ханссена, в которой были обнаружены секретные документы, сведения о недавнем расследовании и предметы из сигнальных тайников.

Мы также обнаружили, что Ханссен продолжает попытки определить, стало ли им интересоваться ФБР. Он проверяет регистры ФБР, пытаясь найти свое имя, адрес и указания на расположение тайников.

В ходе своей шпионской деятельности Ханссен много раз общался с сотрудниками КГБ/СВР. В этом заключении процитировано 27 писем, которые он послал КГБ/СВР. Приводится описание 33 свертков, которые сотрудники КГБ/СВР оставили для Ханссена в тайниках, а также описание 22 свертков, которые Ханссен оставлял в тайниках для сотрудников КГБ/СВР.

Данный документ приводит запись двух телефонных разговоров, которые Ханссен вел с сотрудниками КГБ. Здесь описано содержание 26 дискет, которые Ханссен передал КГБ/СВР, а также 12 дискет, которые КГБ/СВР передал агенту «В». Ханссен предоставил КГБ/СВР более 6000 страниц документов.

За свои услуги КГБ/СВР Ханссен получил более 600 тыс. долларов, которые были выплачены наличными и в бриллиантах. В течение двух последних лет КГБ/СВР информировало Ханссена, что на его депонентском счету в одном из московских банков лежит около 800 тыс. долларов».

Поскольку Ханссен 21 февраля во время предъявления

обвинения так и не признал свою вину, то 5 марта 2001 года состоялись очередные судебные слушания по его делу. На них ФБР представило официальный аффедевит, в котором были перечислены все обвинения против Ханссена. Однако он вновь отказался признавать свою вину, и поэтому судья Тереза Бачинен отклонила просьбу адвоката Ханссена Плато Качериса выпустить его подзащитного под залог. Свое решение она мотивировала следующим образом:

«Позиция обвинения в деле против агента Федерального бюро расследования Роберта Ханссена, обвиняемого в шпионаже в пользу России, очень сильна, поэтому нет никаких оснований для его освобождения под залог».

Кроме того, судья Бачинен заявила, что, по ее мнению, освобождение Ханссена под залог сопряжено с риском его побега и с угрозой безопасности США. После окончания судебного заседания адвокат Плато Качерис, известный тем, что защищал Олдрича Эймса и Монику Левински, сказал журналистам: «ФБР утверждает, что это — одно из самых крупных дел о шпионаже за всю послевоенную историю Америки. Но мы еще посмотрим, что это за дело».

После второго судебного заседания пресс-атташе посольства России в Вашингтоне Владимир Фролов покинул США. Несмотря на то что за время своей работы в США он зарекомендовал себя среди американских журналистов и экспертов политических организаций как надежный и объективный обозреватель американо-российских отношений, его поспешили объявить сотрудником СВР, работавшим под дипломатическим прикрытием и осуществлявшим связь с Ханссеном.

Тем временем новая администрация США во главе с президентом Джорджем Бушем-младшим решила использовать арест Ханссена для беспрецедентного после окончания «холодной войны» давления на Россию. Утром 21 марта посол России в США Юрий Ушаков был вызван в госдепартамент, где ему объявили о высылке четырех российских дипломатов, которые должны покинуть Америку в течении 48 часов. При этом официальные власти США заявили, что все высылаемые были так или иначе связаны с Ханссеном. А вечером того же дня в российское посольство пришла очередная бумага из госдепартамента, в которой говорилось, что до 1 июля 2001 года покинуть США будет предложено еще 46 российским дипломатам. Комментируя это решение, анонимный представитель администрации США сказал журналистам, что высылаются самые опытные сотрудники российских спецслужб, работающие под дипломатической «крышей», и что общее их число «достигает около 100 или более

человек».

Ответные меры со стороны России не заставили себя ждать. Уже 22 марта в МИД РФ был вызван второй по положению сотрудник американского посольства в Москве Джон Ордуэй (сам посол США Джеймс Коллинз в это время находился в плановой поездке по российским регионам). Заместитель главы МИДа Георгий Мамедов вручил ему список из фамилий четырех американских дипломатов, которые должны покинуть территорию России в течение 10 дней. А спустя несколько дней было заявлено, что еще 46 американским дипломатам рекомендовано покинуть Москву до 1 июля. Имя одного из них вскоре было названо — им оказался Пол Холлингсоурт, официально занимавший должность первого секретаря посольства, а на самом деле являвшийся заместителем резидента ЦРУ в Москве. При этом по российскому телевидению была показана видеозапись, сделанная сотрудниками ФСБ, на которой зафиксирована встреча российского гражданина Анатолия Попова с американскими разведчиками.

После высылки из Москвы четырех сотрудников ЦРУ администрация Буша-младшего закусила удила. Так, в Вашингтоне было заявлено, что в последние два года российские спецслужбы вновь «надстроили шпионское гнездо» в Америке до размеров времен «холодной войны», что доля разведчиков в штате посольства России в США больше, чем в других странах, а их общее число превышает 100 человек. Комментируя эти заявления, один из российских дипломатов, работающий в США, сказал:

«Не знаю, откуда они могли набрать такое число тайных агентов. Дип-состав посольства насчитывает 87 человек, около 10 дипломатов в Нью-Йорке, несколько в Сан-Франциско. Если американцы депортируют половину, наши миссии встанут на полгода. Не жен же оставшихся дипломатов ставить работать».

И действительно, общее число российских дипломатов в США — 190 человек. А в России в миссиях США работает мини-армия числом почти 1100 человек. Правда, об этом администрация Буша-младшего предпочла не распространяться.

Пока шла дипломатическая война, ФБР решило проверить своих сотрудников на детекторе лжи. Официальным поводом для этого послужило то обстоятельство, что Ханссен за все время службы в Бюро ни разу не проходил проверку на полиграфе. Правда, ничего удивительного в этом нет, поскольку в ФБР считали, что детектор лжи не дает стопроцентных результатов и поэтому бесполезен в контрразведке. В подписанной директором ФБР Луисом Фри служебной записке говорилось, что первыми

тесту на полиграфе будут подвергнуты старший руководящий состав, сотрудники Бюро, отправляющиеся или вернувшиеся из отпусков, а также агенты, имеющие доступ к «строго секретной информации или методам проведения расследований».

«Я прошу каждого служащего отнестись к этому распоряжению с большим вниманием, — говорилось в служебной записке Фри. — Совместными усилиями мы добьемся соответствующего баланса между безопасностью, операциями и частной жизнью служащих, необходимого для обеспечения сохранности наиболее важной информации о нашей стране».

Всего массовым проверкам на детекторе лжи, начавшимся 26 марта 2001 года, было подвергнуто около 500 человек, среди них системные администраторы, все, кто имеет доступ к секретным файлам и базам данных, а также 150 высокопоставленных сотрудников Бюро.

Между тем в США продолжали активно обсуждать дело Ханссена и его дальнейшую судьбу. Так, 20 мая директор ЦРУ Джордж Тенет заявил, что выступает против вынесения Ханссену смертного приговора и даже обратился с такой просьбой к генеральному прокурору. Причиной такого человеколюбия Тенета, по мнению наблюдателей, стало его желание сделать так, чтобы бывший шпион был что называется под рукой, если вдруг возникнет необходимость допросить Ханссена. Ведь ни для кого не являлось секретом, что ЦРУ было весьма заинтересовано в том, чтобы Ханссен пошел на сотрудничество с властями. Но в качестве условия для этого было необходимо, чтобы власти отказались от вынесения смертного приговора.

31 мая Ханссен предстал перед окружным федеральным судом США в Александрии. По свидетельству присутствовавших в зале суда, он появился там всего на несколько минут и выглядел бледным и изможденным. В суде был официально зачитан список обвинений, включавший 21 пункт, по 14 из которых Ханссену грозила смертная казнь. В обвинительном акте утверждалось, что Ханссен 25 лет работал в ФБР, из которых 15 лет передавал Москве важнейшие американские секреты. В их числе имена 9 советских агентов- двойников, завербованных спецслужбами США. Его также обвинили в выдаче нескольких сверхсекретных американских разведывательных и контрразведывательных программ, а также системы действий правительства США в случае ядерной войны. Все эти обвинения подпадали под высшую меру наказания. Но, как и ожидалось, Ханссен не признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях. А представитель защиты Плато Качерис заявил о намерении опротестовать эти обвинения, добавив, что непризнание Ханссеном вины дает ему

право на «презумпцию невиновности». Кроме того, адвокаты Ханссена сказали журналистам, что переговоры между защитой и обвинением о возможной договоренности, при которой Ханссен стал бы сотрудничать со следствием в обмен на предоставление ему гарантий того, что ему не будет грозить смертная казнь, зашли в тупик. Причиной этого стало то, что власти отказались гарантировать смягчение наказания. В результате решением федерального судьи штата Виргиния процесс по делу Ханссена был назначен на 29 октября 2001 года.

После таких заявлений многим казалось, что долгого и изнурительного судебного процесса избежать не удастся. Однако 15 июня было объявлено, что министерство юстиции США отказалось от требования вынести Ханссену смертный приговор. После этого заявления переговоры о сделке возобновились. По ее условиям Ханссен должен был признать себя виновным в шпионаже, согласиться на сотрудничество со следствием и пообещать рассказать о том, какую информацию он передал России. Государство же в обмен на это должно обещать не применять к нему смертную казнь. С точки зрения правительства достижение сделки с Ханссеном обеспечивало сохранение секретности материалов дела, многие из которых составляют государственную тайну.

Пока шли переговоры, газета «USA Today» 19 июня опубликовала отчет психиатра Алена Салериана, который по настоянию адвокатов обследовал Ханссена. Психиатр сделал следующие заключения: заняться шпионской деятельностью Ханссена побудили «демоны» из детства — страх перед деспотичным отцом и одержимость порнографией. «Он не сумасшедший, но он думает, что сходит с ума. Это понятно из содержания его мыслей», — заявил Салериан, и добавил, что шпионская деятельность вызывала у Ханссена душевные переживания, заставлявшие его часто ходить в церковь. Кроме того, как утверждал Салериан, Ханссен ждал, что его арестуют и воспринял это событие с облегчением.

В первых числах июля договоренность между адвокатами и представителями обвинения была достигнута. Ее результатом явилась так называемая признательная сделка — Ханссен рассказывает обо всех переданных Москве секретах, а в обмен ему сохраняют жизнь.

6 июня состоялось специальное судебное заседание по делу Ханссена, на котором он признал себя виновным по 15 из 21 пункта обвинения и подробно рассказал суду о своей разведывательной деятельности. В обмен на это признание прокуроры не стали требовать смертной казни для Ханссена.

Выступая на заседании суда, ведущий адвокат Ханссена Плато Качерис заявил, что его клиент начал шпионить с 1979 года. Однако, по его словам, он делал это с перерывами. Один из таких перерывов продолжался в период с 1992 по 1999 год. По словам Качериса, Ханссен «возобновил свою работу на российскую разведку в 1999 году», но «у него было предчувствие, что его арестуют». По утверждению Качериса, Ханссен располагает информацией, которой американские власти не имеют. И теперь он расскажет то, что «правительство не знает».

Согласно договоренности между обвинением и адвокатами Ханссена, ему не только будет сохранена жизнь, но и его семья сможет получать полагающуюся ему пенсию в размере 6000 долларов в месяц. Однако к столь оптимистичным заявлениям адвокатов стоит добавить, что договоренность о сохранении Ханссену жизни может быть отменена, если он попытается утаить что-либо от следствия.

В этот же день было объявлено, что судебное заседание по вопросу о назначении Ханссену меры наказания будет проведено 11 января 2002 года. Впрочем, наиболее вероятным наказанием для него теперь считается пожизненное заключение.

Заканчивая рассказ о Ханссене, попытаемся разобраться в причинах, толкнувших его на сотрудничество с советской разведкой. Оставив в стороне откровения психиатра Салериана, стоит обратиться к мнению американских ученых, которые продолжительное время занимаются социологией и психологией предательства. Исследователи Стенли Тейлор и Дэниел Сноу из Университета Бингема, изучив 139 случаев перехода американцев на сторону противника за длительный период времени, опубликовали в 1979 году работу, в которой пришли к следующим выводам. В 50-60-е годы американцы совершали предательство большей частью по идеологическим причинам. Но уже в последнее с точки зрения авторов время жажда денег, недовольство жизнью и чрезмерное самомнение стали главными причинами, побуждающими граждан США к измене.

Так, по мнению исследователей, именно критическое отношение к капитализму и вера в «светлое будущее человечества» послужили причиной предательства К. Филби и других членов так называемой «кембриджской пятерки». Идейные мотивы двигали и американским гражданином, физиком Донатаном Поллардом, который был арестован за передачу ядерных секретов США израильской разведке и сейчас отбывает пожизненное заключение в тюрьме. А вот Олдрич Эймс, утверждают Тейлор и Сноу, является примером обратного порядка: никакой идейности, а голый денежный расчет.

Впрочем, как считают американские ученые, различные мотивы могут сочетаться, а каждый отдельный случай предательства индивидуален. Среди побудительных мотивов они называют корысть, неприятие или ненависть к обществу, месть ему, а также «комплекс вероломства», недовольство выполняемой работой, потребность в авантюрах и в «двойной жизни», желание ощутить себя «властителем тайны», потребность угодить заказчику, «хозяину» (исследователи считают, что иногда в отношениях между агентом и его шефом возникает подобие любви). Кроме того, большое влияние оказывают человеческие пороки, обусловленные биологической природой или являющиеся следствием тяжелого детства и не изжитые во взрослом возрасте.

Что касается Ханссена, то в Америке поспешили объявить его человеком, работавшим на КГБ ради денег. Однако большинство сослуживцев Ханссена считают, что его более увлекала возможность обманывать своих начальников, располагать большей информацией, чем они, считать себя умнее своих коллег. Он критически относился к умственным способностям агентов ФБР, так утверждают знавшие Ханссена сотрудники американских спецслужб, и, по его собственным словам, боялся только кого-нибудь вроде себя.

Безусловно, денежные мотивы для Ханссена, имевшего шестерых детей при окладе чуть более 100 тысяч долларов, являлись немаловажным обусловливающим его поступки фактором. Также нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что, будучи интеллектуально на голову выше своих сослуживцев и начальников, он в тайне презирал их и в своем сотрудничестве с советской разведкой находил этому желанное подтверждение. Но не стоит забывать и о том, что Ханссен весьма критически относился к внутренней и внешней политике, проводимой США. Недаром, как уже говорилось, он часто ругал Америку и считал ее сильным, но умственно отсталым ребенком, поддающимся внушению и поэтому потенциально опасным. Думается, что это обстоятельство было далеко не последним, подтолкнувшим Ханссена к сотрудничеству с Москвой.

Стоит также обратить внимание и на такой факт. Именно в 80-е годы, когда США начали одерживать победу над СССР в «холодной войне», участились случаи перехода сотрудников американских спецслужб на сторону Москвы. Так, в 1980 году с советской разведкой начал сотрудничать Рональд Пелтон, в 1982 году — Джефри Карни, в 1983 году — Джеймс Холл. А в 1985 году сразу три высокопоставленных сотрудника американских спецслужб предложили свои услуги СССР — Эдвард Говард,

Олдрич Эймс и Роберт Ханссен. Более того, когда в 1994 году Эймс был арестован, его сменил другой сотрудник ЦРУ Гарольд Николсон.

Вряд ли это можно назвать простым совпадением. Скорее всего, демократия по-американски, несмотря на многие положительные стороны, устраивает далеко не всех. Да и внешняя политика США, проводимая после окончания «холодной войны», когда Америка не считается ни со своими бывшими противниками, ни с союзниками, не вызывает восхищения среди некоторых ее граждан, понимающих, что молодое с исторической точки зрения государство (всего 225 лет) не должно диктовать свою волю всему миру, выдавая собственные эгоистические интересы за чаяния всего человечества.

Впрочем, как говорится в известной поговорке, «чужая душа — потемки». И мы вряд ли когда-нибудь узнаем обо всех причинах, толкнувших Роберта Ханссена на союз с Москвой.

Глава седьмая
Тайная война продолжается

Измена спецагента ФБР Роберта Ханссена явилась сильным ударом по спецслужбам США. Но прагматичные американцы не были бы самими собой, если бы не попытались использовать сложившуюся ситуацию с пользой для себя. Еще до ареста Ханссена они начали разрабатывать операцию, преследующую цель показать, что при президенте Путине Россия вновь стала испытывать имперские амбиции, а ее разведка активизировала свою работу по всему миру, беззастенчиво вербуя агентов во всех слоях так называемого «демократического общества». Действуя таким образом, новая администрация Белого дома во главе с Дж. Бушем-младшим рассчитывала не только «поставить Россию на место», но и добиться от нее безоговорочного одобрения развертывания в США системы Национальной противоракетной обороны. А попутно американские спецслужбы надеялись «отыграть очки» у российской разведки путем проведения (и, как всегда, чужими руками) провокаций против ее сотрудников.

Уже 20 февраля, в тот же день, когда в Вашингтоне был арестован Роберт Ханссен, из Стокгольма поступило сообщение об аресте некого гражданина Швеции, якобы подозреваемого в шпионаже в пользу России. Официальные представители шведских властей отказались комментировать это сообщение. Перед журналистами выступил только шеф службы безопасности (СЕПО) Ян Даниэльсон, заявивший, что началось предварительное следствие, которое находится в начальной, «крайне чувствительной» стадии, чтобы сообщать какие-либо его подробности, за исключением того, что обвиняемый уже несколько раз допрашивался в присутствии адвоката. Но при этом Даниэльсон не преминул добавить, что деятельность подозреваемого нанесла серьезный урон безопасности Швеции.

Такие заявления, особенно сделанные за месяц до предполагаемого приезда в Стокгольм на саммит Совета Европы президента России Владимира Путина, вызвали нездоровый ажиотаж. Уже на следующий день появились сообщения о том, что подозреваемый был задержан сотрудниками СЕПО прямо на рабочем месте — на предприятии концерна «ABB Power Systems» в маленьком городке Людвика. При этом утверждалось, что концерн «ABB Power Systems» является крупным поставщиком на мировой рынок генераторных установок и оборудования для передачи электроэнергии на большие расстояния. Что до

подозреваемого, имя которого так и осталось неизвестным, то о нем сообщалось следующее. Инженер по профессии, он занимался техническими разработками в области передачи электроэнергии и по роду своей деятельности имел доступ к различным секретным документам компании. По данным шведской газеты «Экспресс», заниматься шпионажем он начал еще в 1979 году, и при этом частые зарубежные командировки помогали ему передавать информацию сотрудникам российской разведки. Но последние несколько месяцев за ним уже велось постоянное наблюдение.

Правда, в тот же день представители службы безопасности сообщили журналистам, что подозреваемый в шпионской деятельности сотрудник ABB не передавал сведения, относящиеся к вопросам обороны и военных секретов Швеции, а занимался лишь промышленным шпионажем. При этом было официально заявлено, что до сих пор неизвестно, на какое государство работал подозреваемый. Однако несмотря на это заявление, вечером 21 февраля председатель Христианско-демократической партии Швеции Альф Свенссон и секретарь Левой (бывшей коммунистической) партии Гундур Шуман поведали представителям прессы, что речь идет о шпионаже в пользу России. Впрочем, данное заявление вызвало немедленную и жесткую отповедь со стороны министра юстиции Тумаса Будстрема, сказавшего, что партийным лидерам не пристало делать необдуманные заявления, не имея точной информации.

Впрочем, этот шпионский скандал закончился так же неожиданно, как и начался. Уже 22 февраля было официально объявлено, что подозреваемый в шпионаже сотрудник концерна «ABB Power Systems» был освобожден из-за отсутствия улик. И несмотря на то что прокурор Стокгольма Томас Линдстраден выступил с заявлением для прессы, в котором пообещал, что следствие будет продолжено, дело о шпионаже благополучно сошло на нет.

Однако мнимое разоблачение российского агента в Швеции было только первой ласточкой. Через месяц, 18 марта, свое слово в мировом шпионском скандале сказала Болгария. В этот день заместитель министра иностранных дел Болгарии Райков в ультимативной форме потребовал от посла России Владимира Титова в пятидневный срок отозвать из Софии за деятельность, «несовместимую с дипломатическим статусом», трех российских дипломатов — военного атташе капитана 1-го ранга Владимира Ломакина, его заместителя полковника Василия Власенко и советника посольства Бориса Смирнова. При этом, видимо, для того, чтобы избежать ответных мер со стороны Москвы,

высылаемые не были объявлены персонами нон грата.

Надо отметить, что высылке российских дипломатов предшествовала тщательно нагнетаемая истерия. 6 марта сотрудники болгарской контрразведки задержали на улице рядом с российским посольством бывшего начальника военной разведки полковника запаса Яни Янева. В этот же день была арестована и служащая министерства обороны Лилиана Гешева. А об их аресте официально было заявлено уже 10 марта. В сообщении болгарских спецслужб говорилось, что Янев и его любовница Гешева, находящаяся на действительной службе в военной разведке, передавали секретные материалы «трем чужим государствам». При этом подразумевались Россия, Югославия и Китай. Затем 18 марта (!) здание Национальной службы безопасности на бульваре Черныврых посетил заместитель резидента ЦРУ в Болгарии, после чего спустя несколько часов последовало требование о высылке российских дипломатов. Сопровождалось оно следующим заявлением министра иностранных дел Болгарии Надежды Михайловой, сделанным в интервью национальному телевидению:

«Мы ожидаем ответных действий от российской стороны. Но Болгария готова заплатить эту цену за свой суверенитет и свое достоинство. Если мы хотим, чтобы нас уважали другие государства, мы должны, прежде всего, научиться уважать самих себя».

После этого заявления подконтрольные правительству болгарские СМИ незамедлительно начали раздувать очередной «шпионский скандал». Так, во многих публикациях смаковались подробности ареста Янева, который якобы был задержан в тот самый момент, когда перебрасывал через забор некие секретные документы официальному лицу российского посольства. Правда, при этом фамилия этого посольского работника не называлась. Что до передаваемых Яневым материалов, которые он получал от Гешевой, то они якобы представляли собой совершенно секретные сводки болгарских спецслужб о военно-политической обстановке в соседних странах, составляющие государственную тайну.

Особенно усердствовала электронная газета «Медиа-пул», поместившая на своих страницах следующее высказывание: «Вопиющий и никем не оспоренный акт передачи информации предполагает наличие резидентов в посольстве Российской Федерации, что противоречит их дипломатическому статусу». Эстафету подхватил штатный правительственный политолог Иво Маев, который разъяснил публике, что российский военный атташе Ломакин был резидентом ГРУ и его уже в 1993 году высылали из Польши. Что же касается советника посольства

Смирнова, то он, по данным Моева, был замешан в шпионском скандале в Испании, а позже власти ФРГ отказали ему во въездной визе. Находясь в Софии, утверждал Моев, Смирнов «вмешивался во внутренние дела Болгарии» путем оказания помощи в создании про-российски ориентированной политической партии, которая, пройдя на июньских выборах в парламент, должна была портить жизнь прозападно настроенному премьер-министру Ивану Костову и его Союзу демократических сил. А раз так, продолжал Моев, то Болгария, стремящаяся стать членом Евросоюза и НАТО, не может спокойно относиться к дискредитировавшим себя дипломатам.

Ярко выраженная антироссийская позиция болгарского правительства нашла полную поддержку за океаном. Так, прибывший в Болгарию накануне скандала директор ФБР Луис Фри 20 марта заявил по поводу высылки российских дипломатов следующее: «Я аплодирую премьер-министру (Ивану Костову — *авт.)* за четкие действия. Очень важно выявлять агентов зарубежных стран и препятствовать их разведывательной деятельности в наших демократических странах».

Однако вскоре выяснилось, что информация, передаваемая Яневым, хотя и проходила под грифом «Секретно», но представляла собой рутинную сводку военно-политической ситуации на Балканах. Соответственно, и ее передача никакого ущерба национальной безопасности Болгарии нанести не могла. В результате подвести бывшего разведчика Янева под статью о шпионаже так и не удалось. Однако его все же обвинили в разглашении государственной тайны. Кроме того, многие обозреватели публично подняли на смех версию о том, что два разведчика-профессионала перекидывали друг другу секретную информацию через ограду посольства. Что же касается советника посольства Бориса Смирнова, то по мнению многих обвинения в его адрес вызваны желанием премьер-министра Костова не допустить победы на выборах представителей оппозиции, которую поддерживает значительное число болгарских избирателей, недовольных своим социальных и экономическим положением.

Говоря о причинах внезапно возникшего шпионского скандала, многие независимые наблюдатели отмечали, что он был просто необходим Костову по целому ряду причин. Во-первых, для того, чтобы продемонстрировать свою приверженность Западу в надежде на скорейшую интеграцию в НАТО и Евросоюз. Во-вторых, для оправдания в глазах избирателей своего излишне холуйского поведения в отношениях с тем же НАТО, особенно после бомбардировок Югославии и

бездействия альянса в Македонии. И в-третьих, чтобы не допустить избрания в парламент своих политических соперников.

Разумеется, в Москве прекрасно понимали всю подоплеку развернувшихся в Болгарии событий. 19 марта посольство России в Болгарии сделало официальное заявление, в котором выражалось недоумение по поводу высылки российских дипломатов. В этот же день посол Болгарии в Москве Илиян Василев был вызван в МИД РФ, где ему было объявлено, что трем сотрудникам болгарского посольства предложено до 23 марта покинуть Россию. Жертвами ответных мер, вызванных политическими интригами правительства Костова, стали военный атташе генерал-майор Иван Парапунов, его заместитель полковник Никола Стоицев и советник посольства Станислав Владов. При этом их также не объявили персонами нон грата, а попросили уехать по-хорошему.

В тот же день представители департамента информации и печати МИД РФ сделали официальное заявление. В нем было сказано, что в Москве с недоумением и озабоченностью следят за разворачивающейся в Софии новой антироссийской кампанией, в том числе и с участием членов правительства, а также было выражено сожаление по поводу того, что «такая по сути дела русофобия наносит ущерб налаживанию нормальных, цивилизованных отношений между Болгарией и Россией и подается официальными властями в Софии как защита суверенитета и достоинства страны».

Через некоторое время болгарские власти, убедившись в том, что спровоцированный ими с подачи американцев скандал принес больше вреда, чем пользы, начали спускать его на тормозах. Все высланные дипломаты вернулись по домам, а болгарские СМИ как по команде утратили всякий интерес к российским шпионам. Что же касается дела Янева и Гешевой, то, скорее всего, оно будет прекращено ввиду отсутствия состава преступления.

Между тем, пока шпионский скандал в Болгарии находился в самом разгаре, слово было предоставлено Англии. 25 марта 2001 года в британской газете «Sunday Times» появилось сообщение о том, что МИД и министерство обороны Великобритании крайне недовольны чрезмерной, на их взгляд, активизацией деятельности сотрудников российских спецслужб, работающих в Англии под дипломатическим прикрытием. При этом газета сослалась на некие анонимные источники в оборонном и внешнеполитическом ведомствах, которые сообщили, что, «если русские перешагнут черту, мы отреагируем так же, как американцы». Кроме того, в публикации утверждалось, что в ходе встречи в Стокгольме с президентом России Владимиром

Путиным премьер-министр Великобритании Тони Блэр дал понять своему собеседнику, что Лондон готов начать высылку сотрудников российского посольства, как это уже было в 1971, 1985 и 1989 годах и как это только что сделали США.

Разумеется, не прокомментировать эту статью не мог бывший сотрудник ПГУ КГБ О. Гордиевский, бежавший в 1985 году в Лондон. Сей давний «борец за демократию» в России, почему-то считающийся экспертом по советской и российской разведке у некоторых малоосведомленных зарубежных и отечественных журналистов, практически сразу после публикации в «Sunday Times» заявил буквально следующее:

«В начале 90-х годов правительства Ельцина и Мейджора договорились не увеличивать количество своих разведчиков, и при президенте Ельцине количество российских разведчиков не превышало 25. Сегодня под дипломатическим прикрытием в Великобритании работает уже около 35 офицеров СВР и ГРУ, что, по мнению британцев, многовато».

Интересно отметить, что Гордиевский не утратил интереса к данной теме и в дальнейшем. Уже в июле в интервью корреспонденту «АиФ» Георгию Зотову он «уточнил» общее число российских разведчиков в Англии. Их оказалось 15 человек из СВР и 18 человек из ГРУ.

Однако и статья в «Sunday Times», и пустопорожние разглагольствования эксперта-предателя, 16 лет подряд занимающегося исключительно словоблудием, оказались обыкновенной «уткой». Правительство Великобритании, более выдержанное, более прагматичное, более опытное, чем администрация США (не говоря уже о руководстве Болгарии), не только не выслало кого-то из российских дипломатов, но и вообще не разу официально не затрагивало эту тему. Более того, британский Форин Офис буквально на следующий день после появления публикации в «Sunday Times» опроверг заявление газеты о претензиях Тони Блэра, якобы высказанных им Владимиру Путину в Стокгольме.

Сразу же после Великобритании в поиски русских шпионов включилась и Германия. 29 марта Федеральное ведомство по охране конституции (ФВОК), являющееся головной службой контрразведки в ФРГ, опубликовало ежегодный доклад, в котором основной упор был сделан на увеличение российских разведчиков, действующих в Германии под дипломатическим прикрытием. Как заявил министр внутренних дел ФРГ Отто Шили, которому и был направлен этот доклад, масштабы разведывательной деятельности России усилились после прихода к власти президента Владимира Путина. Вследствие этого

значительно возросло число проводимых российскими спецслужбами на территории Германии операций и увеличилось число сотрудников официальных представительств. Все это, как подчеркнул Шили, является серьезным поводом для беспокойства. Впрочем, данное заявление осталось без каких-либо последствий.

Очередная глава российской шпионской саги была озвучена там, где этого меньше всего можно было ожидать. 10 мая в Хельсинки был арестован лейтенант Особого отдела и сотрудник исследовательского центра Главного штаба сил обороны Финляндии Маркко Ляхесвуо, которому было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу России. Как заявил журналистам начальник охранной полиции Финляндии Сеппо Невала, утечку секретной информации в Главном штабе обнаружили еще в начале весны, но на след русского агента удалось выйти только к началу мая. При этом Невала заявил, что «это не очень крупное, но достаточно серьезное дело, так как оно произошло внутри финской армии». Однако МИД Финляндии отказался давать какие-либо комментарии, а когда 11 мая в Хельсинки прибыл министр иностранных дел России Игорь Иванов, то он и его финский коллега Эркки Туомиойя отвергли любую возможность того, что арест Ляхесвуо может как- то повлиять на российско-финские отношения.

На время следствия Маркко Ляхесвуо отстранили от занимаемой должности, а его дело было передано в государственную прокуратуру. И уже 28 мая в окружном суде Хельсинки начался судебный процесс. Сторону обвинения представлял лично генеральный прокурор, а сам процесс носил секретный характер и состоялся за закрытыми дверями, что объяснялось секретной информацией, к которой имел доступ Ляхесвуо. В ходе процесса Ляхесвуо предъявили обвинение в передаче секретных сведений представителям российского посольства. 20 июня он был признан виновным и проговорен к 1 году 2 месяцам тюремного заключения. Кроме того, 38-летний лейтенант был лишен воинского звания и уволен с работы. Однако ни о каких подробностях его шпионской деятельности сказано не было, как и не последовало каких-либо комментариев со стороны официальных властей Финляндии.

К лету 2001 года американским властям стало ясно, что спровоцированная ими компания против «российского шпионажа» оказалась в конечном счете холостым выстрелом. Все шпионские скандалы сошли на нет, не оставив заметного следа, а в то, что Россия будто бы активизировала свою разведывательную деятельность по всему миру, мало кто поверил. Не все

благополучно обстояло и с делом Ханссена, поскольку тот так и не признавал свою вину (напомним, что он признался в работе на Россию только 6 июля).

Поэтому в Вашингтоне было решено активизировать дело Джорджа Трофимофф, арестованного по подозрению в шпионаже в пользу России еще в июне 2000 года. До этого времени судебный процесс над ним шел медленными темпами и без какой-либо определенной перспективы. Переломить ситуацию могли лишь весомые улики. И они были предъявлены, хотя для этого американским спецслужбам пришлось пожертвовать своим важным агентом. Однако для того, чтобы читателю была понятна эта история, необходимо вернуться к самому ее началу.

Георгий Трофимов родился 9 марта 1927 года в Германии, в семье русских эмигрантов первой волны. Его юность пришлась на Вторую мировую войну, а когда она закончилась, та часть Германии, в которой он жил, оказалась в американской зоне оккупации. Поскольку к тому времени Георгию уже исполнилось 18 лет, он поступил на службу в американскую армию и в 1951 году получил гражданство США, став тогда же Джорджем Трофимофф. С 1956 года он проходил службу в резерве, а в 1959 году был направлен в армейскую разведку. Как военный разведчик Трофимофф служил главным образом в 66-й разведгруппе войск США на территории Германии, где в 1969 году был назначен руководителем одного из подразделений расположенного в Нюрнберге Объединенного центра дознаний (Joint Interrogation Center). Его работа там заключалась главным образом в том, что он проводил допросы советских перебежчиков. Тогда же, 1969 году, Трофимофф встретился со своим другом детства (так утверждают представители ФБР) Игорем Сусемилем, биография которого также заслуживает отдельного рассказа.

Игорь Владимирович Сусемиль родился в 1919 году в Чернигове. Во время Второй мировой войны он поменял мирское имя на иноческое Ириней и стал священником Русской православной церкви за рубежом. В 1948 году отец Ириней получил приход в Австралии. Но, видимо, жизнь там пришлась ему не по душе и в 1957 году он перешел под юрисдикцию Московской патриархии. В дальнейшем Ириней сделал блестящую карьеру: очень скоро дослужился до сана архиепископа Вены и Австрии, одно время являлся единственным представителем Патриархии в исполкоме Всемирного совета православных церквей, был архиепископом Бадена и Баварии, а завершил свою пастырскую деятельность митрополитом Венским и Австрийским. Однако столь стремительную карьеру Ириней сделал во многом потому, что был не только священником, но и

агентом КГБ (псевдоним «Икар»).

В судьбе Трофимофф встреча с Иринеем стала поворотной, поскольку последний убедил его в необходимости помогать своей исторической родине. А лучшей помощью, по словам Иринея, было сотрудничество с КГБ. После непродолжительных раздумий Трофимофф ответил на предложение Иринея согласием, и с тех пор стал числиться в Москве как агент «Антей». Но поскольку он был военнослужащим армии США да еще с 1961 года работал в Разведывательном управлении министерства обороны (РУМО), то его кураторами стали сотрудники внешней контрразведки ПГУ КГБ.

Необходимо отметить, что начиная с 60-х годов внешней контрразведке, главной задачей которой было проникновение в спецслужбы противника и обеспечение безопасности собственно ПГУ, стало уделяться повышенное внимание. Уже в 1965 году на базе 14-го отдела (контрразведка) и 9-го отдела (эмиграция) ПГУ была сформирована Вторая служба, которую возглавил генерал-майор Григорий Григоренко. В 1970 году его сменил Виталий Бояров, при котором Вторая служба была преобразована в Управление «К». Тогда же заместителем начальника внешней контрразведки стал небезызвестный ныне полковник Олег Калугин. Именно он в начале 70-х годов встречался Трофимофф (агент «Маркиз» и «Консул»), контролировал его работу и ставил перед ним задачи по сбору интересующей Центр информации. Продолжал он интересоваться деятельностью Трофимофф и в 1973-79-х годах, когда являлся начальником управления «К».

Как сотрудник военной разведки США, Трофимофф имел доступ ко многим совершенно секретным документам. Так, он передавал (чаще всего через своего связника Иринея) своим операторам Анатолию Кирееву, Виктору Чернышеву и Юрию Лысову наиболее важную информацию, полученную в ходе допросов советских перебежчиков. Благодаря этому в Москве получили уникальную возможность отлеживать, какие именно сведения уходят за рубеж вместе с эмигрантами из Советского Союза и стран народной демократии, уточнить степень осведомленности американской разведки об оперативных планах Советской Армии и армий стран Варшавского Договора, а также установить круг вопросов, которыми интересовались спецслужбы США и их союзников. Кроме того, при помощи Трофимофф советская разведка получила возможность внедрять в западные спецслужбы агентов- двойников. В Москве чрезвычайно высоко ценили Трофимофф. Так, за все время своей работы на КГБ он получил более 250 тыс. долларов, а в 70-х годах был награжден

орденом Красного Знамени за «особую отвагу, самопожертвование… в защите социалистической Родины».

В 1987 году Трофимофф вышел в отставку в звании полковника и продолжил работать в Центре дознаний уже как гражданский специалист. А в декабре 1994 года он и Ириней были арестованы немецкой контрразведкой по обвинению в шпионаже. Причина провала Трофимофф до конца неизвестна. В принципе его могли выдать сотрудники ПГУ КГБ, работавшие в Германии и ставшие предателями. Это Геннадий Варенник, завербованный ЦРУ в Бонне марте 1987 года, и Владимир Фоменко, работавший в Мюнхене под прикрытием должности вице-консула и попросивший в октябре 1991 года политического убежища у германских властей. Но, скорее всего, о работе Трофимофф на советскую разведку в ФРГ узнали из мемуаров Калугина, вышедших на Западе в 1994 году, где на странице 198 он пишет о неком настоятеле прихода из Мюнхена и его друге из американской военной разведки, являвшихся агентами КГБ.

Впрочем, дело о шпионаже Трофимофф и Иренея очень скоро развалилось, поскольку в ФРГ для таких преступлений действует пятилетний срок давности, а никаких доказательств, что арестованные занимались шпионской деятельностью последние пяти лет у следствия не было. Что же касается денег, которые Ириней якобы передал Трофимофф, то оба заявили, что это частный долг. В результате арестованных освободили ввиду отсутствия каких-либо улик.

Оказавшись на свободе, Трофимофф немедленно уволился со службы и вернулся в США. Вместе с женой Ютой он поселился в городе Мельбурне во Флориде и зажил там обычной жизнью пенсионера. Позднее соседи отзывались о нем как об очаровательном человеке, азартном теннисисте и страстном садоводе. Получая обычную военную пенсию (5300 долларов в месяц), Трофимофф часть дня работал либо в парикмахерской, либо упаковщком в местном супермаркете, где коллеги дали ему прозвище «Джордж-немец». Впрочем, работал он не из-за мелкой корысти, а для того, чтобы не сидеть без дела.

Однако в ФБР не забыли о процессе 1994 года, поскольку в США, как уже говорилось, нет срока давности по делам о шпионаже. Но так как отец Ириней в 1999 году умер в Мюнхене, агенты Бюро стали разрабатывать одного Трофимофф. В июне 2000 года агент ФБР посетил Трофимофф и, представившись связным российской разведки, предложил продолжить сотрудничество и сообщить о тех секретах, которые отставной полковник мог еще помнить. По непонятным причинам Трофимофф согласился. Объяснить это довольно трудно,

поскольку вряд ли он не мог не знать о судьбе бывшего сотрудника АНБ Роберта Липки, который в 1996 году был арестован в результате такой же провокации со стороны ФБР. Очередная встреча Трофимофф с «русским разведчиком» состоялась 14 июня в городе Тампа в одном из номеров отеля «Хилтон». Их разговор записали на пленку, после чего Трофимофф был арестован и доставлен в федеральный суд, где ему предъявили обвинение в шпионаже. И поскольку судья отказал ему в освобождении под залог, он был препровожден в тюремную камеру.

Судебный процесс над Трофимофф начался 20 июня 2000 года. В 13- страничном обвинительном заключении говорилось, что он в 1969 году был завербован Иринеем для работы на КГБ. Встречаясь с сотрудниками КГБ, обвиняемый передавал им секретную информацию, за что получил в общей сложности около 250 тысяч долларов. Заместитель федерального прокурора США Лора Ингерсолл, представлявшая на процессе обвинение, охарактеризовала деятельность Трофимофф как нанесшую огромной ущерб национальной безопасности Соединенных Штатов и потребовала для него пожизненного заключения. При этом она заявила: «Он не какой-то случайный шпион, он — совершенный, идеальный агент, каких еще не было».

Сам же Трофимофф в ответ на предъявленные обвинения заявил, что историю о своей шпионской деятельности, которая была записана на пленку агентами ФБР, он выдумал. При этом он особо подчеркнул, что он рассказывал о якобы переданных им секретных документах, встречах с советскими разведчиками, награждении орденом Красного Знамени только для того, чтобы произвести соответствующее впечатление. «Вся эта история была основана на нужде в деньгах, — сказал он судье. — Я стыжусь ее».

После того как Трофимофф отказался признать себя виновным, процесс над ним принял затяжной характер. Все это время в Москве опасались проживающего в США Калугина, и, как оказалось, не напрасно. Как уже было сказано, после ареста Ханссена администрация Буша-младшего решила использовать дело Трофимофф в своих целях. В результате 5 июня 2001 года судебный процесс над Трофимофф возобновился, а через несколько дней в зале суда появился главный свидетель обвинения — Калугин. Поклявшись говорить исключительно правду, он заявил, что, будучи начальником управления «К» ПГУ, в 70-х годах проводил многочасовые беседы с Трофимофф в Вене и передал ему 90 тысяч долларов. При этом Калугин утверждал, что Лубянка «считала этого американца ценным агентом и получала от него важную информацию».

Разумеется, после этого заявления Калугина участь Трофимофф была решена, и 19 июня 2001 года жюри присяжных вынесло ему обвинительный вердикт. Окончательный приговор Трофимофф будет вынесен 27 сентября, и, скорее всего, это будет пожизненное тюремное заключение.

Выступление Калугина в американском суде в качестве свидетеля по делу Трофимофф шокировало даже убежденных российских сторонников демократии по западному образцу. Так, известная московская журналистка Наталья Геворкян, много писавшая о советских спецслужбах вообще и о Калугине в частности, 20 июня поместила в Интернете статью под заголовком «Контрольный выстрел генерала Калугина». Пытаясь сохранить видимость объективности и утверждая, что она Калугину не судья, Геворкян в то же время пишет:

«Есть вещи, которые делать западло. Некоторая общая безнравственность предполагает все же какие-то этические нормы… Меня как журналиста совершенно не коробило, когда Калугин распоряжался тайнами ведомства, порциями вынося сор из избы. Я понимала, что таким образом он распорядился своей судьбой. Сейчас же, в этой ситуации, он распорядился чужой судьбой, причем судьбой человека, которого использовал в своей работе, будучи одной из шишек советской разведки. Не припертый к стенке обстоятельствами, не под пытками, не под угрозой, а просто так. Если учесть, что Трофимофф, похоже, итак уже было не отвертеться от обвинений, то свидетельства Калугина сравнимы с контрольным выстрелом в голову».

Недоумение Геворкян, искренне считавшей Калугина одним из борцов за демократию в России, вполне понятно. Но на самом деле бывший генерал никогда ни за что не боролся, кроме как за собственный шкурный интерес, ради чего мог пойти на любой безнравственный поступок и даже на предательство. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно ознакомиться с основными вехами его биографии.

Олег Данилович Калугин родился в 1934 году в Ленинграде в семье сотрудника НКВД. Окончив школу, он в 1952 году при помощи отца поступил в Институт иностранных языков МГБ СССР, расположенный в городе на Неве. В 1956 году он был направлен на учебу в 101-ю разведывательную школу. Окончив ее с красным дипломом, Калугин получил назначение в американский отдел ПГУ и уже в 1959 году был командирован в США как выпускник Ленинградского университета, направленный в Колумбийский университет по программе студенческого обмена.

В 1960 году Калугина вновь посылают в США, но на это раз в

Нью-Йорк под прикрытием должности корреспондента Московского радио. Там он работал до февраля 1964 года, когда после бегства в Америку сотрудника контрразведки КГБ Юрия Носенко его срочно отозвали в Москву. Впрочем, в Центре он не засиделся, и уже в 1965 году опять был командирован в США, на этот раз заместителем резидента вашингтонской резидентуры по линии «ПР» под «крышей» второго секретаря посольства СССР. Именно в это время в карьере Калугина происходит стремительный взлет. Вербовка резидентом Борисом Соломатиным в 1967 году ценного агента Джона Уоке- ра, с которым позднее работал и Калугин, позволила ему после возвращения в СССР занять должность заместителя начальника Второй службы (внешняя контрразведка) ПГУ.

Вся дальнейшая служба Калугина в ПГУ была связана с внешней контрразведкой. С 1970 по 1973 год он — заместитель начальника Второй службы, а с 1973 по 1979 год — начальник Второй службы управления «К» ПГУ. В 1974 году ему присвоили звание генерал-майор, после чего он стал самым молодым генералом ПГУ в то время.

Тогда же он несколько раз принимал участие в операциях против американской разведки. Так, в 1972 году он пытался, но неудачно, завербовать сотрудника ЦРУ в Дели, а в 1977 году в Вене работал с бывшим сотрудником ЦРУ Дэвидом Барнеттом. Кроме того, в декабре 1975 года он был одним из руководителей операции по похищению и вывозу на территорию СССР советского перебежчика Николая Артамонова, к тому времени получившего американское гражданство и работавшего консультантом в РУМО. На этот факт, как и на то, что во время похищения Артамонов погиб, следует обратить особое внимание.

Будучи генералом ПГУ, Калугин никогда даже и не помышлял о борьбе с партийной номенклатурой. Наоборот, он успешно делал карьеру, а попутно активно воевал с отклонениями от линии партии в своем управлении. За примерами далеко ходить не надо. Так, после выхода в свет «исторической эпопеи» Л. Брежнева «Малая земля» парторг управления «К» Николай Штыков позволил себе язвительное замечание в ее адрес в присутствии Калугина, за что получил «страшный разнос», был снят с должности и откомандирован в распоряжение управления кадров КГБ.

Но твердая политическая линия Калугина не уберегла его от конфронтации с новым начальником ПГУ Владимиром Крючковым, назначенным на эту должность в 1974 году. Можно долго рассуждать о причинах этого конфликта, но ясно одно — новый начальник не захотел терпеть слишком самовлюбленного и

излишне строптивого подчиненного и приложил все усилия, чтобы его «уйти», что и произошло в 1980 году. Разумеется, для 46-летнего перспективного генерал-майора перевод в Ленинградское управление КГБ, пусть даже на специально для него созданную должность второго первого заместителя, был неприятной неожиданностью, нарушающей ход его карьеры, и Калугин затаил на Крючкова жгучую обиду.

Ленинградское УКГБ, где полновластным хозяином был его начальник генерал-лейтенант Даниил Носырев, встретило Калугина более чем сдержано. А после того, как его назначили ответственным за второстепенные участки работы, он понял, что о дальнейшем карьерном росте можно даже не мечтать. Правда, оставалась надежда вернуться в Москву. В 1983 году, когда Генеральным секретарем стал Юрий Андропов, Калугину показалось, что на горизонте забрезжили радужные перспективы — его пригласили на учебу в Москву и поручили возглавить группу из 40 заместителей председателей республиканских КГБ и областных управлений. И действительно, предложение вернуться в Москву последовало, но не на оперативную работу, а в Высшую школу КГБ. Однако такое предложение — перейти на преподавательскую работу (как он пишет в своих мемуарах — в «отстойник») — Калугин воспринял как оскорбление и решительно отказался. Вернувшись в Ленинград, он продолжал настойчиво добиваться перевода в разведку, но смерть Андропова в феврале 1984 года перечеркнула его надежды.

В 1984 году Калугину исполнилось 50 лет. Его попытки попасть на прием к новому председателю КГБ Виктору Чебрикову не увенчались успехом. Тем временем отношения Калугина и Носырева продолжали ухудшаться, и в середине 1986 года дело дошло до того, что в Ленинград приехала комиссия Инспекторского управления КГБ. Она была направлена в город после того, как Калугин написал письмо (а более точно — донос) на имя Горбачева, в котором обвинял Носырева в сокрытии реальных проблем и злоупотреблении служебным положением. Дело закончилось тем, что в начале 1987 года Калугина вызвали в Москву, перевели в действующий резерв КГБ и назначили заместителем начальника управления режима Академии наук СССР.

Оказавшись в Москве, Калугин сделал очередную попытку вернуться «во власть» и написал подобострастное письмо в духе перестройки лично Горбачеву, в котором предлагал реформировать КГБ. Представляется необходимым привести одну цитату из этого письма, чтобы читатель понял, как в то время предлагал бороться за демократию генерал Калугин:

«Как ветеран органов КГБ, считаю, что процесс обновления, охвативший почти все сферы нашей жизни, по существу не затронул КГБ. На фоне происходящих в стране перемен КГБ являет собой сегодня наиболее консервативный, окостенелый организм, объективно вступающий в растущее противоречие с интересами поступательного развития социалистического общества…

Первейшая задача КГБ — сверять свою повседневную деятельность с политическим курсом партии. Делается ли это?

В этой связи представляется назревшим вопрос о реформах в системе правоохранительных органов, усилении партийного и государственного контроля за ними, что позволит существенно ускорить процесс демократизации в нашей стране…»

Ответа на это письмо не последовало, но в начале 1988 года Калугина перевели в министерство электронной промышленности СССР на должность начальника управления безопасности и режима, что являлось повышением. Однако в октябре 1988 года председателем КГБ был назначен Крючков, и карьере Калугина окончательно пришел конец. Правда, он сделал последнюю попытку остаться на службе и на встрече с Крючковым, состоявшейся после назначения последнего председателем КГБ, сказал, что наибольшую пользу родному ведомству он мог бы принести на посту руководителя пресс-службы КГБ. Разумеется, это назначение не состоялось, а в сентябре 1989 года, после того как Калугину исполнилось 55 лет, его вызвали в управление кадров и сообщили о предстоящем увольнении в запас. Реакция Калугина была для кадровиков неожиданной. «Вы еще пожалеете об этом!» — заявил он. Но его угрозам не придали значение, и в марте 1990 года он получил удостоверение генерала запаса, ветеранскую медаль и 7 тысяч рублей единовременной премии.

Оказавшись на пенсии, Калугин не стал выращивать зелень на даче или пописывать статьи для журналов. Его амбиции простирались гораздо дальше. Кроме того, он горел желанием отомстить Крючкову за несправедливое, на его взгляд, увольнение. И 16 июля 1990 года он выступил на конференции «Демократической платформы в КПСС» с критикой в адрес ведомства, в котором прослужил 32 года.

Впрочем, ничего нового, чего бы не знали советские граждане, в выступлениях Калугина не было. Но Крючков, что называется, закусил удила и приказал начать против отступника компанию по дискредитации с лишением Калугина пенсии, наград и т. д. Результат этой компании, проведенной бездарно и топорно, был прямо противоположен тому, что задумывалось. В

защиту отставного генерала выступили не только те, кто называл себя демократами, но и некоторые бывшие сотрудники КГБ. Так, полковник в отставке Михаил Любимов, протестуя против отставки Калугина, отказался от знака «Почетный сотрудник госбезопасности», а бывший начальник Гатчинского горотдела УКГБ подполковник Юрий Шутов написал Крючкову открытое письмо, в котором осуждал принятые в отношении Калугина меры. На волне популярности Калугин в 1990 году становится депутатом Верховного Совета СССР и, похоже, упивается своей новой ролью. При этом он даже не обратил внимание на то, что в ходе своей предвыборной компании в Краснодаре подтвердил факт сотрудничества с советской разведкой арестованного в 1985 году в США Джона Уокера. Но за океаном это заметили, дали Уокеру дополнительный срок, а за деятельностью Калугина стали внимательно следить. И, как оказалось, не напрасно.

После известных событий августа 1991 года председателем КГБ был назначен Вадим Бакатин, который тут же пристроил Калугина своим консультантом, а также добился у Горбачева возвращения ему пенсии, наград и снятия всех обвинений. Надо сказать, что депутат-отставник рассчитывал на большее, но даже Бакатин понимал невозможность назначения Калугина на любую официальную должность в системе госбезопасности. Впрочем, главным для Калугина в этот момент была возможность упиваться чувством мести, видя своего главного недруга и гонителя Крючкова в тюрьме.

Однако все в мире переменчиво, и после роспуска Верховного Совета СССР о Калугине, проигравшем очередные депутатские выборы, стали забывать. Но вкусившего плоды популярности Калугина уже не прельщала жизнь вне внимания журналистов, и он начинает рассказывать о деятельности ПГУ КГБ. Наиболее сенсационным было его заявление об участии ПГУ в убийстве в 1978 году в Лондоне болгарского диссидента Георгия Маркова. Правда, это откровение осенью 1993 года вышло ему боком. 30 октября, когда он в очередной раз прилетел в Лондон для участия в съемках передачи Би-би-си об английской разведке, его арестовали в аэропорту Хитроу по подозрению в причастности к убийству Маркова и доставили в Скотланд-Ярд для допроса. На следующий день, после демарша российского посольства, он был отпущен на свободу и вернулся в Россию. Зла, по его утверждению, Калугин на англичан не держал, но те не оценили его великодушия и, когда он в ноябре 1994 года вновь решил посетить Лондон, отказали ему в визе, показав таким образом на дверь.

Но, похоже, Калугин особо по этому поводу не расстраивался,

так как к тому времени сделал свой выбор, начав сотрудничать с американскими спецслужбами. Он жаждал известности и славы, а в его тогдашнем положении этого можно было достичь, лишь опубликовав скандальные, разоблачительные мемуары. Но Калугин понимал, что после их публикации его в России могут привлечь к уголовной ответственности. Поэтому он загодя начал зондировать почву для отъезда за границу. Поскольку в Англии иметь с ним дело отказались, оставалась Америка. Но и там ему грозили суд и тюрьма за похищение со смертельным исходом американского гражданина Артамонова. Поставленный перед выбором — популярность или предательство — Калугин выбрал последнее. А в награду за измену он получил не только возможность выпустить свою книгу, но и вид на жительство в США.

Но ступив на скользкий путь предательства, Калугин продолжал убеждать всех, что он не только не изменник, но и борец за истинную демократию в России. Надо отметить, что долгое время ему удавалось вводить людей в заблуждение. Более того, чувствуя свою полную безнаказанность, он иногда переходил в контратаки. Так, после того, как Президент России Владимир Путин публично назвал его предателем, он написал ему открытое письмо. С этим бесцеремонным посланием, в котором Калугин ведет себя откровенно вызывающе, читатель может ознакомиться в приложении и составить соответствующее представление о «генерале-реформаторе». Хочется только заметить, что написать в таких выражениях главе государства, гражданином которого ты являешься, может только человек без совести и чести, окончательно утративший какие-либо нравственные ориентиры.

Но, как говорится, сколько веревочке не виться.

Став однажды предателем и не раз после этого выполняя грязные поручения американских спецслужб, Калугин не имел возможности отказаться и от роли свидетеля на процессе Трофимофф. Тем самым он публично признался, что работает на американцев. Теперь ни у кого больше не возникает сомнений в том, кем он является на самом деле. И остается только пожалеть, что прокуратура РФ не может потребовать у США выдачи уголовного преступника Калугина, не признав тем самым факта сотрудничества Трофимофф с советской разведкой.

Пока во многих странах мира по указке американских спецслужб велась «охота» на российских шпионов, в США также началась компания по шельмованию российских спецслужб. Первым ее шагом была высылка 21 марта четырех российских дипломатов и требование к 1 июля убрать из США еще 46

человек. После этого в американских СМИ развернулась настоящая вакханалия. Так, например, председатель специального комитета по разведке палаты представителей, республиканец от штата Флорида, в прошлом кадровый сотрудник ЦРУ Портер Госс в многочисленных интервью высказывал свое твердое убеждение в том, что в последние годы число сотрудников российских разведслужб, действующих в США, стало значительно превышать размеры аналогичного американского присутствия в России. Поэтому, утверждал Госс, высылка российских дипломатов была оправданным шагом. «По-моему, — не раз заявлял Госс, — некоторые вещи стали уже просто выходить из-под контроля, и российской стороне был направлен определенный сигнал».

Не успокоивший на этой очевидной лжи (мы уже рассказывали о настоящей пропорции дипломатических работников в США и России), Госс неожиданно приплел к своим высказываниям сотрудничество России и Ирана в области закупок вооружений. Он напомнил о так называемой сделке Гор-Черномырдин, по которой российская сторона в 1994 году обещала временно заморозить поставки военной техники Тегерану и заявил: «После пяти лет участия в этом соглашении русские теперь говорят нам, что больше не хотят быть с ним связанными». Сам Госс воспринял это следующим образом: мол, мы, русские, уважаем силу и не хотим иметь дело с людьми, которых легко одурачить. «На это, — уверенно сказал конгрессмен, — США дали вполне адекватный ответ: мы не дураки и намерены действовать жестко, с позиции страны, у которой есть сила».

В том же ключе, но более вежливо и обтекаемо высказывались и «интеллектуальные» сливки американского общества. В качестве примера можно привести выдержку из интервью президента «Центра имени Никсона за мир и свободу» Димитри Саймса, которое он дал корреспонденту ИТАР- ТАСС Андрею Суржанскому:

«ФБР давно жаловалось на нехватку ресурсов, необходимых ему для того, чтобы следить за значительно возросшим, как оно утверждает, числом представителей российских спецслужб. При этом американские контрразведывательные структуры указывали на нарушение баланса в части представительства американских и российских разведок в Москве и соответственно в Вашингтоне. Можно спорить о том, была ли эта мера правильной с точки зрения практического эффекта. Я же хочу сказать только то, что американская контрразведка на протяжении длительного времени выражала свою озабоченность по поводу числа

представителей российских спецслужб и оказывала на администрацию давление с тем, чтобы та предприняла какие-то действия…

Стиль новой администрации Буша, безусловно, отличается от подхода предыдущего правительства. Дело не в том, что республиканцы создали искусственную проблему и решили таким образом, себя показать, а в том, что в отличие от предыдущей администрации они меньше беспокоились по поводу российской реакции».

Разумеется, объективного постороннего наблюдателя весь этот пустопорожний шум не мог сбить с толку. Ведь основная цель развернутой в американской прессе кампании была одна — скрыть от общественности многочисленные провалы своих спецслужб, и прежде всего — на российском направлении. А провалов этих за последнее десятилетие было немало. Перечислим только некоторые из них.

21 июля 1992 года в аэропорту Мурманска был задержан американский гражданин Сидней Левитус, у которого после досмотра были изъяты компьютерные дискеты, на которых находились файлы, содержащие секретную информацию об исследованиях в российском секторе Арктики. После изъятия дискеты Левитус был отпущен и отбыл в США.

11 августа 1992 года российскими контрразведчиками в аэропорту Шереметьево был арестован при попытке выехать из страны по поддельным документам сотрудник ГРУ полковник Вячеслав Баранов, завербованный ЦРУ в октябре 1989 года. В ходе следствия Баранов полностью признал свою вину и в декабре 1993 года был осужден на 6 лет лишения свободы.

4 августа 1994 года был арестован сотрудник санкт-петербургского военно-морского НИИ М. З. Финкель. За помощь в организации переезда на постоянное жительство в Америку он передавал сотруднику ЦРУ Джону Саттеру, работавшему под «крышей» консульского отдела посольства США в Москве, секретные материалы о проектных работах по атомным подводным лодкам последнего поколения.

В 1996 году сотрудниками ФСБ был арестован сотрудник МИДа РФ Владимир Макаров. Он работал на ЦРУ с 1976 года, и за это время передал американцам большое количество секретных документов, чем нанес существенный ущерб безопасности СССР и России.

25 ноября 1997 года в Ростовской области был задержан американский гражданин Ричард Блисс. Будучи инженером фирмы «Квалком», он занимался установкой спутниковой связи, а попутно собирал информацию, носящую секретный характер. По

просьбе американских властей в конце декабря 1997 года Блисс был выслан из России.

23 июля 1998 года в городе Александрове Владимирской области сотрудниками ФСБ был арестован агент ЦРУ, бывший гражданин СССР, эмигрировавший в США в 1990 году, Олег Сабаев. Он пытался завербовать своего бывшего товарища, офицера ракетных войск стратегического назначения, но был вовремя обезврежен.

30 ноября 1999 года в Москве возле станции метро «Измаиловская» была задержана кадровая сотрудница ЦРУ, работавшая под «крышей» второго секретаря политического отдела посольства США в России Черри Лебернайт. Одновременно с ней был арестован и агент, на встречу с которым она направлялась и который должен был передать ей материалы военно-стратегического характера, составляющие государственную тайну. Будучи объявлена персоной нон грата, Лебернайт через несколько дней покинула Москву.

5 апреля 2000 года в Москве был с поличным арестован бывший разведчик ВМС США Эдмунд Поуп, проявлявший интерес к новейшим российским разработкам в области военно-морского вооружения. Состоявшийся в декабре суд приговорил Поупа за шпионаж к 20 годам тюремного заключения. Однако указом президента России В. Путина он был помилован и отпущен в США.

Не меньшими были провалы и у американской контрразведки. Это прежде всего продолжительная работа на советскую, а затем и российскую разведку сотрудников спецслужб США Олдрича Эймса, Эрла Питтса, Гарольда Николсона и, наконец, Роберта Ханссена. Развернувшийся в США с начала 90-х годов поиск предателей во многом напоминает события 30-летней давности. Тогда шеф контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон с подачи бежавшего в США в декабре 1961 года майора ПГУ КГБ Анатолия Голицына открыл настолько масштабную охоту на «кротов» внутри американского разведывательного сообщества, что полностью парализовал деятельность ЦРУ и ФБР на советском направлении. Тогда от навязчивых идей Энглтона и Голицына пострадали такие «зубры» ЦРУ как Питер Карлоу, Ричард Кович, Пол Гарблер, Александр Соголов, Василий Гмиркин, Дэвид Мерфи, а также перебежчик из КГБ Юрий Носенко, который более четырех лет провел в полной изоляции, а точнее — под арестом. И в то же время ни одного «крота» Энглтон до своей отставки в 1974 году так и не обнаружил. Недаром один из ветеранов ЦРУ Леонард Маккой, вспоминая об эпохе Энглтона, сказал:

«Отрицательное влияние эпохи Энглтона на управление операциями советского отдела фактически явился опустошающим, стал неизбежной кульминацией давно бытовавшего мнения, что у ЦРУ не могло быть ни одной настоящей операции по Советскому Союзу. Потенциальные объекты вербовки были отвергнуты, реализуемые операции сочтены вводящими в заблуждение (включая и Пеньковского), а перебежчики рассматривались как подосланные КГБ».

Пока что вновь открывшаяся в США охота на «кротов» еще не достигла масштабов 60-70-х годов. Но признаки того, что американские спецслужбы вновь охватила паранойя шпиономании, налицо. Так, в 1996 году жертвой шпиономании стал сотрудник ФБР Марк Маллах, вынужденный в конце концов уволиться из Бюро. А до ареста Ханссена контрразведка разрабатывала одного из сотрудников ЦРУ, которого временно отстранили от работы, отправили в отпуск и даже произвели обыск в его доме и на рабочем месте.

О многом говорит и начавшаяся в конце марта повальная проверка на детекторе лжи сотрудников ФБР и ЦРУ, что, по мнению одного из бывших американских разведчиков, свидетельствует о «массированной охоте на «кротов»». Свято верящие во всесилие передовых научных технологий американцы уверены, что данное мероприятие поможет им изобличить других «кротов», окопавшихся в спецслужбах. Между тем многие специалисты, в том числе и из спецслужб, считают, что с помощью полиграфа выявить шпиона достаточно трудно, но зато легко поломать карьеру сотрудника. Так, президент ассоциации агентов ФБР Джон Сеннет говорит, что опасения профессионалов по поводу тотального применения полиграфа вызваны тем, что они «могут лишиться должности после неубедительных результатов проверки». И действительно, официально считается, что погрешность при интерпретации данных тестирования составляет около 15 процентов. Существуют и более радикальные точки зрения. Например, капитан армии США в отставке Джордж Машке считает тестирование на детекторе лжи антинаучным. «Больше детекторов лжи, — утверждает он, — не означает больше безопасности… Любого можно обучить справляться с полиграфом за несколько минут».

В качестве примера, подтверждающего точку зрения Машке, можно привести случай с офицером ВМС США Дэниелом Кингом. Кинг, служивший в АНБ шифровальщиком, в сентябре 1999 года якобы не прошел регулярную проверку на полиграфе и попал под подозрение в шпионаже. Как потом выяснилось, следователи ВМС обманули Кинга, сказав ему, что результаты теста были

отрицательными — в действительности они были нейтральными и достаточно распространенными. Но несмотря на это в октябре Кинг был подвергнут 19-часовому изнурительному допросу, во время которого ему было предложено «пофантазировать» на тему шпионажа. В результате в 3.30 утра он дал показания, в которых признался, что в 1994 году передавал представителям российских спецслужб сведения секретного характера.

И хотя впоследствии Кинг отказался от своего признания, следователи ВМС в течение полутора лет пытались доказать факт его шпионской деятельности. А когда безрезультатность этих попыток стала очевидной для всех, командование ВМС решило закрыть дело Кинга без формальных проволочек. 9 марта 2001 года специальное совещание ВМС (аналог гражданского жюри присяжных) рекомендовало закрыть дело из-за отсутствия улик, что и было сделано «куратором» данного процесса вице-адмиралом Джозефом Мобли. Интересно, что в пояснительной записке по этому поводу говорилось, что обвинение в шпионаже было «основано исключительно на признании, которое обвиняемый впоследствии неоднократно отрицал. Кроме того, обвиняемый явно намерен оспорить добровольность этого признания, и, похоже, это утверждение имеет под собой определенное основание».

Правда, на этом дело не закончилось. После запроса председателя специального сенатского комитета конгресса США по разведке республиканца Ричарда Шелби, который посчитал, что только неумелые действия следователей ВМС позволили обвиняемому выйти на свободу, генеральный инспектор министерства обороны приступил к проверке обстоятельств расследования дела Кинга. В то же время сам Кинг намерен подать в суд на ВМС за причиненный ему ущерб.

Впрочем, начавшаяся охота на «кротов» уже нанесла американским спецслужбам ощутимые потери. Ее первой жертвой стал высокопоставленный сотрудник разведки Эрик Януцци, чья трагическая гибель тщательно замалчивается в США.

Эрик Януцци пришел в ЦРУ в 1977 году в 22-летнем возрасте после окончания Бриджпортского университета, где он получил диплом бакалавра физических наук. Позднее он защитился, получил ученую степень в области права в Джорджтаунском университете. Именно на стыке этих двух специальностей и складывалась его карьера в ЦРУ.

Свою службу в разведке Януцци начал в научно-техническом директорате в отделе исследований и разработок технических систем, где занимался анализом потребностей службы НТР в разведданных по вооружениям и телеметрии. Способного

молодого человека очень быстро заметили и все чаще стали выдвигать на руководящие посты. Так, одно время он был исполнительным секретарем в аппарате директора ЦРУ, а затем являлся представителем шефа центральной разведки в отделе по науке администрации президента США.

В начале 90-х годов Януцци, пользовавшийся большим авторитетом как в разведке, так и среди ученых в аппарате президента, создал и возглавил в директорате НТР ЦРУ группу по внедрению достижений частного сектора американской промышленности в практику работы разведки. Обосновывая необходимость такого подразделения, Януцци утверждал: «Как ведомство, работа которого базируется на информации, ЦРУ должно быть на острие информационных технологий для того, чтобы успешно выдерживать конкуренцию и обеспечивать потребителей своевременной и качественной аналитической продукцией». Считая, что ЦРУ слабо представляло свои потребности в информационных технологиях, он очень много сделал для того, чтобы оснастить ими управление.

В середине 90-х годов Януцци был назначен представителем ЦРУ в Совет национальной разведки, где занял пост заместителя начальника отдела стратегических и ядерных программ. В функции отдела, которым с 1998 года руководил Роберт Уэлпол, бывший начальник Центра по контролю за нераспространением ядерных и ракетных технологий информационного директората ЦРУ, входили сбор и анализ информации для выявления кризисных ситуаций и снижения опасности ядерной угрозы США. Каждые три месяца отдел представлял руководству сводку об «окнах уязвимости» США. Следует отметить, что в 2000 году именно отдел Януцци подготовил для директора ЦРУ Дж. Тенета доклад «Всемирные угрозы в 2000-е годы: глобальная реальность и наша национальная безопасность». В нем Россия наряду с Китаем и Северной Кореей была названа как поставщик компонентов баллистических ракет и ракетных технологий для Ирана. Кроме того, в докладе Россия была признана одним из очагов международной организованной преступности, которая занимает в самой России важные позиции в экономике.

Однако основным направлением деятельности Януцци продолжало оставаться внедрение новейших информационных технологий (ИТ) в разведку. По его глубокому убеждению, в 90-е годы перед ЦРУ возникла проблема адекватного ответа на технологический вызов не только со стороны иностранных государств, но и транснациональных коммерческих структур. Во многом по его настоянию и при поддержке директора ЦРУ Тенета, начальника Научно-технического директората доктора

наук Руфь Дэвид и ее заместителя Джоанн Исхэм в начале 1998 года внедрение ИТ было включено в список приоритетных задач ЦРУ. Для этого уже осенью 1998 года в составе ЦРУ был создан Центр поисковых систем (QIC).

Но это было только первым шагом в осуществлении замыслов Януцци. Он считал, что в эпоху Интернета ЦРУ может успешно конкурировать с частным бизнесом и получить ключ к новейшим ИТ лишь тогда, когда станет не только заказчиком и покупателем, но и продавцом некоторых своих разработок в области ИТ. Поэтому вторым шагом стало образование в рамках ЦРУ в сентябре 1999 года секретного подразделения In-Q-Tel, которое входило в директорат НТР. Шефом этого нового подразделения стал Джилман Луи, а первым начальником отдела деловых операций Януцци. Разумеется, формально In-Q-Tel имеет некоммерческий статус. Однако, имея своей задачей обеспечение ЦРУ всеми наиболее важными и передовыми ИТ, оно действует по законам рынка. В результате у ЦРУ появилась возможность на коммерческой основе ставить перед компаниями Силиконовой Долины интересующие управление задачи, а также обеспечивать частный сектор заказами.

Как уже говорилось, арест Ханссена и последовавшая за ним компания по тотальной проверке сотрудников американских спецслужб отрицательно сказались на многих из них. Но то, что произошло 3 апреля, повергло многих в состояние шока. В этот день в 3 часа дня один из членов семьи Януцци обнаружил его мертвым в собственном доме в округе Фейрфакс, штат Виргиния. Рядом с телом находилась предсмертная записка, в которой Януцци выражал чувства любви к своей семье, но ни словом не обмолвился о причинах своего самоубийства. О том, что произошло именно самоубийство, говорит отчет судмедэкспертов, зафиксировавших после вскрытия смерть от удушья. О самоубийстве Януцци стало известно только 6 апреля, когда журналист газеты «Вашингтон пост» Вернон Лойб на 19-й полосе поместил небольшое сообщение о случившемся.

Сообщение Лойба о смерти Януцци было первым и последним в американских СМИ. Известно только, что потрясенный случившимся директор ЦРУ Джордж Тенет обратился к сотрудникам управления с заявлением, в котором назвал произошедшее большой потерей и отозвался о Януцци как о человеке, который «был уважаемым, талантливым и отзывчивым офицером».

Такая необычная секретность вокруг самоубийства Януцци породила множество версий. По одной из них он покончил с собой, когда агенты ФБР пришли арестовывать его как русского

шпиона, по другой его убили киллеры, нанятые отвергнутой им женщиной. Все версии перечислять бесполезно. Но скорее всего Януццы пошел на этот шаг из-за развернувшейся в спецслужбах США охоты на «кротов», когда неоднозначная информация может дискредитировать и погубить любого, даже заслуженного работника. А Януцци, по роду своей работы контактировавший со многими коммерческими структурами, вполне мог опасаться, что проверка на полиграфе даст именно такие результаты.

Самоубийство Януцци вызвало неожиданную реакцию среди сотрудников ЦРУ. Через некоторое время после него более 20 действующих и бывших работников управления подали на родное ведомство в суд. В исковом заявлении они указали, что руководство ЦРУ, проводя проверки сотрудников на детекторе лжи, результаты которых во многом субъективны, нарушает их права. А по итогам этих проверок принимались необоснованные решения о служебном соответствии сотрудников. Но, и это следует отметить особо, все подписавшие иск фигурируют в нем под псевдонимами, кроме некоего Джона Спинелли, раненного во время миротворческой операции в Сомали.

Таковы на сегодняшний день некоторые итоги дела Ханссена. Разумеется, в США не только ловят «кротов», но и пытаются реорганизовать свои спецслужбы, дабы по возможности полностью исключить появления в их рядах очередных предателей. Этот процесс, необходимый для любой спецслужбы, естественно, проходит довольно болезненно. Достаточно будет сказать, что в июле подал в отставку директор ФБР Луис Фри, отработав на этом посту только 8 из положенных 10 лет. Его место занял 56-летний Роберт Мюллер, федеральный прокурор Сан-Франциско.

Необходимо отметить, что Мюллер — потомственный республиканец. Свою первую должность — федерального прокурора Бостона — бывший командир взвода морской пехоты, награжденный за вьетнамскую войну медалью «Бронзовая звезда» и орденом «Пурпурное сердце», занял при президенте Рональде Рейгане в 1986 году. В 1990 году президент Буш-старший назначил его заместителем министра юстиции по делам уголовных расследований. На этом посту Мюллер отличился тем, что отправил за решетку на пожизненный срок главу одного из самых мощных мафиозных кланов Нью-Йорка Джона Готти, а также тем, что успешно провел обвинение против свергнутого и доставленного в США бывшего президента Панамы Мануэля Норьеги, осужденного на пожизненные заключение за торговлю наркотиками.

Мюллер, безусловно, заслуженный человек. Но хватит ли ему

сил и авторитета остановить поиски «кротов» и вернуть ФБР имидж неподкупного стража безопасности американцев, неизвестно. Но ему все же лучше будет заниматься этим трудным делом, чем дудеть в дуду тех капитолийских «ястребов», которые так и не уяснили, что мир после 1991 года кардинально изменился.

Приложения

Приложение № 1

Из законов об американском разведсообществе

Из закона о национальной безопасности 1947 г.

(…)

Статья 102

а) Этим актом учреждается Центральное разведывательное управление, подчиненное Совету национальной безопасности и директору центральной разведки, который будет являться главой данного Управления. Директор будет назначаться президентом по совету и с согласия сената из военнослужащих или из гражданских лиц…

С целью координации разведывательной деятельности нескольких правительственных департаментов и ведомств в интересах национальной безопасности Управлению, действующему под руководством Совета национальной безопасности, вменяется в обязанности:

1) Консультировать Совет национальной безопасности о делах, касающихся разведывательной деятельности правительства, которая относится к национальной безопасности;

2) Составлять рекомендации президенту и Совету национальной безопасности по координации такой разведывательной деятельности департаментов и ведомств правительства, которая относится к национальной безопасности;

3) соотносить и оценивать разведывательную информацию, относящуюся к национальной безопасности и обеспечивать распространение такой развединформации внутри правительства, используя по мере возможности существующие службы и возможности; установлено, что Управление не будет иметь полицейских и правоприменительных функций, включая вызов в суд и надзор за исполнением законов о внутренней безопасности; далее установлено, что департаменты и другие ведомства правительства будут продолжать самостоятельно собирать, оценивать, анализировать и распространять департаментскую разведывательную информацию; установлено далее, что директор центральной разведки будет ответственен за защиту источников разведывательной информации и методов ее получения от неправомерного рассекречивания;

4) выполнять для существующих разведывательных служб такие дополнительные услуги общего значения, которые по мнению Совета национальной безопасности могут быть более эффективно выполнены в централизованном порядке;

5) выполнять другие функции и обязанности, относящиеся к разведывательной деятельности, касающиеся национальной безопасности, которые Совет национальной безопасности время от времени может определить.

Из директивы 10/2 Совета национальной безопасности об учреждении офиса специальных проектов 1948 г.

1. Совет национальной безопасности, принимая во внимание враждебную тайную деятельность СССР, его стран-сателлитов и коммунистических групп, направленную на дискредитацию и провал усилий и деятельности Соединенных Штатов и других западных держав, пришел к решению, что в интересах мира на земле и безопасности США открытая зарубежная деятельность правительства США должна быть дополнена тайными операциями.

2. Центральное разведывательное управление уполномочено Советом национальной безопасности проводить разведывательные и контрразведывательные операции за рубежом. По соображениям оперативности желательно не создавать нового агентства для тайных операций, а возложить ответственность за их проведение в мирное время на Центральное разведывательное управление и соотнести их с разведывательными и контрразведывательными операциями под общим контролем директора центральной разведки.

3. Поэтому, основываясь на статье 102 /а/ /5/ Акта о национальной безопасности 1947 года, Совет национальной безопасности постановляет, что в мирное время:

(а) Будет создан новый офис в составе Центрального разведывательного управления для планирования и проведения тайных операций, и он согласованно с Комитетом начальников штабов будет планировать, готовить и проводить такие операции в военное время.

(в) На должность шефа офисов специальных проектов будет назначаться высококвалифицированное лицо, подобранное государственным секретарем, которое будет приемлимо для директора центральной разведки и одобрено Советом национальной безопасности.

(с) Шеф офиса специальных проектов должен докладывать прямо директору центральной разведки… Офис специальных проектов будет работать независимо от других подразделений Центрального разведывательного управления.

4. Под использованным в данной директиве термином «тайные операции» понимается вся (за исключением здесь указанной) деятельность, которая проводится или организуется

(финансируется) правительством против враждебных держав или групп, но которая планируется и исполняется таким образом, что исключает любую ответственность правительства США или официальные полномочия исполнителей; и в случае раскрытия правительство США может во всеуслышание отказаться от ответственности за них. В частности, такие операции будут включать в себя любые тайные операции, относящиеся к пропаганде, экономической войне, превентивному прямому действию, включая саботаж, антисаботаж, мерам уничтожения и пересылки (эвакуации), подрывной деятельности против враждебных государств, включая помощь движениям подпольного сопротивления, партизанам и эмигрантским освободительным группам, поддержке местных антикоммунистических элементов в странах свободного мира, находящихся под угрозой. Такие операции не должны включать вооруженный конфликт опознанными вооруженными силами, разведку и контрразведку, а также маскировку и прикрытие военных операций.

Из исполнительного приказа № 12333 об управлении разведывательной деятельностью 1981 г.

Своевременная и точная информация о деятельности, возможностях, планах и намерениях иностранных государств, организаций и лиц и их агентов жизненно важна для национальной безопасности Соединенных Штатов. Все разумные и законные средства должны быть использованы для обеспечения того, чтобы Соединенные Штаты получили наилучшую разведывательную информацию. Для этой цели властью и полномочиями, данными мне Конституцией и законами Соединенных Штатов Америки, включая АКТ о национальной безопасности 1947 года, как президент Соединенных Штатов Америки с целью обеспечения эффективного проведения разведывательной деятельности Соединенных Штатов и защиты конституционных основ приказываю следующее:

Часть I. Цели, направления, обязанности и ответственность по отношению к усилиям по проведению национальной разведки.

1.1.Задачи. Усилия Соединенных Штатов по проведению разведки должны обеспечивать президента необходимой информацией, которая послужит основанием для решений, касающихся проведения и развития внешней оборонной и экономической политики, а также защиты национальных интересов Соединенных Штатов от угроз безопасности, исходящих извне. Все департаменты и агентства должны сотрудничать наиболее тесным образом для выполнения этой задачи.

(a) Основное усилие должно быть направлено на создание аналитического соревнования между соответствующими элементами разведывательного сообщества.

(b) Все средства, сообразные с соответствующим законодательством Соединенных Штатов, с данным приказом и с полным учетом прав граждан Соединенных Штатов, должны быть использованы для получения разведывательной информации для президента и Совета национальной безопасности. Должен быть установлен и развиваться сбалансированный подход между усилиями по техническому сбору разведывательной информации и другими средствами.

(c) Особое внимание должно уделяться обнаружению шпионажа и противодействию ему, другим угрозам и деятельности, направляемой иностранными разведывательными службами против правительства Соединенных Штатов или корпораций Соединенных Штатов, учреждений, граждан.

(d) Все специальные службы и департаменты должны сообразно с соответствующим законодательством Соединенных Штатов, данным приказом и с полным учетом прав граждан Соединенных Штатов искать пути для обеспечения обмена имеющейся у них информации с целью получения максимальной пользы от разведывательных усилий Соединенных Штатов.

(…)

1.4. Разведывательное сообщество. Агентства, входящие в состав разведывательного сообщества, должны в соответствии с законодательством Соединенных Штатов и в соответствии с положениями настоящего приказа проводить разведывательную деятельность, необходимую для осуществления внешнеполитической деятельности и обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов, включая:

(a) Сбор информации, необходимой президенту, СНБ, госсекретарю и министру обороны и другим официальным представителям исполнительного аппарата для выполнения ими своих обязанностей.

(b) Анализ и распространение разведывательной информации.

(c) Сбор информации, параллельной основной разведывательной деятельности, включая проведение мероприятий по защите от международного терроризма и международных операций с наркотиками, другой враждебной деятельности, проводимой против Соединенных Штатов иностранными державами, организациями, лицами и их агентами.

(d) Специальная деятельность…

(…)

(f) Другую разведывательную деятельность, которую время от времени может санкционировать президент.

1.5. Директор ЦРУ. Для выполнения обязаностей, предписанных законом, директор ЦРУ будет подотчетен прямо президенту и СНБ и должен:

(a) Действовать как первый советник президента и СНБ по национальной зарубежной разведке и обеспечивать президента и других официальных лиц исполнительного аппарата данными по национальной зарубежной разведке.

(b) Разрабатывать такие цели и руководства для разведывательного сообщества, которые увеличивали бы возможности своевременного реагирования на ожидаемые в будущем потребности национальной зарубежной разведки.

(c) Содействовать развитию и поддержке услуг общего значения для разведывательных организаций сообщества.

(d) Обеспечивать проведение специальной деятельности.

(e) Формулировать политику, касающуюся договоренностей по зарубежной разведке и контрразведке с иностранными государствами; координировать зарубежные разведывательные и контрразведывательные отношения между службами разведывательного сообщества и разведывательными службами или службами внутренней безопасности иностранных правительств; устанавливать процедуры, определяющие проведение контактов любым из департаментов или агентств со службами по борьбе с наркотиками.

(f) Участвовать в выработке документов и процедур, санкционируемых министром юстиции, регламентирующих разведывательную деятельность по преступным операциям с наркотиками за границей при условии того, чтобы эта деятельность была совместима с зарубежными разведывательными программами.

(g) Обеспечивать выработку разведывательным сообществом общих правил безопасности и доступа для работы с зарубежными разведывательными системами, информацией и продуктами разведки.

(h) Производить разработку программ по защите разведывательных источников, методов и аналитических операций…

(l) Осуществлять своевременное использование и распространение данных, собранных средствами национальной зарубежной разведки, и обеспечивать немедленное распространение конечных разведывательных данных среди соответствующих органов.

(m) Устанавливать форму реализации целей и приоритетов национальной зарубежной разведки, одобренных СНБ, посредством выработки руководящих начал для разведывательного сообщества, разрешать конфликты при распределении заданий, обеспечивать департаментам и агентствам возможность сбора информации, если они не включены в Национальную программу по зарубежной разведке.

(n) Ставить задачи перед департаментами и агентствами, имеющими возможности по сбору информации, но не включенными в Национальную программу по зарубежной разведке, по вопросам, касающимся сбора национальной зарубежной разведывательной информации; обеспечивать разработку планов и договоренностей для передачи требуемых полномочий, ставить задачи по сбору информации министру обороны, когда это прикажет президент…

(p) Контролировать выполнение и, если это необходимо, проводить пересмотр программы и ее выполнения.

(q) Работать вместе с министром обороны над тем, чтобы не было ненужных противоречий между Национальной программой по зарубежной разведке и разведывательными программами министерства обороны. В целях стимулирования соревновательности аналитической работы предоставлять министру обороны всю необходимую информацию.

(r) В соответствии с законом и соответствующими процедурами, санкционированными министром юстиции и в соответствии с этим приказом давать главам департаментов доступ ко всей разведывательной информации, получаемой ЦРУ или подразделениями штаба директора ЦРУ и относящейся к нуждам департаментов и агентств по национальной разведке.

(s) Способствовать использованию конгрессом национальной разведывательной информации при соблюдении требований безопасности.

(…)

1.8. Центральное разведывательное управление. Все обязанности ЦРУ должны соотноситься с разведывательными функциями, указанными ниже. В соответствии с предписаниями этого приказа, Акта о национальной безопасности 1947 г. с внесенными поправками, с соответствующими директивами и другими нормативными актами ЦРУ должно:

(a) Собирать и распространять зарубежную разведывательную и контрразведывательную информацию, включая такую информацию, которую получить другими путями не представляется возможным. Сбор зарубежной разведывательной и контрразведывательной информации на территории США должен

быть согласован с ФБР, как это требуется в соответствии с процедурами, установленными по договоренности между директором ЦРУ и министром юстиции.

(b) Собирать, обрабатывать и распространять разведывательную информацию по международным аспектам производства и перевозки наркотиков.

(c) Проводить разведывательную деятельность за пределами Соединенных Штатов без взятия на себя и выполнения каких-либо функций по внутренней безопасности. Проводить контрразведывательную деятельность в пределах Соединенных Штатов в согласованном порядке с ФБР, как это требуется в соответствии с процедурами, установленными по договоренности между директором ЦРУ и министром юстиции.

(d) Координировать контрразведывательную деятельность и сбор информации которую невозможно получить другим путем, при проведении разведывательной деятельности вне пределов Соединенных Штатов другими департаментами и агентствами.

(e) Проводить специальную деятельность, одобренную президентом.

(f) Предоставлять услуги общего значения для разведывательного сообщества, как это устанавливается СНБ.

(g) Выполнять и заключать контракты по научной разработке, производству и закупке технических систем и устройств, относящихся к предписанным функциям.

(h) Обеспечивать безопасность установок, деятельности, информации, собственности и сотрудников соответствующими средствами, включая расследования по подателям заявлений, сотрудникам, лицам, состоящим в контакте, и другим лицам, состоящим в подобных ЦРУ организациях, которые будут необходимы.

(i) Проводить такую административную и техническую деятельность по поддержке в пределах Соединенных Штатов и за их пределами, которая необходима для выполнения функций, описанных в приведенных выше пунктах от (a) до (h), включая закупку и необходимое прикрытие и договоренности по вопросам собственности.

Приложение № 2

Из интервью американского журналиста Пита Эрли с генерал-майором Службы внешней разведки России в отставке Б. А. Соломатиным

— Вы задали мне много вопросов, и жаль, что я не могу полностью ответить на все, ибо в этом случае мне пришлось бы написать целую книгу. Но, прежде всего, позвольте рассказать немного о себе. Родился я в 1924-м, в год смерти Ленина, в семье военнослужащего. Меня воспитали в патриотическом духе, и я верил в превосходство советской системы. Старшие говорили людям моего поколения, что если мы будем упорно трудиться, то скоро наступит рай на земле. Мы верили в это всем сердцем.

Вот так я был воспитан, и в середине 1942 года, на второй день после окончания средней шкалы, ушел добровольцем на фронт — воевать с немцами. Мне было 17 с половиной. По законам, действовавшим в то время, я не подлежал призыву, по крайней мере еще несколько месяцев. Но под угрозой была судьба страны, и я решил, что не могу ждать. Моя мать, истинно русская женщина, благословила меня.

В годы войны я был командиром взвода полковой артиллерии. Воевал в Польше и Германии. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. После войны учился в Московском институте международных отношений. По его окончании в 1951 году меня приглашали на работу в министерство иностранных дел, но я выбрал службу во внешней разведке. И оставался на этой службе до 1988 года, когда и ушел в отставку. Такова моя жизнь. Жена — научный работник. У меня две дочери и внук, которого я стараюсь воспитать как настоящего русского человека.

— Расскажите, пожалуйста, как вы встретились с Джоном Уокером.

— Важно знать, что нам не пришлось искать его. Джон Уокер по собственной воле пришел в посольство СССР в Вашингтоне и попросил встречи с сотрудником, отвечающим за вопросы безопасности. Он представился уорент-офицером военно-морских сил, который имеет доступ к секретным документам, и сказал, что хотел бы продать эти документы. Он ничего не говорил о любви к Советскому Союзу или о том, что он разделяет идеалы коммунизма. Он ясно сказал, что хочет денег.

— Как вы убедились, что это не двойной агент, подосланный к вам ЦРУ или ФБР?

— Разумеется, эти службы регулярно подсылали нам

«двойников». Но Уокер показал месячный ключ к шифру для одной из ваших шифровальных машин. Это было крайне необычно, и я решил рискнуть по-крупному. Имейте в виду, что резидент КГБ, как и глава резидентуры ЦРУ, как правило, не беседует напрямую с добровольцами, которые приходят в посольство. Но в данном случае Уокер предлагал нам шифры, а это самый важный объект разведки.

— Главная цель?

— Именно. И я решил лично поговорить с ним, составить собственное впечатление об этом человеке, чтобы решить, будем ли мы работать с ним в будущем. Должен сказать, что я люблю рисковать, разумеется рисковать разумно. И уверен, без риска не может быть действительно результативной разведки.

Поэтому я плюнул на все правила и инструкции и в течение двух часов беседовал с Уокером один на один. Конечно, на первой встрече я не мог полностью убедиться, что он не двойной агент, не подослан контрразведкой, но интуиция подсказывала мне, что Уокер не «двойник». Интуиция — это, конечно, не случайная догадка, она требует накопления достаточных знаний и практического опыта, в данном случае разведывательной работы. К тому времени я уже проработал в разведке 16 лет.

Сотруднику разведки, чтобы не остаться в дураках, нужно, прежде всего, хорошо знать разведываемую страну, знать, что там секретно, а что нет. Следует задать себе такой вопрос: нанесет ли предлагаемая информация вред стране, которую представляет человек, передающий ее? Я не знал тогда и сейчас все еще не знаю ни одного примера, когда какая-нибудь контрразведка использовала в качестве двойного агента человека, имеющего доступ к шифровальному делу. Шифры и шифровальная техника слишком важны и слишком секретны, чтобы кто-нибудь стал рисковать ими, даже если используются ложные шифры.

— Когда Джон Уокер первый раз пришел в советское посольство? Он утверждает, что не помнит, и ФБР не имеет точных сведений. Дата его посещения может иметь важное значение.

— Я удивлен, что он позабыл. Я не вел дневника, но эту дату никогда не забуду, хотя бы потому, что последовало за этим. Это было в октябре 1967 года.

— Так это было значительно раньше, чем сообщалось? И означает, что Уокер шпионил на КГБ с конца 1967 года до середины 1985-го, то есть 17 лет. Должно быть, рекордный срок. Это также означает, что он стал шпионом за три месяца до того, как американский военный корабль «Пуэбло» был захвачен у берегов Северной Кореи в январе 1968 года. Мы знаем, что

северокорейцы захватили шифровальную машину KW-7, которая находилась на этом корабле. В то время KW-7 широко применялась в рамках всей военной системы США: ВМС, армия, ВВС, морская пехота и даже ЦРУ использовали ее для передачи сообщений. Если Уокер передал вам шифры, а северокорейцы — шифровальную машину, то вы получили все, что нужно для расшифровки наших военных секретов. Они передали вам KW-7?

— Я не пытаюсь предстать человеком, который знает все, что происходит в разведке, как это делают в своих книгах некоторые бывшие офицеры. В разведке и контрразведке только человек, который возглавляет эти службы, знает все. Я говорю об этом потому, что все вопросы, связанные с шифрами и шифровальными машинами, находились в ведении другого управления КГБ, вроде вашего Агентства национальной безопасности, которое работает совершенно отдельно от ЦРУ. Но я могу сказать вам одно: передали ли нам северокорейцы KW -7 или нет, в действительности не имеет значения. Потому что в своей книге о Джоне Уокере вы пишете, что он и его друг Джерри Уитуорт передали КГБ технические документы, которые нужны для воссоздания KW-7 и других шифровальных машин. Уокер признал на допросах в ФБР, что он сделал это. Вы понимаете, что это значит? Более 17 лет Уокер обеспечивал возможность читать ваши наиболее важные военные секреты. В истории шпионажа последнего времени, пожалуй, не было провала в области безопасности связи такого масштаба и такой продолжительности во времени.

На Западе узнали о Джоне Уокере после суда над ним. В США снят фильм о его истории, были опубликованы четыре книги, сотни статей в газетах и журналах.

Возможно, период с 60-х до середины 80-х годов и был периодом застоя. Но, как показывает дело Уокера (и многие другие дела), это не относилось к советской разведке. Мы регулярно обеспечивали советское руководство первоклассной информацией. Насколько эффективно она использовалась? Не мне судить. Все, что профессиональный разведчик может сделать, это предоставить информацию политическому руководителю. Кстати, эффективное использование развединформации — не только наша проблема, я уверен, это проблема и для Америки. Мы можем дать нашим руководителям только то, что добываем, но не можем заставить их действовать.

— Итак, Джон Уокер был самым важным шпионом КГБ — вы это хотите сказать?

— Был ли он самым важным? Вопрос поставлен некорректно. Каждый серьезный источник имеет свою специализацию, и

выбирать из всех только одного было бы неправильно. Что касается военно-стратегической информации, особенно информации о главном компоненте атомной триады США — подводных лодках с ядерными ракетами, то да, пожалуй, его можно назвать самым важным. Во время «холодной войны» американцы считались нашими главными противниками, и в то время, когда нервы правителей обеих сверхдержав были напряжены до предела, мы действительно зависели от информации, которую Уокер передавал нам. Процитирую один из документов — меморандум, который представил в суд бывший руководитель военно-морской разведки США адмирал Студеман:

«Уокер создал мощные предпосылки к победе в войне для советской стороны». Вы, американцы, любите называть его «шпионом века». Возможно, вы правы.

— Почему вы не использовали эту информацию и не напали на Соединенные Штаты?

— Глупый вопрос. Почему вы полагаете, что эта информация важна только в том случае, если бы мы собирались напасть? В определенном плане Джон Уокер помог обеим странам избежать ядерной катастрофы. Каким образом, спросите вы? Потому что дал нам возможность понять ваши истинные намерения. Вы не могли блефовать, коль скоро мы читали ваши телеграммы. И это помогало нам определять, когда вы хотели воевать, а когда просто «надували щеки», то есть делали вид, будто намерены воевать. Этот аспект шпионажа часто недооценивают. Иногда бывает хорошо, когда обе стороны знают, что в действительности делает противник.

— Как вы смогли сохранять сеть Уокера в тайне в течение столь долгого времени?

— Не вижу в этом ничего необычного, особенно потому, что вы нам помогали.

— Что вы имеете в виду — то, что ВМС очень халатно относились к обеспечению безопасности?

— Не только ВМС. ФБР тоже. Напротив нашего посольства в Вашингтоне, на другой стороне улицы, сидели агенты ФБР и фотографировали каждого, кто входил в здание, но они не засекли Уокера. А теперь серьезно — как это стало возможно? Прежде всего потому, что вся работа с нашей стороны была проделана должным образом. Я сказал бы — на высшем уровне. Московский центр и связники Уокера сделали все, чтобы он был неуязвим.

— Да, ваши люди действовали очень обстоятельно.

— Мы, к примеру, крайне ограничили число лиц, которые знали о нем. В Москве, в Центре, его имя было известно только

небольшой группе людей на самом верху. Все эти очень серьезные меры привели к тому, что американцам не было передано никакой информации о нем. Теперь не секрет, что даже в нашем управлении КГБ были шпионы, работавшие на ЦРУ! Они могли бы разоблачить Уокера, если бы узнали о нем. И тот факт, что он не был раскрыт, показывает, что мы хорошо выполняли свою работу. Я считаю, в работе с Уокером с нашей стороны практически не было ошибок. И он бы мог по-прежнему работать с нами до сегодняшнего дня, если бы сам был осторожнее — не тратил расточительно деньги, решил бы проблемы с женой и прочее.

— Делились ли вы информацией, полученной от Уокера, с другими странами? В частности, были ли известны цели наших бомбардировок северовьетнамцам заранее — ведь КГБ знал наши военные секреты?

— Понимаю, что этот вопрос очень важен для вас и было много предположений на эту тему. В мое время имела место практика передачи ведущей страной, то есть Советским Союзом, некоторой разведывательной информации нашим союзникам по Варшавскому Договору и другим членам так называемого социалистического лагеря. Вьетнам не был членом Варшавского пакта, но он был одним из членов социалистического лагеря. Передача информации контролировалась на самом высоком уровне. Это могло быть сделано только с санкции одного из заместителей начальника Первого Главного Управления. Я был одним из них, поэтому лично знаю, как это делалось. И могу сказать, что мы давали не так много информации нашим союзникам. Она всегда излагалась лишь в общих чертах. Вы можете представить себе, что мы проявляли особую осторожность в целях защиты таких источников, как Уокер. Передача вьетнамцам в любой форме сведений, полученных нами от него, противоречила нашим интересам, поскольку это могло привести к его разоблачению. И рисковать таким образом было бы глупо. Простите, но мы, прежде всего, думаем о своих интересах. Уверен, если бы американцы были на нашем месте, они поступили бы точно так же. Исходя из того, что я вам только что сказал, вы можете сделать свои выводы, и если решите, что мы не передавали информацию, полученную от Уокера, вьетнамцам или другим нашим союзникам, то сделаете правильный вывод.

Предполагаю, что в Америке найдутся люди, которые не поверят мне, услышав, что Уокер не несет ответственности за ваши неудачи, связанные с бомбардировками во Вьетнаме. Я рассказываю, что знаю, и логика должна подсказать вам, что это правда. Уокер был слишком важен для нас, чтобы мы пошли на

риск его расшифровки.

— Были ли вы удивлены, когда его арестовали?

— Разумеется, да и в то же время нет. Каждый арест более или менее неожидан и в то же время к нему нужно быть готовым. Как правило, не потому, что ошибки делаем мы, а потому, что их делают люди, работающие на нас. Мы всем даем советы и предупреждаем, но они редко слушают. Это в их характере — не слушать предупреждений.

— Что вы имеете в виду?

— На мой взгляд, Уокер был незаурядным человеком — талантливым, с хорошим чувством юмора. Всегда хотел быть в центре внимания, крайне честолюбив, ничто не могло вызвать у него чувство стыда. Он был даже циничным. Как обычно случается с такими людьми, его подвела исключительная самоуверенность. Те черты характера, которые дали ему возможность так успешно шпионить на нас, стали и главной причиной, которая привела его к аресту. И это всегда случается, когда речь идет о таких людях. Они становятся беспечными, потому что верят, что умнее своих начальников, более талантливы и даже неуязвимы.

— Существует различие между русскими, которые предают свою страну, и американцами, совершившими измену? Различаются ли их мотивы и характеры?

— Различия очень большие. Наши предатели — это действительно предатели, а тех, кого вы называете предателями, мы называем, ну, скажем, людьми доброй воли. Так делают обе стороны. Они видят то, что хотят видеть. Мы делаем героев из тех, кто помогает нам, и проклинаем тех, кто предает нас.

Что касается мотивов, то романтики здесь мало. Первый и самый главный — деньги. Только один человек был не таким — Соутер. Он пришел к нам не из-за денег. Он действительно верил в превосходство советской идеологии, системы, так же как и Ким Филби — знаменитый британский разведчик. Но в наши дни большинство агентов — люди, работающие за наличные.

— Считаете ли вы, что российское правительство имеет какие-либо обязательства перед Джоном Уокером?

— В ответ на ваш вопрос я бы сказал, что возможные шаги со стороны нашего правительства по оказанию помощи Джону Уокеру — сфера не моей компетенции. Сейчас для Уокера уже довольно поздно просить нас о помощи. Однако история нашей разведки свидетельствует: мы всегда помогаем своим друзьям. Это относится и к нему, и к тем людям, которые последуют за ним.

— Разрешите задать еще несколько вопросов о шпионской

группе Уокера. Джон завербовал своего лучшего друга Джерри Уитуорта, своего брата Артура Уокера и затем подготовил для шпионажа своего сына Майкла Уоке- ра. Кто причинил самый большой вред США?

— Джон Уокер и Джерри Уитуорт были очень ценными агентами, но, я думаю, нет абсолютно никакого сравнения между их информацией и информацией, которую передавали два других агента — брат и сын Уокера. Информация последних была менее ценной. Она не шла ни в какое сравнение с шифрами, которые доставали Уокер и Уитуорт.

— Хотя вы говорите, что не знакомы с делом Эймса, разрешите задать гипотетический вопрос: если бы Эймс был шпионом КГБ, как бы вы сравнили информацию, которую передавал он, с информацией Джона Уокера?

— Я бы не стал сравнивать дело Эймса с делом Уокера. Они действовали в различных областях разведки. Уокер передавал военно-стратегическую информацию, шифры. А Эймс, судя по сообщениям газет, — большей частью информацию из области контрразведки: имена русских, работавших на ЦРУ. Разумеется, оба были источниками важной информации. Но результаты их деятельности очень отличаются. Информация, поступавшая от Эймса, могла быть использована для разоблачения предателей. Это одноразовое событие. Информация же Уокера не только снабжала нас текущими разведывательными данными, но в течение продолжительного времени помогала понять и изучить, как в действительности работает военная система США.

— Считаете ли вы, что у обоих были сходные характеры?

— Вы встречались с обоими и поэтому, вероятно, должны сами ответить на свой вопрос. Я не знаю характера Эймса, поэтому не могу сравнивать его с Уокером. И все же, думается, у них есть что-то общее. Прежде всего, по складу характера оба авантюристы. Оба хотели денег. И наконец, оба наделали массу ошибок, что и привело к их аресту.

Раз уж мы заговорили об Эймсе, то хотел бы сказать несколько слов об атмосфере, которая создалась после его ареста. Вспомните, вся Америка возмущалась Россией. Вспомните гневное заявление о нашем шпионаже, которое сделал президент Клинтон. Вспомните, что он приказал выслать из США несколько наших людей и даже отправил специальную группу сотрудников ЦРУ в Москву, где она потребовала, чтобы ее допустили к нашим документам. Вспомните гневные речи в конгрессе и угрозы прекратить оказание нам американской помощи. Так вот, я хотел бы спросить вас: зачем весь этот шум? Остановитесь и подумайте. Вы действительно надеетесь, что мы, русские, поверим, будто в

Лэнгли находится этакий тихий, маленький монастырь, где добрые безобидные монахи проводят все свое время в молитвах? Господа, прежде чем так громко протестовать, посмотрите лучше на себя! Почему русские, которых Эймс будто бы выдал, были казнены или посажены в тюрьму? Ответ прост — они шпионы. А для кого они шпионили? Для ЦРУ, для того самого правительства и того самого президента, которые сейчас так возмущены, потому что был пойман Эймс, шпионивший на нас. Почему вам можно шпионить за нами, а нам шпионить за вами нельзя?!

И еще один момент. На мой взгляд, великая держава, такая как Соединенные Штаты, должна с достоинством признать свое поражение и не протестовать перед лицом всего мира, когда поймают какого-либо шпиона. Великая держава не должна вести себя как ребенок, который топает ногами, когда кто-то отнимает у него его новую игрушку. Надеюсь, ваши руководители вспомнят о делах Пеньковского, Полякова, Толкачева и многих других. Я думаю, вы должны следовать нашему примеру. Мы восприняли эти поражения без истерики и с достоинством.

— Да, но вы их казнили…

— В то время таков был наш закон. Я не говорю вам, что делать с Уокером и Эймсом. А ведь многие в Америке хотят, чтобы их казнили.

— Сейчас, когда «холодная война» закончена, считаете ли вы, что Соединенные Штаты и Россия должны прекратить шпионить друг против друга?

— Деятельность разведывательных служб обеих стран не прекратится никогда. Но окончание «холодной войны» дает нам возможность положить конец применению нецивилизованных методов.

— Пожалуйста, разъясните.

— Наши страны должны установить пределы — что можно делать в разведке и что нельзя. Должен существовать нравственный и этический кодекс, который распространялся бы на все страны. Например, следует полностью отказаться от таких методов, как применение силы при вербовке.

— Вы имеете в виду угрозы вербуемым?

— Да, физические угрозы, шантаж. Все это должно быть исключено. Следует покончить с применением психотропных препаратов. Мы не должны прибегать к опасным тайным действиям, которые могут встревожить весь мир. Я говорю о свержении правительств, убийствах руководителей других стран, об экстремальных пропагандистских кампаниях, терроризме. Я бы сказал, что многие из этих действий вряд ли практикуются сейчас, особенно новой российской разведкой.

— Вы думаете, что ЦРУ применяет такие методы?

— Почитайте ваши книги по истории. Расследования, проводимые конгрессом в 70-х годах, показали, что ЦРУ применяло их. Но большинство подобных методов редко используется в наши дни. Это мое мнение. Знаю, как работала разведка, когда был в ее руководстве, и как она работает сейчас. Моя точка зрения такова: было бы хорошо иметь какие-то общепризнанные стандарты для разведывательных операций, которым бы следовали все страны при защите своих национальных интересов.

— Некоторые говорят, что Соединенные Штаты и Россия должны подписать соглашение о прекращении шпионажа друг против друга. Америка, например, не шпионит за некоторыми из своих союзников, такими, как Великобритания.

— Это чепуха. Во-первых, Америка ведет разведывательную работу во всех странах-союзницах, включая и Великобританию. Этого требуют, как любят заявлять ваши руководители, национальные интересы США. Во- вторых, я уверен, что такое соглашение невозможно, поскольку все в мире взаимосвязано. Допустим, мы подпишем такое соглашение с США, но вы не забыли, что Соединенные Штаты — член НАТО? Собираются ли Великобритания или Голландия, например, также прекратить шпионаж против нас и не будут ли они просто обмениваться этой информацией с США в рамках НАТО? Вот почему эта идея является неосуществимой. Если такое соглашение было бы подписано, оно привело бы к мировым скандалам и конфликтам, потому что никто не будет выполнять его, а когда агентов будут ловить за руку, то это приведет к еще большему возмущению и далеко идущим последствиям.

— Кто лучше шпионит — ЦРУ или КГБ?

— Я должен сказать откровенно: в профессиональном плане я всегда завидовал ребятам из ЦРУ, которые без каких-либо усилий с их стороны получают горы информации от бывших офицеров нашей разведки, которые перешли на богатый Запад. Я никогда не считал, что мы играем на равных. Не забывайте, мы не имели столько денег и тем не менее нанесли вам крупные поражения.

— И все же, кто был российским эквивалентом Джона Уокера или Олдриджа Эймса? Кто из западных шпионов причинил вам больше всего вреда?

— Я отвечу, не задумываясь, — Олег Гордиевский. Это был обычный уголовник и типичный предатель, который продал свою Родину и своих коллег просто для того, чтобы обеспечить себе сладкую жизнь. Я презираю его прежде всего потому, что он говорит сейчас, что предал свое Отечество, ибо всегда был против

тоталитаризма. Он насмехается над теми нашими соотечественниками, которые оставались здесь и открыто выражали свои взгляды, а не бежали из страны и не становились предателями.

«Washington Post Magazine», 23 апреля 1995 года.

Приложение № 3

Из интервью О. Эймса французскому журналу «Нувель обсерватер» 10 февраля 1994 года.

— Почему в 44 года вы решили предать свою страну и ЦРУ?

— Мне нужны были деньги. В тот момент в моей жизни многое изменилось. Я вернулся из Мексики, где провел два года. Разводился, собирался жениться. У меня были долги. Мне казалось катастрофическим мое финансовое положение, хотя, в сущности, оно таким не было.

— Не думали ли вы как-то иначе поправить свои финансы?

— Да, например, ограбить банк. Но я выбрал решение, которое мне казалось самым легким.

— В тот момент вас только что назначили шефом контршпионажа в отделе ЦРУ, который занимался тайными операциями против советского блока. Вы знали многое из того, что могло бы очень заинтересовать КГБ…

— Конечно. В шпионской войне ЦРУ было сильнее. Счет в ней был 100:1 в пользу Америки. За несколько лет в ЦРУ на службу перешли 40 офицеров КГБ, которые нам все о нем рассказали. Мы знали все его сильные и слабые стороны. Напротив, КГБ не отличался особыми успехами в борьбе против ЦРУ. Там все ждали, что офицер ЦРУ предложит им свои услуги. И я это знал.

— Вы говорите, что ЦРУ было сильнее в контршпионаже. И в шпионаже тоже?

— Никак нет. Тогда к власти пришел Горбачев. Начались радикальные изменения, но у нас не было ни одного политического источника на высоком уровне. Мы действовали вслепую. СССР был главной целью ЦРУ, а мы не могли проникнуть в Кремль.

— Итак, вы сообщили 10 фамилий офицеров КГБ, которые работали на ЦРУ. Этих десятерых вы приговорили к тюрьме и к расстрелу.

— Я хотел себя предохранить, ибо боялся, что один из них меня выдаст. Но я до сих пор задаю себе этот безумный вопрос: почему я продался дьяволу? Что же касается расстрела выданных мною агентов, то я этого не ожидал.

— Почему же КГБ решил их так быстро ликвидировать?

— Решение приняло Политбюро. Передаваемая мною информация свидетельствовала о том, что западные службы глубоко проникли в КГБ. Поэтому они не могли оставаться инертными.

— И в обмен на имена этих десяти вы и потребовали деньги?

— Нет. Я и без того знал, что мне дадут много денег. Но когда несколько месяцев спустя они мне сказали, что меня ждет 2 миллиона долларов, я был ошеломлен их, как бы это сказать, щедростью.

— Таким образом, вы стали активным агентом КГБ, и это при том, что до декабря 1991 года ваша задача заключалась в борьбе с ним?

— Да, я с большой тщательностью готовил операции против КГБ, но каждый раз я их об этом предупреждал, и они успевали принять защитные меры.

— Например?

— Я размещал двойных агентов и…

Сотрудник ЦРУ, присутствующий во время интервью: Об этом хватит.

— Потом наступил конец СССР…

— После попытки государственного переворота в Москве в августе 1991 года я возглавил в ЦРУ группу по КГБ. У меня было задание покончить с этим ведомством.

— С кем покончить? С КГБ?

— Да, разрушить его. Мы считали, что в этот момент КГБ очень уязвим с политической и финансовой точек зрения. Мы хотели, чтобы российский парламент уменьшил на 90 процентов бюджет управления, которое занималось внешней разведкой. Для этого нам надо было дискредитировать КГБ, распространять в России порочащую его информацию. Мы пытались, я пытался…

Сотрудник ЦРУ: Вы не должны отвечать на этот вопрос.

— Как же отнеслись в КГБ к вашим сообщениям о том, что вам поручено ликвидировать эту организацию?

— Они восприняли ее не без юмора. Они не думали, что мы действительно займемся этим делом.

— Что вы имеете в виду?

Сотрудник ЦРУ: Смените тему разговора.

— Как проходили ваши встречи с офицерами КГБ?

— Очень раскованно, дружески. Мы в основном беседовали на профессиональные темы. Они говорили мне, какую информацию хотят от меня получить. Не пытались произвести на меня впечатление, обещая благодарности от Горбачева или Ельцина. Я всегда верил и продолжаю им верить. После расстрела агентов ЦРУ они сделали все, чтобы на меня не упало подозрение.

— Они предупреждали вас о том, чтобы вы были осторожны в трате денег?

— Да, ибо они так быстро расходятся! Они мне давали все,

что обещали, но маленькими суммами. В КГБ не хотели давать все сразу — скажем, миллион или полтора миллиона долларов. Ибо боялись, что, получив эти деньги, я перестану на них работать.

— Не собирались ли вы убежать в Москву?

— Мы разработали план, в соответствии с которым в случае опасности я бы мог покинуть Соединенные Штаты, перебраться в Москву или в другое место. Но мы ничего не предусмотрели на случай ареста.

Приложение № 4

Из интервью журналиста Александра Гранта с Олегом Калугиным

— Сейчас все говорят о гигантском успехе советско-российской разведки, которая 15 лет получала ценнейшие сведения о работе ФБР. Но за арестом Ханссена кроется не меньший успех американской разведки, которая либо внедрила своего человека чуть ли не в Ясенево, либо имеет там своего «осведомленного осведомителя». Что произошло? Ведь, судя по тем материалам, которые представило ФБР, чуть ли не все агентурное дело Ханссена оказалось переправленным из Москвы в Вашингтон. Как это могло произойти технически?

— Не могу дать ответа на этот вопрос. Но несомненно то, что в самом сердце российской внешней разведки, очевидно, был и, наверное, остался очень опытный и очень эффективно орудующий американский шпион. Если сравнивать конечный результат, то, пожалуй, американцы могут гордиться куда больше, чем мои бывшие советские и российские коллеги. Ведь хорошо смеется тот, кто смеется последним. С этой точки зрения арест Ханссена — несомненный успех для американцев. Если не говорить, конечно, о подорванной репутации и престиже ФБР, о том, что действительно советско-российская разведка сумела проникнуть в самые сокровенные секреты американской национальной безопасности. В этом смысле дело Боба Ханссена, пожалуй, посильнее, чем дело Рика Эймса, поскольку речь идет о национальной безопасности здесь, на территории США, в столице, в центре. Эймс все-таки был фигурой из разведки — она, конечно, важный и ответственный элемент, но это совсем другая категория.

— Вы имеете в виду зарубежные операции, которыми по уставу занимается ЦРУ?

— Да, совершенно верно. Эймс работал за границей, вербовал иностранных шпионов. Его предали бывшие агенты ЦРУ из числа российских граждан. Это, конечно, ущерб для Америки — и в человеческом плане, и как потеря источников. Но источники — дело наживное. А вот когда утекают в ту или иную сторону секреты внутренние, самые фундаментальные… Ведь ФБР, особенно его контрразведка, — это очень серьезная организация. Посмотрите на перечень материалов, которые Ханссен передал российской разведке. А ведь известна только часть этих материалов.

— О том, что он мог сообщать Москве, можно судить по тем постам в ФБР, которые он занимал. Эти посты сами за себя говорят. Глава бригады наружников, следивших за советской миссией при ООН. Глава отдела анализа разведданных по СССР. Руководитель программы борьбы с советским научно-техническим шпионажем в США. Специалист по безопасности и контрразведке в американских посольствах и консульствах…

— Да. Он знал все тонкости и электронного подслушивания, и связи с агентами, и проблем обслуживания высшей власти и Белого дома, и чего хотите. В этом смысле, конечно, прорыв советской разведки был мощнейшим.

Но по большому счету усилия советских разведок в прошлые годы, по сути, закончились впустую — они не сумели ни обеспечить безопасность своей Родины, ни сохранить Советский Союз и его систему. Так что провал был стопроцентным.

— Они и себя не сумели сохранить.

— Да, и себя не сумели сохранить. Они были разгромлены на каком-то этапе. Но дело не в этом. При сопоставлении числа предателей и перебежчиков соотношение будет приблизительно 70:15 в пользу Соединенных Штатов. Я говорю только о сотрудниках разведки и контрразведки, а не об общем числе шпионов, захваченных обеими сторонами. 70 из Советского Союза и России (я называю приблизительную цифру) и где-то порядка 15 из США, включая ФБР, но в первую очередь — ЦРУ.

— Вы никогда не анализировали, с чьей стороны больше так называемых «инициативников»? Я имею в виду не завербованных двойных агентов, а людей, которые по собственному желанию — как Эймс, как Ханссен, как Уокер — обратились в советское посольство с предложением работать.

— В одном из годовых отчетов КГБ СССР, когда я еще работал в этой системе, была такая цифра: около 500 «инициативников» пытались прорваться в американское посольство в Москве с разными предложениями. Речь идет не о сумасшедших, а о людях, которые что-то хотели предложить. Большинство из них были носителями конкретной информации.

Цифра большая. Я знаю цифры аналогичных явок в советские учреждения во всем мире — когда я работал в этой системе, моей задачей было отслеживать всех таких добровольцев от Новой Зеландии до Мексики и от Исландии до Южной Африки. Поверьте мне, цифры были многократно меньше. Речь шла о десятках случаев. Я имею в виду не только американцев, а вообще всех желающих сотрудничать с советской разведкой и готовых предложить ей что-то.

— А каково, по-вашему, соотношение идеалистов и

материалистов среди «инициативников»? Кто-то предлагал свои услуги новому хозяину за деньги, а кто-то — за идею.

— Когда-то люди хотели работать на советскую разведку и приходили к нам с предложениями, мотивируя своим желанием помочь росту и укреплению могущества первой социалистической державы в мире. Таких людей было много, тысячи. Опять-таки я говорю не о шоферах такси и портовых докерах, а о тех, кто работал в разведке, контрразведке, полиции, МИДе.

Тогда, на волне послевоенной просоветской эйфории, победы, престижа СССР, многие западные люди с левыми убеждениями готовы были пойти на шпионаж, рассматривая его как некий интернациональный долг.

Среди них были и американцы. Но потом ситуация изменилась. Советский Союз перестал быть привлекательным местом для жизни и покатился по наклонной плоскости — при Брежневе это стало совершенно очевидным. И тогда деньги стали главным элементом.

— Вернемся к Эймсу и Ханссену. Оба они, в 1985 году предложив свои услуги КГБ, попали в ведение полковника Виктора Черкашина, тогдашнего главы контрразведки в вашингтонской резидентуре. На днях в «Нью-Йорк таймс» появилась статья о Черкашине, где его называют «суперзвездой советского шпионажа». И говорят, что за вербовку Эймса и Ханссена он получил орден Левина, но генералом не стал и вышел на пенсию обиженным на руководство иноразведки КГБ, погрязшее во внутренних интригах.

— Черкашина я хорошо знал, это был мой подчиненный. Я двигал его по службе, о чем не сожалею. Он был хорошим работником. Знаете, почему его «ушли» на пенсию и он обиделся? Потому, что Виктор Черкашин был моим приятелем, а когда он вернулся из США в 1987 году, я уже был в опале. Он пришел ко мне, и мы вспоминали старые добрые времена.

Я направил его в Вашингтон в качестве заместителя резидента по линии контрразведки. Черкашин приехал в Вашингтон и, как видите, добился серьезных, я бы сказал, выдающихся результатов. Орден Ленина ему за это дали, но ни генералом, ни большим начальником не сделали. Это было ответом Владимира Крючкова (в то время начальник ПГУ КГБ. - авт.) человеку, который в отличие от многих не сгибался. Я помню Виктора Черкашина как прямого и принципиального человека, настоящего трудягу. Он достоин был большего.

— Эймс и Ханссен прекрасно знали, что такое советское посольство в Вашингтоне или советское генконсульство в Нью-Йорке. Почему же тогда они так рисковали, открыто обращаясь

туда? Ведь Ханссен, будучи специалистом-контрразведчиком, послал письмо на дом сотруднику советского посольства, к тому же наверняка установленному разведчику Виктору Дегтярю. Почему он не боялся, что это письмо будет перехвачено?

— Тут, может быть, сыграли роль наша советская психология и американская наивность. В качестве примера я вам приведу случай, в чем-то похожий. Австралия. У нас там в свое время появился похожий на Ханссена источник, который прислал письмо по почте в посольство СССР в Канберре с предложением услуг. Причем вложил в письмо документы, которые вполне свидетельствовали о его доступе к секретам и о желании у нас работать. Он предложил условия встречи, связи, вот эти самые тайники. Мы заложили в тайник деньги и письмо с просьбой, чтобы в дальнейшем он прекратил писать на советское посольство — это же опасно.

Он ответил, что нет, не опасно, что у них в Австралии почту не проверяют, частная переписка не читается. Может быть, отчасти Ханссен думал так же, но считал, что контролирует эти процессы. Слежка за советскими дипломатами и их домами могла быть если не в его непосредственном ведении, то, во всяком случае, под его контролем. Он мог точно знать, читают домашнюю корреспонденцию Дегтяря или нет.

— Скромняга Ханссен ходил в плохо сшитых костюмчиках, ездил в «форде торес» 97-го года и стареньком «фольксвагене», был отцом шести детей и ревностным христианином. Не пил, не курил и в стриптиз-бар с коллегами не ходил. Но, с другой стороны, Ханссен сразу попросил 100 тысяч долларов в виде аванса, а в дальнейшем попросил бриллианты. За что же он работал — за деньги или за идею?

— Думаю, что мы этого никогда не узнаем. Но я вполне допускаю, что Ханссен был романтиком.

— «Человеческий фактор» чувствуется в переписке Ханссена с его новыми работодателями. И в письмах Ханссена, и в ответах ему российской и советской разведки видны попытки навести душевные мосты?

— Действительно, нужно затронуть струну, которая есть в душе каждого нормального человека, которая отзовется, и вот тогда отношение к сотрудничеству и связь будут носить совершенно другой характер. Человек будет морально себя чувствовать не так уязвленно и униженно. Поскольку он не просто продавец товара, а часть сообщества, корпорации, коллектива, где его уважают, где его ценят.

Думаю, что когда дело Ханссена копнут поглубже, когда речь пойдет о времени, предшествовавшем его приходу в советскую

разведку, то обнаружат, что что-то произошло, что-то послужило импульсом к принятию такого жуткого решения. Это ведь жутко не только для него, он же угробил свою семью — шестерых детей.

— В конце прошлого года американцы его раскусили и начали вести. Вели-вели и 18 февраля арестовали. Но ведь первым делом наверняка могла возникнуть мысль о том, как бы с его помощью «поиграть» с российской разведкой.

— Материалы, к которым он имел доступ, информация, которой он обладал, были настолько секретными, серьезными и важными, что какие-то игры были просто исключены. Играют тогда, когда можно подсунуть противнику какую-нибудь «дезу», чтобы он на нее клюнул. А здесь нужно было остановить катастрофический процесс. К тому же это был бы слишком большой риск. Ведь он человек грамотный, опытный, профессиональный. Мог найти способ и уйти.

— По делу Ханссена к американцам попало практически все: его переписка, агентурные сообщения, данные о передачах денег. Мог ли получить простой офицер разведки в Ясеневе доступ к этим материалам? Или для этого нужно работать в архивном отделении?

— Для этого нужно либо работать в архиве, либо быть действующим шпионом внутри российской разведки, делать копии со всех материалов и передавать их другой стороне.

— Можно ожидать, что сейчас в Москве начнется кадровая перетряска, чтобы выяснить, нет ли в СВР «крота»?

— Думаю, что этот процесс идет давно. Ведь столько людей из разведки ушли на Запад или работали на Запад. Здесь, в Вашингтоне, я встречаю бывших сотрудников Первого главного управления — разведки КГБ. Я знаком с нынешним состоянием дел российской разведки, знаю настроения, знаю людей, которые со мной общаются. Некоторые поддерживают со мной хорошие отношения. Они деморализованы, но приход к власти Путина их как-то приободрил, они почувствовали, что сейчас, может быть, настало их время.

— Точно так же в свое время сотрудников КГБ окрылил приход к власти в СССР Юрия Андропова.

— Совершенно верно. Для них Путин — это Андропов. Мое поколение на каком-то этапе начало расслаиваться, и в 1991 году, когда КГБ успешно развалили на несколько частей, оттуда ушли чуть ли не 20 тысяч человек, причем в основном опытные работники. Одним было просто противно работать, другие плюнули и ушли в частный бизнес, в банки, даже в криминальные сферы. Кое-кто, и я в том числе, уехал за границу.

Процесс консолидации разведки России произошел позже, и

здесь нужно отдать должное Примакову. Его приход в разведку отчасти придал ей более академический, спокойный характер. Внутреннюю службу — ФСБ — трясло катастрофически. Представляете, 8 директоров за 9 лет! В разведке практически не было реорганизации. Примаков держал устойчивый курс на консолидацию, на восстановление морального духа службы, и в какой-то степени это ему удалось.

«Московские новости», 2001, 20 марта, № 12

Приложение № 5

Открытое письмо О. Калугина президенту России В. В. Путину

«Г-ну Путину В. В.,

и. о. Президента Российской Федерации

Г-н Путин, недавно я удостоился сомнительной чести быть упомянутым Вами в интервью для российских журналистов: Вы назвали меня «предателем».

Будь Вы не высшим должностным лицом в государстве, гражданином которого я являюсь, я бы проигнорировал это оскорбление. Мне не привыкать.

С 1990 года, когда я публично выступил против КГБ СССР и высказался за радикальные реформы в стране, власть меня предала анафеме. Лишила наград, звания, пенсии. Завела уголовное дело.

На помощь мне пришли 1,2 миллиона жителей Краснодарского края, избравших меня, несмотря на яростное сопротивление КПСС и провокации КГБ, народным депутатом СССР.

Весной 1992 года президент Ельцин обсуждал вопрос о назначении меня руководителем российской разведки, но тогда же он заметил, что мои бывшие коллеги из КГБ вряд ли примут меня вновь в свои ряды.

Ельцин был скорее всего прав, ибо последующие события не оставили сомнений в том, что дух чекизма — тоталитарного большевистского мышления, с его ненавистью и нетерпимостью к инакомыслию, не только сохранился, но и возобладал в органах разведки и безопасности России. С приходом в правительство Примакова и Степашина чекистский дух пронизал многие коридоры российской власти. Сегодня он восторжествовал в Кремле.

Многие в России и на Западе до недавнего времени тешили себя надеждой, что Ваше юридическое образование будет содействовать построению в нашей стране правового государства. Но, очевидно, длительная служба в КГБ и ГДР притупила Ваше правовое сознание. Иначе и нельзя расценить Ваш чисто советский, селективный подход к принципу презумпции невиновности — краеугольному камню правопорядка в демократическом государстве.

Без следствия и суда, других процессуальных норм Вы бросаете обвинения в предательстве неугодным Вам лицам. Даже

Ваш предшественник, человек старой формации, при всех его слабостях не позволял себе такого беспардонного хамства в отношении граждан своей страны.

Будь я Вашего склада ума, я вполне мог бы заклеймить Вас как вора, взяточника и даже военного преступника, тем более что за Вами тянется из Ленинграда дурно пахнущий след, а Ваши подельники находятся в бегах за пределами России.

Но мне претит такое отношение к людям, даже своим обидчикам. Все, что не доказано, не выверено, не имеет юридической силы, а потому не может быть вменено в вину кому бы то ни было.

Но Вы уже закусили удила, не осознав до конца, что в положении исполняющего обязанности президента Вам не пристало вешать ярлыки и уподобляться Вашим нынешним поклонникам из газеты «Завтра». Как это ни парадоксально, но между «непримиримой оппозицией» и Вами существует кровная связь.

В отличие от Вас, анализировавшего проблемы НАТО в Дрездене, я сопоставил более простые и доступные каждому факты из Вашей биографии.

В декабре прошлого года Вы вернули на стены Лубянки мемориальную доску Ю. Андропова, духовного наследника «рыцаря революции» Феликса Дзержинского, символизирующую коммунистический деспотизм…

Вы прикармливаете послушную прессу, но боитесь встречаться с журналистами, не находящимися у власти на коротком поводке. Вы позволили больше месяца издеваться над корреспондентом радио «Свобода» Бабицким и заклеймили его как предателя только за то, что он хотел рассказать горькую правду о чеченской войне всем, кто хотел эту правду знать.

Наконец, на Вашей совести самая кровавая война против собственного народа после смерти Сталина. Под предлогом борьбы с терроризмом Вы фактически сровняли с землей целую страну, как будто она не является частью России, уничтожили тысячи невинных стариков, женщин, детей, послали на бойню едва оперившихся российских юнцов.

Вы объявили чеченцев организаторами террористических актов в Москве и Волгодонске, не предоставив до сих пор доказательств их участия в этих преступлениях.

Как коренному ленинградцу, мне стыдно за Ваши речи, замешанные на большевистско-зековском жаргоне: «набьем морду», «замочим в сортире», «уничтожим как класс», «доведем до животного состояния».

Загадочно погибший в авиакатастрофе Артем Боровик в

одном из последних номеров «Совершенно секретно» цитировал Вас со ссылкой на знающих Вас людей: «Есть три пути воздействия на человека: шантаж, водка, угроза убийства».

Вы опасный, непредсказуемый человек, г-н Путин. Опасный не только для тех, на кого Вы указали своим начальственным перстом, но и для дела демократии в России, для подрастающего поколения наших граждан.

В свое время я подал в суд на руководителей СССР за их противоправные действия против меня. В августе 1991 года я был полностью реабилитирован президентом М. С. Горбачевым и с тех пор являюсь не опальным, а отставным генералом с вытекающими из этого гражданскими правами, пенсионным обеспечением и т. п.

В конце 1995 года я выехал по контракту на работу в США без намерения задерживаться там более трех лет. Но обстановка России с тех пор существенно изменилась. Силы реванша перешли в наступление. Шельмование честных людей становится нормой.

В Россию В. В. Путина, криминализированную и коррумпированную, с ее карманной юстицией и судопроизводством, я не верю.

В этой ситуации я буду вынужден просить политического убежища в свободном мире в надежде, что в качестве политического беженца я смогу жить за пределами России с чувством достоинства и безопасности.

Вы можете гордиться, г-н Путин, что Вы открываете новую страницу в истории политической эмиграции России.

Генерал-майор в отставке, бывший народный депутат СССР

Олег Калугин

20. 03. 2000 Вашингтон, США «Версия», 2000, № 13.

Приложение № 6

Список агентов советских спецслужб в США

Данный список составлен на основании многочисленных источников, в том числе и рассекреченных материалов расшифровки перехватов советских радиосообщений, проводимых в США и получивших название «Венона». Разумеется, он далеко не полон. Но даже перечисление нижеуказанных агентов говорит о том, что у советских спецслужб было в США гораздо больше агентов, чем у американских в Советском Союзе.

Абт, Джон («Морис»)

Лейбористский адвокат и скрытый коммунист, который передал группу Перло КГБ в 1944 г.

«Авгур»

Неизвестный советский связной, который жил в Чикаго и с которым КГБ не имел прямых контактов. Нью-йоркская резидентура КГБ с трудом связывалась с «Авгуром» и просила Москву, не сможет ли она использовать советских дипломатов, чтобы установить с ним связь.

Адлер, Соломон

Сотрудник министерства финансов и тайный коммунист. Информатор сети Голоса-Бентли. Псевдоним «Закс».

«Александр» («Александер»)

Неизвестный информатор, завербованный нью-йоркской резидентурой КГБ в 1942 г. и упоминавшийся в частично расшифрованных телеграммах в 1943–1944 гг. Телеграмма 1943 года указывает на некоторую связь с деятельностью КГБ в Мексике.

«Александров»

Неизвестный источник нью-йоркской резидентуры КГБ, который доносил об антисоветской деятельности эмигрантов в 1944–1945 гг. Также принимал гонорары за свою работу. Судя по одной телеграмме, «Александров» был отцом Евгении Ольхиной.

Альтшулер, Лидия («Лидия»)

Использовалась в качестве «почтового ящика» для американского терминала в операции против Троцкого, осуществленной КГБ в Мексике.

Антейл-младший, Генри У.

Шифровальщик американского посольства в Москве до 1939 г. По некоторым данным, передавал информацию органам НКВД в Москве. Погиб в авиакатастрофе. О подозрениях относительно него стало известно уже после его смерти.

«Арена»

Неизвестный сотрудник нью-йоркской резидентуры КГБ, который занимал средний пост в неизвестном правительственном учреждении. Непосредственно встречался с Василием Зубилиным. Его квартира использовалась в качестве хранилища.

Аронберг, Филипп

Активист КП США среднего звена, действовавший в 20-е г. Выполнял работу курьера и другие задачи для Коминтерна, ГРУ, КГБ в 30-е и начале 40-х гг.

«Армор»

Неизвестный информатор КГБ, который работал в фирме «Белл эйр-крафт». Также имел псевдоним «Стэмп».

«Астер»

Неизвестный информатор КГБ, который мог выполнять задачи, связанные с операцией против Троцкого.

«Ахиллес»

Неизвестный агент нью-йоркской резидентуры ГРУ, действовавший в 1941–1943 гг. и замешанный в деле о научно-техническом шпионаже в Чикагском университете.

«Ахмед»

Неизвестный агент, докладывавший нью-йоркской резидентуре КГБ в 1944–1945 гг. Передавал информацию о крупных американских журналистах, сообщал о действиях антисоветски настроенных эмигрантов, участвовал в выслеживании советского перебежчика Виктора Кравченко и служил связным КГБ с группой других советских агентов. Ввиду характера его работы «Ахмед» мог быть иммигрантом из СССР. Выступал также под псевдонимом «Траш».

Б.

Инициал неизвестного источника КГБ в фирме «Рипаблик авиэйшн», который предоставлял нью-йоркской резидентуре КГБ

информацию об американской разработке аналога немецкой ракеты «Фау-1».

Бабин, Томас («Брем»)

Агент, который сообщал нью-йоркской резидентуре ГРУ о судах, покидавших США в 1943 г. и о своей работе в УСС.

Байер, Теодор («Саймон»)

Президент издательства «Русский голос», который издавал одноименную газету на русском языке, связанную с КП США. В 1943 г. был связан с нью-йоркской резидентурой ГРУ.

Бараш, Владимир

Русский эмигрант, который связался с информатором КГБ и предложил свои услуги Советскому Союзу.

«Барк»

Неизвестный информатор, который связался с нью-йоркской рези- дентурой КГБ в 1943–1944 гг. Проверял американского гражданина, сочувствовавшего Советам, который работал в крупной нью-йоркской радиовещательной компании, рассматривая его в качестве кандидата для проникновения КГБ в Отдел военной информации.

Барр, Джоэл (1916-1.08.1998)

Родился в Нью-Йорке в семье эмигранта из России. После школы поступил в нью-йоркский Сити-колледж на факультет электроники. Во время учебы в колледже Барр вступил в Лигу молодых коммунистов. После окончания Сити-колледжа Барр был принят на работу в качестве инженера в «Вестерн электрик компани» — одну из ведущих американских фирм, занимающихся разработкой электронного оборудования и новейших видов вооружения для армии США, где был привлечен к программе производства радаров для бомбардировщиков серии «Б».

После нападения Германии на Советский Союз Барр, активно пропагандировавший идею открытия второго фронта, после беседы со своим другом Дж. Розенбергом в конце 1942 г. согласился на сотрудничество с советской разведкой. Через Розенберга Барр, получивший псевдоним «Мэтр», передал советской разведке чертежи радарных установок и их техническое описание, а также материалы об устройстве «свой-чужой», разработанном для американских ВВС. С конца 1943 г. оператором Барра был известный советский разведчик А. С. Феклисов.

В апреле 1945 г. Барр уволился из «Вестерн электрик компани» и поступил в аспирантуру. В 1946 г. он получил звание магистра инженерных наук и начал работать в компании «Сперри джироскоп». Был уволен оттуда в 1948 году за принадлежность к Компартии США. Тогда он устроился в Колумбийский университет, где начал писать диссертацию по вычислительной технике. Но антикоммунистическая истерия, раздуваемая сенатором Маккар- ти, не дала ему возможности продолжить работу в США. И в 1950 гг. Барр уезжает во Францию.

После ареста Розенберга Барр пришел в посольство СССР в Париже и попросил политического убежища. Его немедленно переправили в Швейцарию, а оттуда в Чехословакию. В Праге при помощи советской разведки он становится сначала гражданином ЮАР Джоном Мором, а затем Джозефом Бергом. В Москве Барр стал Иосифом Вениаминовичем Бергом. Работал в Ленинграде в закрытом КБ (п/я 233, сейчас — фирма «Ленинец»). Занимался научно-исследовательскими работами, связанными с военно-морским флотом. В начале 90-х гг. он даже смог посетить США. Дело в том, что сведения о работе Барра на советскую разведку были получены в результате засекреченной до сих пор операции «Венона», и поэтому американцы решили не преследовать его в судебном порядке. В последние годы жизни он сильно страдал от диабета, в начале 1998 г. лег в одну из московских клиник, где и умер 1 августа того же года.

Лауреат Государственной премии СССР.

Барроуз, Алиса

Сотрудница Отдела образования в 1919–1942 гг. Входила в штат принадлежавшей КП США школы им. А. Линкольна в Чикаго в 1944 г. В 1945 г. КГБ сообщало, что она передала Чарльзу Креймеру, одному из своих информаторов, какую-то информацию.

Бедахт, Макс (1883–1972)

Родился в Мюнхене, жил в Швейцарии, где в 1907 г. вступил в социал-демократическую партию. С 1908 г. жил в США, активно участвовал в социалистическом и коммунистическом движении (в конце 1920-х гг. — член «тройки» по руководству КП США). Во время фракционной борьбы в компартии в 1929 г. вместе с другими партфунционерами подписал телеграмму руководству Коминтерна в Москве о задержании там генсека КП Джея Ловстона, после отставки которого стал исполнительным секретарем партии. После освобождения от этой должности поддерживал связь между КП и нелегальными резидентурами РУ

Штаба РККА. В 1932 г. завербовал Уиттакера Чемберса для работы на советскую разведку. По поручению ЦК КП США руководил работой Пола Кроуча и Уолтера Трамбла, занимавшихся подпольной коммунистической работой в вооруженных силах США. Затем руководил работой национальных групп КП США, где благодаря контактам с иностранцами оказывал содействие советской военной разведке в добывании американских паспортов.

В 1948 г. Бедахт был исключен из компартии за критику руководства, восстановлен за несколько лет до смерти.

Бейзер, Джордж

Инженер компании «Белл эйркрафт», который снабжал Андрея Шевченко сведениями о станкостроении. Считался сторонником левого крыла и идеалистом. Шевченко был инспектором в компании «Белл эйркрафт», и Бейзер мог не знать, что он также был агентом КГБ.

Бейкер, Руди (1898-?; «Сын»)

Родился на югославянской территории Австро-Венгрии. Эмигрировал в США, где получил американское гражданство и в 1914 г. вступил в соцпартию (в 1918–1922 гг. — член движения «Индустриальные рабочие мира», с 1919 г. — член КП США). Работал машинистом. Он был также известен под именами Руди Блюма и Джона Тейлора. В 1920–1931 гг. руководил орготделом КП США под псевдонимом «Сон» «Сын». По поручению ИККИ нелегально работал в Корее, Англии, Канаде. С 1931 г. в ЦК и ЦКК КП США. С июня 1938 г. «ответственный за спецработу» — руководитель конспиративного аппарата КП США.

По некоторым данным, вместе с другим выходцем из Австро-Венгрии Стивом Нельсоном (1903–1993), работал в составе сети известного нелегала ГРУ Артура Адамса. Вместе с Адамсом в 1945 г. выехал из США на борту польского лайнера «Баторий». Затем вернулся в Югославию.

Интересно, что в РЦХИДНИ (495–184) содержатся десятки телеграмм от «Брата» в Москве «Отцу» и «Сыну» в Соединенных Штатах. Ссылки в этих посланиях указывают, что «Братом» является Димитров, а «Отцом» — Эрл Браудер. В этих телеграммах «Сын» является главой подпольного агентства КП США, которое возглавил Бейкер в середине 1938 г… Послания Коминтерна «Сыну» были отправлены лишь после того, как Бейкер побывал в Москве в январе 1939 г. и проконсультировал чиновников Коминтерна относительно его предположений о руководстве тайным аппаратом КП США. Кроме того, в послании

от мая 1942 года, отправленном генералом Фитиным, руководителем управления внешней разведки КГБ, Димитрову указано: «Направляем телеграмму, которую мы получили из Нью-Йорка, которую Руди адресовал Вам». Телеграмма подписана «Сын».

Бекенхаупт, Герберт

Сержант военно-воздушных сил США. Служил в штаб-квартире ВВС в Пентагоне. В 1967 г. был арестован за выдачу военных секретов ГРУ, судим и приговорен к 30 годам тюремного заключения. Считается, что его выдал генерал-майор ГРУ Дмитрий Поляков.

Беленский, Александр

Русский эмигрант, работавший на заводе «Дженерал электрик». Снабжал материалом КГБ при помощи другого эмигранта.

Белфрич, Седрик

Журналист и тайный коммунист. Родился в Англии. В течение многих десятилетий жил в США. Был сотрудником «Бритиш секьюрити координейшн» (службы координации британской безопасности) — филиала английской разведки в США в течение 2-й мировой войны. Передавал информацию как из английских, так и из американских источников нью-йоркской резидентуре КГБ. Обозначался нерасшифрованным псевдонимом № 9.

Белфрейдж, Седрик (?-1990; «Чарли»)

Писатель, член Коммунистической партии Великобритании. В 1940 г. прибыл в США для работы в Центре координации британской разведки MI-6 (British Security Coordination), действовавшем из Рокфеллер-центра в Нью-Йорке в сотрудничестве с УСС. Занимался «черной пропагандой», широко используемой BSC для распространения информации о британских военных успехах. Добровольно предложил сотрудничество советской внешней разведке, через Э. Браудера был связан с Я. Голосом. Белфрейдж был обвинен в передаче информации о BSC своему советскому оператору во время работы в этой организации. Элизабет Бентли назвала Белфрейджа в числе советских агентов в своих показаниях перед Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности в 1948 г. Выслан из США как нежелательное лицо в 1955 г… До конца жизни отрицал свое сотрудничество с резидентурой 1-го управления

НКГБ, хотя позднее американским дешифровальщикам удалось установить, что Белфрейдж упоминается в сообщениях советской разведки из США в Москву. В последнее время это также подтверждается так называемым «Архивом Митрохина».

«Бен»

Неизвестный информатор, передававший информацию нью-йоркской резидентуре КГБ в 1944 г. Работал вместе с Джозефом Кацем, одним из наиболее активных американских агентов КГБ.

Бентли, Элизабет (1906–1963)

Родилась в штате Коннектикут. Получила степень магистра искусств в Колумбийском университете (Нью-Йорк). В 1933 г., после поездки в Италию, вступила в нью-йоркскую ячейку Компартии США, в которой познакомилась с сотрудником нелегальной резидентуры ИНО ГУГБ НКВД Я. Голосом и стала гражданской женой, работая его секретаршей. После перенесенного в 1941 г. сердечного приступа Голос был ограничен в способности передвигаться, и Бентли взяла на себя его функции. В это время она жила уже в Вашингтоне, где и начала знакомиться с контактами Голоса. Там, по ее собственным словам, она имела около двадцати контактов с агентами, которых, в свою очередь, снабжало «секретной информацией» около тридцати высокопоставленных лиц.

В ноябре 1945 г Элизабет Бентли («Умница», «Мирна»), работавшая связным между агентурной группой в Вашингтоне и А. Б. Горским, сменившим умершего Якова Голоса, разочаровавшись в коммунистических идеалах, добилась личной встречи с Эдгаром Гувером, возглавлявшим ФБР, рассказала о своем сотрудничестве с НКВД, о коммунистическом подполье в Нью-Йорке и Вашингтоне, с которым было связано множество правительственных чиновников, назвала в числе других советских агентов семь сотрудников штаба УСС и согласилась стать агентом-двойником. Она же выдала и У. Чемберса.

Благодаря проявленной советской разведкой предосторожности ФБР не удалось собрать доказательств на большинство агентов, названных Чемберсом и Бентли. Пострадали только А. Хисс, работавший в госдепартаменте и в 1947 г. вынужденный уволиться оттуда, и Д. Ли, которому пришлось оставить службу в УСС и эмигрировать. В июле 1948 г. Бентли предстала перед Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности и подкомитетом комитета сената по расследованиям. Она дала подробные показания об агентах в армии, военно-воздушных силах, госдепартаменте и

УСС. В качестве советских агентов ею были названы лидер КП США Эрл Браудер, бывший правительственный чиновник Джон Абт (устраивавший у себя на квартире в Манхэттене собрания коммунистов), Лоуллин Карри (один из ближайших советников Рузвельта, который также был в Белом доме помощником по особым поручениям), Джордж Сильверман (бывший правительственный служащий), Уильям Ремингтон (сотрудник Комитета военно-промышленного производства, затем председатель комитета в министерстве торговли по вопросам экспорта в Россию; после показаний Бентли уволен со своего поста), Гарри Декстер Уайт (помощник министра финансов), Натан Грегори Сильвермастер, сотрудник комитета военно-промышленного производства, экономист Виктор Перло, служащие штаба ВВС Джон Сильверман и Людвиг Уллман (от них Бентли получила детали бомбардировщика В-29 и других новых военных самолетов, схемы распределения самолетов по различным участкам фронта). Всего Бентли назвала имена более тридцати человек — коммунистов или «попутчиков», добровольно передававших секреты агентам в Нью-Йорке и в Вашингтоне. Большинство из них, однако, заявило, что никогда не встречались с ней и ее не знают (как, например, Уайт). Ремингтон признал факт знакомства с нею (под именем Хелен Джонсон) и даже факты передачи ей информации, по его словам, безвредной и доступной любому репортеру.

Комитет ничего не смог сделать с показаниями Бентли по той простой причине, что они были весьма фрагментарны и плохо подтверждались. Единственное, что оставалось — предать их гласности. На основании ее показаний никто из названных Бентли не был обвинен в шпионаже. Однако ее показания, как и показания Чемберса, положили начало настоящей охоте на коммунистов в США.

«Берг»

Агент КГБ, завербованный в 60-х гг. Работал инженером в Сперри-Рэнд (UNIVAC) и передавал информацию по новейшим американским компьютерам.

Берней, Эрик

Коммунист, возглавлял звукозаписывающую фирму «Keynote». Обеспечивал нелегальному сотруднику ГРУ Артуру Адамсу прикрытие в бизнесе и помог ему скрыться от наблюдения ФБР в 1945 г.

Бертон, Валентин (Уильям Г.)

Родился в России в 1900 г. Приехал в США в 1907 г. Получил американское гражданство в 1921 г. В 20-х гг. был членом КП США, но в 1929 г. был исключен из партии как сторонник Лавстона. Помогал Николасу Дозенбергу, обеспечивая его прикрытие для работы на ГРУ и пытался «отмыть» 100 тыс. фунтов стерлингов с помощью поддельной американской валюты, поставленной ему Дозенбергом, за что и попал в тюрьму.

«Бивер-Клот»

Неизвестный информатор нью-йоркской резидентуры КГБ, который сотрудничал с нелегальным сотрудником КГБ Ицхаком Ахмеровым в 1943 г.

«Бим» («Луч»)

Неизвестный информатор нью-йоркской резидентуры КГБ, который, по-видимому, работал с группой эмигрантов, в частности поляков. В 1944 году его работа была достаточно высоко резидентурой КГБ в Нью-Йорке, которое предложило Москве наградить его денежной премией.

Блэк, Томас Лессинг («Блэк», «Питер»)

Химик, занятый промышленным шпионажем в пользу Советского Союза начиная с середины 30-х гг.

Броудер, Эрл (1891–1973; «Рулевой»)

Участвовал в американском социалистическом и коммунистическом движении. В 1926 г. Браудер женился на Раисе Беркман, русской эмигрантке, затем был женат на Китти Харрис, нелегале ИНО ОГПУ. Вскоре он отправился в Китай, где занял должность генерального секретаря тихоокеанского секретариата профсоюзов. В 1929 г. Эрл Броудер вернулся в США, продолжая тайно работать на советскую разведку. Генсек КП США (с 1929 по 1944 г.). Кандидат в президенты США на выборах 1933 г.

Исключен из компартии в 1946 г. как уклонист. Позднее работал продавцом в книжном магазине, принадлежавшем компартии.

Буртан, Уильям Грегори (1900–1985)

Также известен как Вэлентайн Буртан. Родился в Москве, был привезен в США в 1907 г. В 1921 г. Буртан стал гражданином США. В 1923 г. закончил медицинское учебное заведение. Активный член Коммунистической партии США. В 1929 г. входил в группу Лавстона. За помощь Николасу Дозенбергу в сбыте фальшивых американских долларов, отпечатанных в Москве,

приговорен к 15 годам тюрьмы, из которых отбыл 10. Также вместе с Дозенбергом основал Американо-румынскую кинокорпорацию, бывшую прикрытием Дозенберга для разведопераций Разведупра в Румынии.

В отличие от Лавстона и большинства членов его группы, к началу 1950-х гг. ставших антикоммунистами, Буртан до конца жизни был тесно связан с Коммунистической партией США, работая на одном из ее предприятий и посещая собрания. Лавстоун, Гитлоу и их сторонники публично высказывались в его поддержку и помогли ему найти работу после того, как срок тюремного заключения для него закончился.

Бутенко, Джон

Американский гражданский инженер-электронщик, признанный виновным в 1964 г. в том, что планировал передать информацию о системе связи стратегического авиационного командования советской разведке. Приговорен к 30-летнему тюремному заключению.

Бюргер, Рут-Мария.

В начале 30-х г. работала в Совете по работе с безработными, которым руководили коммунисты. Американская жена Арнольда Икала, сотрудника ГРУ, нелегально работавшего в США в 30-х г.

Вейсбанд, Уильям («Жора»)

Лингвист, работавший на службу безопасности ведомства связи армии США во время Второй мировой войны. Позднее присоединился к проекту «Венона» как специалист по русскому языку. Был уволен в 1950 г., когда другой советский агент, Джонс Йорк, назвал его советским связным. Приговорен к году тюремного заключения после того, как отказался явиться по повестке Большого жюри.

Велсон, Ирвинг Чарльз («Ник»)

Информатор нью-йоркской резидентуры ГРУ. В числе его обязанностей был контроль над субагентами и вербовка новых советских информаторов. Поставлял также сведения относительно технологии изготовления вооружений.

«Вил»

Агент КГБ, завербованный в 60-х г. Работал на химическом производстве «Юнион карбайд».

Волков, Анатолий

Сын Хелен Сильвермастер и пасынок Грегори Сильвермастера. Непродолжительное время работал курьером, обеспечивавшим связь между четой Сильвермастеров и группой Голос-Бентли.

Вучинич, Джордж Сэмюэл

Американец сербского происхождения. Офицер УСС. Передавал информацию Томасу Бабину, информатору ГРУ и агенту УСС. Также выполнял задания, имеющие отношение к Югославии. Не ясно, работал ли он сознательно или неосознанно.

Вэр, Гарольд (1890–1935)

Родился в семье видных деятелей американского рабочего движения Люсьена Бонапарта Вэра и Эллы Рив Блур. Член КП США, чиновник министерства сельского хозяйства в Вашингтоне. Руководил группой, состоявшей из чиновников правительственных учреждений, поддерживавших связь с советской разведкой и Компартией США.

Гейман, Джулиус

Иммигрант из России и натурализовавшийся американский гражданин. В начале 20-х гг. занимался ювелирным бизнесом и был тайным коммунистом. Обналичивал советские субсидии, которые поступали в виде ювелирных изделий. В 30-х и в начале 40-х гг. выполнял ряд задач по финансированию операций ГРУ в США, главным образом в качестве помощника нелегального сотрудника ГРУ Артура Адамса.

Гесснер, Джордж Джон

Рядовой армии США, по профессии техник, обслуживавший ядерное оружие. Дезертировал из Форт Блисс (Техас) и передал секретные данные офицерам советской разведки в Мехико в 1960–1961 гг.

Арестованный властями США, получил за дезертирство небольшой срок, который отбывал в исправительном учреждении в Ливенворсе. После освобождения вновь арестован и обвинен в шпионаже. В июне 1964 осужден и приговорен к пожизненному заключению. Он стал первым осужденным по положению Закона об атомной энергии, направленного против передачи информации, относящейся к ядерной технике лицам, не обладающим соответствующими полномочиями. При рассмотрении апелляции суд в марте 1966 г. снял с него обвинения в шпионаже.

Гилмор, Джон (1908-?)

Настоящее имя — Вилли Хирш. Родился в Германии. В 14 лет уехал к родственникам в США. Став писателем и иллюстратором, он писал статьи в журналы «Collier» и «The Saturday Evening Post», он также помещал свои рисунки в журнал «Life». Посетил СССР в 1936 г., когда работал для журнала «Soviet Russia Today». Вернувшись в США, занялся сборкой аэроснимков для РУ. К этой работе он также привлек еще нескольких человек, двое из которых оказались двойными агентами, сообщавшими о деятельности Гилмора ФБР. После ряда встреч с Игорем Мелехом, советским служащим ООН, 23 октября 1960 г. он был арестован. Хотя Большое жюри присяжных и обвинило его в шпионаже, он не был предан суду, поскольку Мелех был освобожден на том условии, что он покинет страну. Соответственно был освобожден и Гилмор, и 21 июля 1961 г. он со своей семьей отплыл в Германию, а затем обосновался в Чехословакии.

Его освобождение было частью операции по обмену двух американских летчиков, выживших после того, как их самолет был сбит советскими истребителями 1 июля 1960 г. (тогда над Баренцевым морем советскими истребителями МиГ-19 был сбит самолет ВВС США RB-47, модификация стратосферного самолета B-47, вылетевший с базы в Англии; из шести членов экипажа четверо, согласно сообщениям, погибли, двое же были освобождены советскими властями 25 января 1961 г.).

Голд, Гарри (1910 — 1972; «Гусь», «Раймонд»)

Настоящее имя — Генрих Гольдоницкий. Родился в России. В 1914 г. он вместе с семьей уехал в США, стал американским гражданином в 1922 г. Изучал прикладную химию в университете Пенсильвании, также учился в Дрексельском технологическом институте. По американским данным, Голд работал на советскую разведку с 1934 по 1945 гг. по идейным соображениям, будучи коммунистом. Когда нацистская Германия напала на СССР, Голд стал одним из самых важных советских разведчиков в США, но в 1944 г. его роль сменилась на роль посредника и курьера. К этому времени в Нью-Йорк прибыл в качестве Генерального консула известный впоследствии Анатолий Яц- ков, его главным заданием был сбор информации, относящейся к созданию атомной бомбы. Он выбрал Голда в качестве курьера-связника для контактов с физиком Клаусом Фуксом, Мортоном Собеллом (сотрудником лабораторий «Дженерал электрик»), который занимался ракетными исследованиями, и Дэвидом Гринглассом, механиком из атомной лаборатории в Лос-Аламосе.

Деятельность Голда продолжалась до 1946 г. ФБР уведомило

британскую разведку, что Фукс был шпионом. К этому времени ФБР установило личность Голда, и за ним было установлено наблюдение. Советская разведка прекратила контакты с Голдом в 1946 г. из-за нарушения им норм безопасности. Когда Фукс был раскрыт в 1949 г., суд над ним привел и к аресту Голда агентами ФБР по обвинению в шпионаже (22 мая 1950 г.). Фуксу была предъявлена фотография Голда, которого Фукс и опознал (таким же образом Голд после своего ареста опознает Фукса). Голд сознался во всем и выдал Грингласса, Мортона Собелла и Джулиуса Розенберга, а также и жену последнего — Этель. Все они были арестованы. Хотя Голд никогда и не встречался с Розенбергами, он сказал, что ему известно о них. Этих показаний также хватило и для того, чтобы признать Грингласса виновным.

Сам Голд был признан виновным и приговорен к тридцатилетнему тюремному заключению. В 1965 г. он был освобожден под честное слово и поселился в Филадельфии, где работал химиком-исследователем в мемориальном госпитале им. Дж. Кеннеди, а спустя семь лет умер.

Награжден орденом Красной Звезды (1943).

Голос, Яков Наумович (30.04.1889-25.11.1943; «Звук»)

Он же Рейзен Джейкоб Соломонович. Родился в Екатеринославе в семье рабочего. Окончил 4 класса школы, сдал экстерном экзамен за курс гимназии. С 13 лет работал в типографии. Член РСДРП с 1904 г. Участвовал в революции 1905 г., работал в нелегальной типографии и там в конце 1906 г. был арестован. Приговорен к 8 годам каторги, которая была заменена ему, как несовершеннолетнему, на вечное поселение. В 1908–1910 гг. находился в Сибири (Якутская губ.), откуда бежал в Японию. В 1910–1912 гг. проживал в Японии и Китае, затем переехал в Америку. Работал в типографии, был одним из организаторов помощи политзаключенным в России.

С 1915 г. — член Американской социалистической партии, примыкал к ее левому крылу. В 1917–1919 гг. работал в штате Калифорния в различных фирмах по сбору и упаковке фруктов. В 1919 г. побывал в Советской России и стал членом РКП(б). С согласия ЦК РКП(б) вновь вернулся в США. Один из основателей КП США. В 1919–1921 гг. заведовал типографией в Нью- Йорке. В 1922–1923 гг. — на партийной работе в ЦК Американской компартии. В 1923–1926 гг. — секретарь-председатель Общества технической помощи СССР в Нью-Йорке. В 1926 г. выехал в СССР. Вновь принят в ВКП(б) в июле 1926 г. по рекомендации лидера КП США Ч. Рутенберга и представителя ИККИ в КП США Дж. Пеппера, работал в Кузбассе управляющим делами при главной

конторе автономной индустриальной колонии «Кузбасс» (Кемерово), а затем заведующим отделом техники и рационализации газеты «Москоу ньюс» в Москве. Спустя два года секретарь Компартии США Джей Лавстон попросил вернуть Голоса, поскольку тот имел значительное влияние на русских рабочих в Соединенных Штатах.

С 1930 г. Голос сотрудничал с ИНО ОГПУ. Документальное оформление оперативных отношений между ним и ИНО ОГПУ состоялось в январе 1933 г. Доставал паспорта различных стран для нелегалов ИНО и Коминтерна. В середине 1930-х гг. Я. Н. Голос (псевдоним «Звук») возглавил туристическое агентство «Всемирный турист», которое служило ему прикрытием. Через это агентство нужные люди переправлялись в СССР. Кроме того, фирма одно время использовалась для пересылки денег Компартии США из СССР. Являясь членом Комитета помощи Испании, использовал свою фирму для отправки в Испанию добровольцев, которые подбирались при активном участии КП США. Эта деятельность привлекла к нему внимание ФБР.

В ноябре 1937 г. Я. Голос по приказу резидента ИНО в США П. Гутцайта с паспортом на чужое имя тайно посетил Москву, где встречался с начальником ИНО ГУГБ А. А. Слуцким. В 1939 г. ФБР произвело обыск в помещениях фирмы «Уорлд турист». Формальным поводом для этого послужило нарушение закона «О регистрации иностранных агентов»: турагентство получало от «Интуриста» деньги на рекламу туризма в СССР. Я. Н. Голос должен был предстать перед Большим жюри (федеральным судом). Опасаясь за агента, резидентура поставила перед Москвой вопрос о вывозе «Звука» из США. Однако уезжать Голос отказался. Центр также не настаивал на его отъезде. На суде Я. Голос признал себя виновным в нарушении закона и был приговорен к лишению свободы на срок до 12 месяцев условно и к штрафу в размере 1000 долл. Нарушив конспирацию, Я. Н. Голос стал жить с 1940 г. со своей связной Элизабет Бентли («Умница»), благодаря чему она узнала о его деятельности гораздо больше, чем ей полагалось. Поэтому она смогла многое рассказать ФБР.

27 ноября 1943 г. «Звук» был представлен начальником 1-го управления НКГБ СССР П. Фитиным к награждению орденом Красной Звезды. Однако 25 ноября 1943 г. «Звук» скончался от инфаркта на квартире Бентли в Нью-Йорке, в связи с чем награждение не состоялось.

Грингласс, Дэвид (род. 1922; «Калибр»)

Родился в Нью-Йорке, как и его сестра Этель, ставшая впоследствии женой Юлиуса Розенберга. В 18-летнем возрасте

вступил в Лигу юных коммунистов, где познакомился со своей будущей женой Рут. Посещал Бруклинский политехнический институт (Polytechnic Institute of Brooklyn), однако был нерадивым студентом. В 1943 г. пошел на службу в армию США и после специальной технической подготовки, будучи в звании капрала-техника, получал различные назначения. В 1944 г. был назначен в ядерную лабораторию в Лос-Аламосе на второстепенную должность, имеющую отношение к изготовлению атомной бомбы.

По некоторым данным, Розенберг завербовал своего свойственника еще до Второй мировой войны. Когда он узнал о назначении Грингласса в Лос-Аламос, то проинструктировал его, поручив собирать всю информацию. Грингласс передал своему связнику Г. Голду планы лабораторий, а также эскиз чертежа плутониевой бомбы «Толстяк», которая была затем сброшена на Нагасаки 9 августа 1945 г. В 1946 г. он был отправлен в отставку из армии с почетным удостоверением об увольнении. Он пытался начать совместный бизнес с Розенбергом, но их партнерство распалось в 1949 г. из-за ссор.

Грингласс был арестован 16 июня 1950 г. по обвинению в шпионаже. Кроме показаний Голда, сыграло роль и сообщение советской разведки, перехваченное в 1944 г. и расшифрованное в 1950 г., которое сузило круг поисков до Грингласса. Он дал показания против Розенбергов, по-видимому, надеясь смягчить свой приговор. Суд приговорил его к пятнадцати годам тюремного заключения. Его жена была оставлена на свободе. В интервью того времени он говорил, что спасти жену в ущерб сестре было для него более приемлемо. Освобожден в 1960 г. После освобождения он сменил имя и исчез.

«Гурон»

Неизвестный информатор нью-йоркской резидентуры КГБ в 1944–1945 гг. Был замешан в научно-техническом шпионаже и, возможно, был ученым. Вероятно, это Бруно Понтекорво.

Дагган, Лоренс (?-20.12.1948; «Фрэнк», «Принц» и «Шервуд»)

Чиновник латиноамериканского отделения госдепартамента, позднее его руководитель (в конце 1930-х гг.). С 1940 г. советник госсекретаря США К. Хэлла. С 1944 г. работал в ООН в Администрации по оказанию помощи и реабилитации, затем директор Института международного оборазования. Привлечен к сотрудничеству на идейной основе с нелегальной резидентурой ИНО ГУГБ НКВД в 1936 г., и до 1944 г. (с перерывами) передавал советской разведке (Н. М. Бородин, И. А. Ахмеров) ценную политическую и военно-политическую информацию. Сведения о

нем были сообщены Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности У. Чемберсом. После допроса сотрудниками ФБР покончил с собой (выбросился из окна).

Девяткин, Борис

Родился в России в 1888 г. Приехал в США в 1923 г. Получил американское гражданство в 1929 г. Под именем Дик Мурзин помогал Моисею Штерну, нелегальному сотруднику ГРУ в США в конце 20-х — начале 30-х гг.

Джеффрис, Рэнди Майлс

Посыльный вашингтонской компании, занимавшейся расшифровкой стенографических записей слушаний в конгрессе. В 1985 г. передал некоторые секретные документы советской разведке. Позднее пытался продать другие документы агенту ФБР, который представился офицером советской разведки по имени Влад. Один из документов являлся совершенно секретным и был посвящен проектам систем военной связи. По официальным сообщениям, передавал советской стороне расшифрованные записи слушаний по планам атомной войны, информацию об областях действия в Тихом океане подводных лодок, оснащенных ракетами «Трайдент», технологиям обеспечения безопасности, направленным против прослушивания советской разведкой телефонов и против проникновения ее в компьютеры, а также по возможностям американских радаров.

Встречи Джеффриса были обнаружены ФБР благодаря системе электронного прослушивания, когда он звонил в советское военное представительство в Вашингтоне. Джеффрис признал вину по одному случаю шпионажа и был приговорен к десятилетнему тюремному заключению.

«Джо»

Агент КГБ в 70-е г. Военный инженер-электрик, передававший ценную информацию о военных системах связи.

Джозеф, Белла («Коллега»)

Тайная коммунистка. Работала в отделе кинопроката УСС. Жена Джулиуса Джозефа.

Джозеф, Джулиус («Осторожный»)

Тайный коммунист, член разведгруппы Голоса-Бентли, который работал в Дальневосточной секции (разведка против Японии) УСС в 1943–1945 гг. Его жена также работала в УСС.

Джонсон, Роберт Ли (1920–1972)

Сержант армии США. Служил в Берлине. Джонсон жил с любовницей- австрийкой, от которой у него был сын. Поскольку ему не удалось получить повышение в звании, он решил свести счеты с армией. Через свою любовницу и под ее влиянием он вошел в контакт с офицерами советской разведки в Восточном Берлине. На встрече в феврале 1953 г. советские офицеры убедили Джонсона остаться в армии и работать на советскую разведку.

Тем временем Джонсон женился на своей любовнице, Хедвиг Джонсон, и его перевели из пехотной части в секретную часть разведывательного отдела берлинского командования на должность писаря-регистратора. Используя предоставленный ему советской разведкой фотоаппарат и навыки, которым его обучили сотрудники советской разведки, Джонсон, ответственный за секретные материалы, фотографировал каждый документ, представляющийся ему важным. Его жена относила пленки советскому оператору. Она, как и он сам, прошла краткий курс обучения методам конспирации. Когда его армейский друг сержант Джеймс Минткенбау стал работать вместе с Джонсоном в отделе, Джонсон завербовал и его.

В 1956 г. он хотел уволиться из армии и вернуться в США, но Минткенбау и 500 долларов от КГБ убедили его остаться. Он был назначен на пункт курьеров вооруженных сил в аэропорт Орли близ Парижа, через который проходили чрезвычайно важные секретные документы, включая списки ключей для шифровальных машин, военные планы и планы действий в нештатных ситуациях, а также большие по объему информации документы, которые были слишком длинными и засекреченными, чтобы передавать их с использованием шифромашин. Центр в Орли работал с криптоматериалами и документами повышенной секретности, предназначавшимися НАТО, командованию вооруженных сил США в Европе и 6-му флоту США в Средиземном море. Джонсон имел доступ к сейфу, в котором хранились эти документы с момента доставки из Вашингтона и до отправки их с курьером по месту назначения, и с ноября 1962 г. до весны 1963 г. регулярно передавал опечатанные сумки своим операторам, которые в течение двух часов открывали их, снимали фотокопии содержимого и запечатывали вновь. Среди документов, переданных Джонсоном, были оперативный план главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе, детально описывающий планы военных действий США в случае войны в Европе, и «памятная записка», перечислявшая цели в Европе для американского тактического ядерного оружия. Там

также были криптографические материалы, списки американских агентов в Европе и последние отчеты НАТО о состоянии Советских Вооруженных Сил.

В апреле 1963 г. Джонсон был переведен в США и назначен в Пентагон; он продолжал передавать информацию советской стороне, однако по ценности она не могла сравниться с той, которую он передавал из Орли. Поскольку ему хорошо платили, Джонсон стал много пить. Брак его разваливался из-за нервного расстройства жены. В октябре 1963 г. он ушел в запой и уехал в Лас-Вегас. Когда он не появился на службе, ФБР стало расследовать его исчезновение. Агенты поговорили с Хедвиг Джонсон, и она рассказала о шпионскай деятельности мужа. В Лас-Вегасе Джонсон сдался местной полиции, и вскоре вместе с Минткенбау, которого он выдал, предстал перед судом по обвинению в государственной измене. В июле 1965 г. оба были приговорены к тюремному заключению на 25 лет. 19 мая 1972 г. его двадцатидвухлетний сын Роберт Ли Джонсон-младший отправился в федеральную тюрьму в Льюисбурге (Пенсильвания), чтобы посетить своего отца, которого не видел много лет. Он родился незадолго до того, как Джонсон начал работать на советскую разведку, и считал, что его отец и мать опозорили семью этой историей. Он пытался восстановить свое доброе имя службой в армии во Вьетнаме. В конце визита в федеральную тюрьму Роберт вонзил в своего отца нож, и тот умер на месте. Позднее Роберт объяснил этот свой поступок «личными причинами».

«Диф»

Некий американский бизнесмен, завербованный в 1974 году в Нью-Йорке. Передавал нью-йоркской резидентуре сведения политического и экономического характера.

Додд-младший, Уильям И. («Сицилла»).

Активист «Народного фронта». Его отец при президенте Рузвельте был послом в нацистской Германии. В 1944 году нью-йоркская резидентура КГБ запросила Москву, можно ли в свете отношений Додда с КГБ предоставить ему должность в ТАСС.

Дозенберг, Николас (1882-?)

Родился в Латвии, переехал на жительство в США в 1904 г. Член социалистической партии еще до Первой мировой войны, с того момента, когда Латышская рабочая ассоциация присоединилась к ней. В 1923 г. Дозенберг становится директором по литературе Рабочей партии — легального крыла

коммунистической партии. В 1927 г. отошел от партийной работы и был завербован Альфредом Тылтынем, руководителем резидентуры ГРУ в США.

Дозенберг часто совершал поездки в Советский Союз, где получал указания по обеспечению прикрытия в США для сбора советской разведкой информации во Франции и Румынии. Во время одной из таких московских поездок Тылтынь познакомил Дозенберга с Я. К. Берзиным, возглавлявшим тогда Четвертое управление Штаба Красной Армии.

В 1939 г. был арестован и приговорен к году тюрьмы за проживание по поддельному паспорту. В 1940 г. дал откровенные показания комитету по расследованию антиамериканской деятельности.

Жена Дозенберга Анна Петровна также работала на советскую военную разведку, умерла в Москве в 1936 г., похоронена на Новодевичьем кладбище.

Драммонд, Нельсон (род. 1934)

Служил в штаб-квартире ВМФ США в Лондоне, писарь первого класса. Имел допуски уровня «особо секретно» и «cosmic» (последнее обозначение относится к структурам НАТО). В 1957 г. в Лондоне был завербован советской военной разведкой.

Когда Драммонд был переведен на другую работу, где доступа к секретным документам у него не было, советский оператор прервал контакт, сообщив Драммонду, что относительно него ведется расследование. Управление разведки флота действительно вело расследование относительно пропажи секретных документов, и несколько матросов, в том числе и Драммонд, находились под подозрением.

В 1958 г. Драммонд был переведен в США, где в течение следующих четырех лет продолжил свою деятельность, передавая секретные сведения, к которым имел доступ во время служебных поездок в Бостон, Норфолк (Виргиния) и Ньюпорт (Род-Айленд). Он контактировал с дипломатами советской миссии при ООН, передавая им данные по системам морского вооружения, по противолодочной электронике и техническому обслуживанию подводных лодок. Многие из документов были похищены им с базы ВМФ в Ньюпорте.

Поскольку советская миссия при ООН находилась под наблюдением ФБР, то вполне вероятно, что именно эти наблюдения бюро привели к аресту Драммонда. Но также является вероятным и то, что информация о нем была сообщена генерал-майором Д. Поляковым, офицером ГРУ, работавшим на США в течение 20 лет. В 1963 г. Драммонд был осужден, его

признали виновным в шпионаже и приговорили к пожизненному заключению за продажу секретов СССР. Шесть лет шпионской деятельности принесли ему доход около 28 000 долларов. Нанесенный им ущерб был довольно значителен. Примерно 200 млн долларов было потрачено на проверку и изменение процедур, руководств и планов, которые были поставлены им под угрозу срыва, а также на проверку личного состава. Драммонд стал первым чернокожим американцем, осужденным за шпионаж.

Зарет, Даниэль Абрахам

Инспектор по вопросам безопасности отдела, занимавшегося вопросами взрывчатых веществ при армии США. Передавал в ГРУ документы, касающиеся технологии изготовления ВВ. Был коммунистом, в прошлом офицер интербригады.

Зборовский, Марк (Мордка; 1908–1990; «Мак», «Тюльпан», «Этьен»)

Родился в Умани (Киевской губ.). С 1921 г. жил в Польше, где вступил в КПП. За организацию забастовки был арестован и год сидел в тюрьме. Затем эмигрировал во Францию, где получил высшее образование. Летом 1933 г. агентом ИНО ОГПУ А. Адлером («Б-138», «Юнкер») был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой. В 1934 г. внедрен в троцкистское движение, стал ближайшим помощником сына Л. Д. Троцкого Л. Л. Седова. Руководил русской секцией IV Интернационала. С 1941 г. в США. После войны порвал отношения с советской разведкой. Был разоблачен А. М. Орловым (Никольским) как «руководитель советской шпионской сети в США». В 1955–1957 гг. давал показания Комиссии сената США по внутренней безопасности.

Профессор антропологии. Работал в больнице Маунт-Сион в Сан-Франциско.

«Зенит»

Агент ПГУ КГБ в 70-х гг. Научный работник американской компании TRW.

Златовский, Джордж

Ветеран интербригад и тайный коммунист, стал сотрудником американской разведки. Был женат на Джейн Фостер, которая являлась советским агентом, работавшим в УСС. Был обвинен в шпионаже после разгрома шпионской группы Соубла после Второй мировой войны. В это время находился за границей и отказался вернуться в США.

Инслерман, Феликс

Состоял в разведсети, связывавшей ГРУ с КП США, которой руководил У. Чемберс. Позднее, сотрудничая с американскими властями, заявлял, что он перестал работать на советскую разведку в 1939 г.

Кент, Тайлер

Шифровальщик в американском посольстве в Москве (1934–1939 гг.) и Лондоне (1939–1940 гг.). Арестован сотрудниками Британской службы безопасности в 1940 г. за кражу переписки Рузвельта с Черчиллем. Был осужден и находился в тюрьме до 1945 г. Американские сотрудники безопасности позднее пришли к выводу, что в период его работы в Москве он был скомпрометирован КГБ и предоставлял советской разведке американские дипломатические сообщения. Вербовка Кента произошла не по идеологическим причинам, а из-за того, что он попал в ловушку, в которой сотрудница КГБ использовала секс для того, чтобы принудить его к сотрудничеству. Его деятельность в Лондоне объяснялась не тем, что он выступал за сотрудничество с СССР, а его нежеланием, чтобы США вступили в войну, и его связями с антисемитскими и пронацистскими кругами в Великобритании.

Кинан, Хелен Грейс Скотт («Ель», «Лиственница»)

Информатор сначала нью-йоркской, а затем вашингтонской резидентуры КГБ. В 1945 году работала в ведомстве прокуратуры США, а также в отделе военных преступников государств «Оси», который первоначально находился в подчинении УСС.

Коберли, Алан

Дезертир из морской пехоты США, был замечен входящим в здание советского посольства в Маниле в июле 1983 г. Он был судим как добровольно предложивший свои услуги и секретную информацию для продажи, хотя он и не имел соответствующего допуска и у него было немного возможностей получить доступ к секретной информации. Военный трибунал приговорил его к 18 месяцам исправительных работ, и он был уволен из армии.

Кота, Субрахманьям (род. 1943)

Гражданин США индийского происхождения, бизнесмен. Был связан с Прасадом и Редди. Арестован в декабре 1994 г. по обвинению в попытке продать российской разведке (на самом деле в контакт с ним вступил агент ФБР) образец нового препарата по биотехнологии.

Коэн, Леонард

Адвокат, работавший в министерстве внутренних дел. Был связным и обменивался материалами с нелегальным сотрудником ГРУ Игнаци Витчаком.

Коэн, Морис

Доктор из Чикаго, коммунист. Использовался в качестве «почтового ящика» для Уильяма Крейна и Джона Лумиса Шермана.

Крейн, Уильям

Вступил в КП США в 1932 г. и почти сразу занялся подпольной работой. Был курьером и фотографом связанной с ГРУ сети, которой руководил Уиттакер Чемберс. Признался в этом после того, как на него указал У. Чемберс в 1949 г.

Кроуч, Пол

В середине 1925 г. был судим военным трибуналом за то, что обратился с письмом в Коминтерн, в котором предлагал организовать ячейку компартии в частях армии США, находившихся на Гавайях. В то время он еще не был членом компартии, вступив в нее лишь после того, как отбыл срок в тюрьме. 21 сентября 1927 г. состоялось заседание секретариата коммунистической партии, и на этом заседании Кроуч был принят в члены компартии единогласно.

На заседании политического комитета 12 октября было принято решение направить Кроуча в Москву для участия в праздновании десятой годовщины Октябрьской революции. Эта поездка была, по всей видимости, отложена, поскольку Кроуч приехал в Москву не ранее декабря 1927 г., где оставался около 5 месяцев. За это время он стал членом антивоенной комиссии Коммунистического интернационала молодежи. Согласно Кроучу, это организация «в начале 1928 г. составила детальные планы оперативной работы в вооруженных силах всех стран». Фотография Кроуча в форме Красной Армии была опубликована в «Daily Worker» 1 мая 1928 г.

Уолтер Трамбл, который также отбыл срок в тюрьме за коммунистическую деятельность в армии, стал преемником Кроуча на посту главы антивоенного департамента компартии. Макс Бедахт по поручению центрального комитета руководил работой Кроуча и Трамбла.

Крузе, Вильям

Активист средней руки КП США в 20-е гг. Сторонник Лавстона, вышел из рядов партии в 1929 г., но в 30-х гг. помогал Николасу Дозенбергу создать деловое прикрытие для деятельности ГРУ на Филиппинах.

Кук, Кристофер

Лейтенант ВВС США. Служил в центре запуска стратегических ракет «Титан». Пришел в советское посольство в Вашингтоне и предложил продать информацию об американских стратегических ракетах. На его предыдущие телефонные звонки в посольстве отвечали отказом, поскольку считали, что он является провокатором. 23 декабря 1980 г. он посетил советское посольство в Вашингтоне, где ему было уплачено 50 долларов за сделанные от руки выписки из секретных документов. После рождественских праздников он вернулся на свое место службы, авиабазу Макконнелл в Канзасе. Он собрал секретные документы и снова попытался прийти в посольство 2 мая 1981 г., но оно было закрыто.

Его выследили, поскольку он заказал телефонный разговор с советским посольством из своего дома в Ричмонде, штат Виргиния, в декабре 1980 г. Хотя он и признал факт шпионажа (после многих допросов), военный суд постановил, что военный трибунал не должен судить его, и Кук был уволен из вооруженных сил, в которых прослужил один год.

Курнаков, Сергей Николаевич (1892–1949; «Кавалерист», «Бек»)

Родился в русской дворянской семье, офицер царской армии. После революции находился в эмиграции в США. Был известен как театральный деятель и журналист. С 30-х гг. работал на советскую внешнюю разведку. Участвовал в сборе информации по атомной проблеме. После войны вернулся в Советский Союз. Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Лернер, Ирвинг

Помощник нелегального сотрудника ГРУ Артура Адамса и сотрудник отдела фильмов ведомства военной информации. Пытался сфотографировать циклотрон в Калифорнийском университете, не имея на это разрешения.

Ли, Дункен Чаплин («Кох»)

Высокопоставленный офицер УСС, работал помощником руководителя УСС Уильяма Донована и полевым офицером УСС в Китае. Оказался под контролем КГБ в 40-е гг. благодаря сети

прикрытия КП США.

Либер, Макси

Литературный агент. Родился в 1897 г. в Царстве Польском. Гражданин США. Активный член разведсети КП США — ГРУ, в которую входили Уиттакер Чемберс и Джон Лумис Шерман.

Лоунтри, Клейтон (род. 1962)

Внук вождя индейцев виннебаго штата Висконсин и племянник морского пехотинца, получившего за участие в корейской войне медаль Почета. С 1980 г. — солдат корпуса морской пехоты. В 1984 г. он добровольно прошел шестинедельный курс подготовки к службе в охране посольств в элитной школе по подготовке охраны, закончив ее в сентябре 1984 г. (в этой школе обучают антитеррористической борьбе, а также шпионажу и контршпионажу). После получения им допуска особо секретного уровня (этот допуск получали все охранники), он был назначен в 1985 г. в посольство США в Москве. Там он, как и все остальные морские пехотинцы, подписал соглашение, согласно которому обязался не вступать в тесные контакты с местными жителями и обещал сообщать о любых случаях контакта с советскими гражданами. Познакомившись с 25-летней москвичкой, служащей посольства Виолеттой Сеиной, завязал с ней роман. В январе 1986 года Виолетта познакомила Лоунтри со своим «дядей Сашей», который на самом деле был Алексеем Ефимовым, офицером КГБ. 9 марта 1986 г., перед отъездом Лоунтри для несения службы по охране американского посольства в Вене, Ефимов дал Лоунтри подписать бумагу, которая гласила: «Я являюсь другом Советского Союза и всегда буду другом Советского Союза». Лоунтри встретился с Ефимовым в Вене, где он передал ему информацию об американцах, работавших в посольстве, список телефонов и поэтажный план посольства, а также имена австрийского обслуживающего персонала. Ночью, будучи один на посту, Лоунтри проник в посольство и похитил совершенно секретные документы, спрятав их затем в водосточной трубе на крыше здания, где жила охрана. Он также похитил документы, предназначенные для уничтожения (около 120 документов, содержащих информацию, касающуюся американской позиции на переговорах с СССР по соглашению о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил).

12 декабря 1986 г. Ефимов передал Лоунтри «Джорджу», офицеру КГБ по имени Игорь Лысов. Он задавал вопросы, сходные с теми, что задавал ему и Ефимов. Речь также шла и о том, чтобы вернуть Лоунтри, вероятно, с помощью советского

дипломатического паспорта назад в Москву и соответственно к его возлюбленной, Виолетте. Но 14 декабря 1986 г. Клейтон Лоунтри рассказал начальнику базы ЦРУ в Вене обо всем случившемся. У ЦРУ возникло намерение сделать Лоунтри двойным агентом, однако министерство обороны не дало на это согласия. Его дело было передано Службе расследований ВМФ (NIS). Лоунтри был обвинен в шпионаже, но расследование на этом не закончилось. Более ста следователей NIS начали допрашивать морских пехотинцев во всех американских посольствах. Лоунтри между тем изменил свои показания. Теперь он утверждал, что передавал агентам КГБ только малосекретные документы из посольства США в Вене, отрицал то, что он делал что-либо подобное во время службы в Москве, и утверждал, что он никогда не сопровождал сотрудников КГБ ни в каком из американских посольств.

В результате расследования все двадцать восемь морских пехотинцев охраны были заменены. Министр обороны Каспар Вайнбергер заявил, что Соединенные Штаты понесли «очень тяжелые потери».

Лоунтри был отдан под суд военного трибунала в 1987 г. и приговорен к 30 годам тюремного заключения в ноябре 1987 г., но приговор был в мае 1988 г. смягчен до 25 лет благодаря тому, что после своего ареста Лоунтри пошел на сотрудничество с контрразведкой. Он был освобожден в феврале 1996 г. за образцовое поведение, отбыв в заключении только девять лет из тридцати.

«Майкл»

Агент ПГУ КГБ в 70-х гг. Ученый в Массачусетском технологическом институте.

Макдов, Гарри Сэмюэл («Кант», «Тан»)

Член группы Перло. Работал в Управлении военного производства и в ведомстве Управления по чрезвычайным ситуациям.

Марзани, Карл

Стал сотрудником УСС в 1942 г. К 1945 г. стал заместителем руководителя отдела презентаций, который изготавливал схемы, графики и другие материалы, иллюстрирующие информацию УСС. Был переведен в государственный департамент после роспуска УСС. В 1947 г. был обвинен в мошенничестве за то, что скрывал свое членство в компартии в различных документах государственного департамента.

Массинг, Хиид

В 30-х гг. руководила сетью КГБ, в которой сотрудничали два чиновника государственного департамента — Ноэл Филд и Лоренс Даган. Вместе с мужем прекратила работать на советскую разведку и впоследствии окончательно порвала с коммунистами. В 1947 г. стала сотрудничать с ФБР. Возможно, она является «Рыжей» («Redhed»).

Минткенбау, Джеймс

Сержант армии США, завербованный другим солдатом, Робертом Ли Джонсоном, для шпионажа в пользу СССР в Западной Германии в 1950-х г. Минткенбау было предложено устроиться в Вашингтоне на работу в агентство по продаже недвижимости, чтобы он смог получать личные данные тех военных и правительственных служащих, которые подыскивают себе дома. Однако этот тщательно разработанный КГБ план провалился прежде, чем началась его реализация. В 1965 г. Джонсон сдался властям, и это привело к разоблачению Минткенбау. Оба они предстали перед судом, были признаны виновными и приговорены к 25 годам тюремного заключения.

Можульский, Роман («Канук»).

Сотрудник Польского телеграфного агентства, фактически ведомства польского правительства в изгнании. Стал информатором КГБ в 1944 г.

«Мортон»

Известный американский юрист, завербованный КГБ в 1970 году в Нью-Йорке. В 1975 году ввиду преклонного возраста исключен из списков резидентуры. Выйдя на пенсию, «Мортон» передал на связь нью-йоркской резидентуре своего сына, который работал в известной юридической фирме.

«Нерпа»

Агент ПГУ КГБ, завербованный в 1977 году. Инженер, занимавшийся исследованиями в области вооружений в Командовании НИОКР и боевого обеспечения (DARCOM).

Новик, Сэм

Коммунист и руководитель корпорации «Электроникс». Предоставлял деловое прикрытие для нелегального сотрудника ГРУ Артура Адамса и помог ему приехать в США в 1938 г., используя поддельные документы.

Осман, Роберт

Капрал армии США, служивший в зоне Панамского канала и работавший на советскую военную разведку. 2 раза он встречался с Робертом Свитцем, через которого получал инструкции от Манфреда Штерна, резидента РУ Штаба РККА в США, для передачи информации о Панамском канале и о зоне канала советской разведке в Нью-Йорке. В 1933 году предстал перед военным трибуналом и был признан виновным в незаконном владении секретными документами и попытке их передачи Герману Майерсу из Бруклина. Использованный Османом адрес был известен как адрес одной из квартир Штерна.

Роберт Осман был приговорен к 2 годам тюрьмы, однако после рассмотрения апелляции его признали невиновным, но уволили из армии.

Пери, Майкл (род. 1968)

Родился в Лагуна Нигуэль (Калифорния). Специалист по радарному оборудованию, служил перехватчиком радиосигналов разведывательного отдела S-2 при 11-м полку мотопехоты 5-го корпуса армии США, отвечавшего за переднюю линию обороны границы между Западной и Восточной Германией. 21 февраля 1989 г. Пери покинул свой пост на военной базе в Фульде. Он появился снова только 12 дней спустя и был взят под стражу. Выяснилось, что он доехал до границы с Восточной Германией, перелез через ограждение и был задержан двумя восточногерманскими часовыми, которые и передали его сотрудникам КГБ. После того. как последние получили от него диск с секретной информацией и провели с ним нескольких допросов в Берлине, ему позволили вернуться.

В середине марта 1989 г. Пери был обвинен в краже секретных документов по стратегии ведения боя танками и вертолетами армии США. Сначала он утверждал, что невиновен. Затем, перед военным трибуналом, он признал свою вину. Благодаря своему добровольному возвращению, был приговорен к 25-летнему тюремному заключению.

Перл, Уильям («Гном», Джейкоб»)

Ученый, занимавшийся вопросами аэронавтики. Разрабатывал военные проекты передовых технологий, главным образом — касающиеся реактивной авиации. Член группы Розенберга, работавшей на КГБ.

Перло, Виктор (род. 1912; «Рейдер»)

Экономист, публицист. Окончил Колумбийский университет (1931). Начиная с 1933 г. сочетал исследовательскую работу с консультативной деятельностью экономиста в различных правительственных ведомствах. Глава «группы Перло». В качестве экономиста во время Второй мировой войны работал в Консультационном совете национальной обороны, в Ведомстве администрации по ценам и в палате военной продукции. После войны работал в отделе валютных исследований министерства финансов. Член Национального комитета КП США, председатель его экономической комиссии. Автор ряда работ, изданных в русском переводе: «Американский империализм» (М., 1951); «Негры в сельском хозяйстве Юга США» (М., 1954); «Империя финансовых магнатов» (М., 1958); «Экономическое соревнование СССР и США» (М., 1960); «Доллары и проблема разоружения» (совместно с К. Марзани) (М., 1961); «Милитаризм и промышленность (М., 1963); «Неустойчивая экономика» (М., 1975).

Петерс, Джозеф (1894–1991)

Настоящее имя — Исидор Бооpштейн, также известен как Гольдфарб, Шандор Гольдбергер, Александр Стевенс. Родился в г. Кон (Австро-Венгрия) в еврейской рабочей семье. Учился на юридическом факультете Будапештского университета. Офицер австро-венгерской армии, участник Первой мировой войны. С октября 1918 г. — член КП Чехословакии (венгерской секции). С 1924 г. — член КП США. С 1927 г. — секретарь венгерского бюро. В 1936–1938 гг. руководил конспиративным аппаратом КП США, с июня 1938 г. — организационным департаментом КП США, поддерживал связь с советской разведкой в США.

Арестован ФБР 8 октября 1947 г. 12 апреля 1949 г. депортирован из США. С мая 1949 г. жил в Венгерской Народной Республике.

Пойнтц, Джульет Стюарт (1886–1937)

Родилась в Омахе (Небраска), в подростковом возрасте оставила родной дом и перебралась в Нью-Йорк. Пойнтц закончила Барнард Колледж, став учительницей, получила стипендию от Федерации женских клубов, уехала в Англию, где обучалась в Оксфордском университете и в Лондонской школе экономики. В Нью-Йорк она вернулась в 1909 г. и стала членом социалистической партии. Спустя четыре года вышла замуж за Фридриха Глазера, атташе консульства Германии в Нью-Йорке. После революции в России Пойнц стала членом Коммунистической партии США. Была кандидатом на выборах

генерального прокурора штата Нью-Йорк от компартии, но проиграла. В 1934 г. ее вызвали в Москву, где она прошла в НКВД спецподготовку. В конце мая или начале июня 1937 г. она исчезла.

Карло Треска, редактор антифашистской газеты «Il Martello» («Молот»), заявил, что Джульет Пойнтц была похищена и убита советскими агентами из-за того, что откровенно высказывалась против Сталина и Советского Союза, и в СССР опасались, что она может разоблачить шпионскую сеть, в создании которой принимала участие. Хотя Треска, которого также вскоре убили (его застрелили на углу Пятой авеню и Пятнадцатой улицы; как утверждали, его убил Кармине Галанте, ставший позднее одним из крупных главарей нью-йоркской мафии), не называл имен людей, ответственных, по его мнению, за исчезновение Пойнтц, некоторые из его ближайших соратников утверждали, что Треска рассказал им следующее: два советских агента, Георг Минк и Гуго Маркс, похитили Пойнтц, увезли ее на борт советского торгового корабля, отплывавшего из Нью-Йорка, и там убили ее, бросив затем тело в Атлантический океан.

Прасад, Алур

Гражданин США индийского происхождения, бизнесмен. В 1996 г. в Бостоне предстал перед судом по обвинению в передаче советской разведке в 1984–1990 гг. секретной информации о программе «звездных войн» и разработке бомбардировщика «Стеллс», приговорен к 15 месяцам заключения, освобожден в связи с фактическим отбытием срока наказания до суда.

«Рамзес»

Неизвестный агент нью-йоркской резидентуры КГБ в 70-х гг. Профессор, имевший связи в конгрессе, академических кругах и прессе.

Редди, Вемури Башкар (род. 1945)

Гражданин США индийского происхождения, бизнесмен. Был связан с Прасадом. Арестован в декабре 1994 г. по обвинению в попытке продать российской разведке (на самом деле в контакт с ним вступил агент ФБР) образец нового препарата по биотехнологии.

Родес, Рой

Сержант армии США, сотрудничавший с советской разведкой в 1950-х гг. во время своей работы в посольстве США в Москве.

Был раскрыт в результате предательства подполковника КГБ Рейно Хайханена, бывшего помощника Рудольфа Абеля, советского нелегального резидента в Нью-Йорке. Хайханен смог указать на Родеса, работавшего в транспортном отделе посольства. Родес сознался в шпионаже.

Родес и Хайханен были ключевыми свидетелями на суде над Абелем, признавшем его виновным в шпионаже. Сам же Родес был приговорен к пяти годам исправительных работ.

Розенберг, Джулиус (12.05.1918-19.06.1953), («Либерал»)

Родился в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Окончил среднюю школу и колледж (по специальности «радиоинженер»), также получил традиционное еврейское образование (хедер). Участвовал в левом студенческом и профсоюзном движении. Работал в фирме «Эмерсон» (радиоэлектронная продукция для военной промышленности). Привлечен к сотрудничеству с советской разведкой С. М. Семеновым в 1942 г. Передавал сотрудникам советской резидентуры в Нью-Йорке (С. М. Семенову, А. С. Феклисову) информацию о секретной радиоэлектронной аппаратуре. Привлек к сотрудничеству с советской разведкой М. Собелла, Дж. Барра, У. Перла, Майкла Сидоровича (также потомка эмигрантов из России, слесаря, воевавшего в Испании в интербригаде и ставшего хозяином конспиративной квартиры Перла) и своего шурина Д. Грингласса, который под давлением ФБР и выдал Дж. Розенберга.

Арестован в Нью-Йорке 18 июля 1950 г. На процессе в федеральном суде Нью-Йорка (март-май 1951 г.) был приговорен к смертной казни вместе с женой Этель Розенберг по обвинению в выдаче СССР секретной информации по атомному оружию. После двухлетней отсрочки приговора, несмотря на слабую доказательную базу обвинения (приговор был явно продиктован политическими амбициями администрации Трумэна-Эйзенхауэра в разгар «холодной войны») и несмотря на широкую кампанию протеста (особенно в Европе), супруги Розенберг, не признавшие свою вину, были казнены на электрическом стуле. Похоронены на еврейском кладбище в Нью-Йорке.

Сарант, Альфред (1918-16.03.1979)

Родился в семье православного грека Нонда Георгия Саранта (Эпаминонда Георгия Сарантопулоса), эмигрировавшего в США. Учился в нью-йоркском Сити-колледже, придерживался левых взглядов и был членом коммунистической ячейки Розенберга. После того как США вступили во Вторую мировую войну, Сарант был призван в армию и направлен в секретную научно-

исследовательскую лабораторию войск связи, расположенную в Форт-Монмартр (штат Нью-Джерси). Будучи талантливым инженером, имевшим несколько изобретений, он возглавил исследовательскую группу, разрабатывающую систему точного местонахождения артиллерии противника при помощи определения траектории и скорости полета снаряда. С 1944 г. Сарант начал работать в лаборатории ядерной физики Корнеллского университета (г. Итака, штат Нью-Йорк). Привлечен Дж. Барром к работе на советскую разведку; передал сведения о циклотроне в Корнелле, в строительстве которого принимал непосредственное участие.

После войны Сарант, связь с которым была законсервирована, жил в г. Итака, где работал в строительной фирме. После ареста Дж. Розенберга был допрошен ФБР. Прямых улик против него не было, и поэтому он был отпущен под подписку о невыезде. Но ему удалось добиться разрешения на посещение больной сестры в Нью-Йорке, после чего он вместе с женой направляется в Мексику. Им удалось благополучно пересечь границу и с помощью польских дипломатов установить связь с сотрудниками советской разведки в Мексике, которые переправили их в Прагу. В Чехословакии Сарант прожил до 1956 года, а затем переехал в СССР. В Москве Сарант стал Филиппом Георгиевичем Старосом. Работал по своей специальности в Ленинграде в закрытом КБ (п/я 233, сейчас — фирма «Ленинец»). Основным направлением его деятельности было создание электронных вычислительных машин. Так, под руководством Саранта была создана первая в Советском Союзе настольная ЭВМ «УМ-1», на базе которой были разработаны микро-ЭВМ «УМ-2К» и «УМ-2С», обеспечивавшие полет в космос Юрия Гагарина. За эту разработку Барр и Сарант были удостоены Государственной премии СССР. В дальнейшем доктор наук, профессор Сарант продолжал работать в Ленинграде, а потом переехал во Владивосток в Дальневосточный филиал Академии наук. В 1979 г. Сарант избирался в Академию наук СССР, но академиком стать не успел. Он умер в Москве 16 марта 1979 года, внезапно, когда ехал на такси от вокзала к зданию академии.

«Сатурн»

Агент ПГУ КГБ, завербованный в 70-е г. Занимал важный научный пост в американской компании «Макдонелл Дуглас».

Де Свешников, Владимир В.

Эксперт по вопросам баллистики, работал на правительство США. Снабжал советскую разведку военной информацией с

начала 20-х до конца 30-х гг.

Свитц, Роберт Гордон

Гражданин США. С 1931 г. работал в нелегальной резидентуре Манфреда Штерна, резидента РУ в США. С 1931 по 1932 г. прошел обучение на фотографа под руководством Штерна и занимался фотографированием засекреченных военных документов, которые добывали для Штерна другие агенты. 2 раза ездил в зону Панамского канала, чтобы передать инструкции капралу армии США Роберту Осману.

В 1933 г. Свитц отправился во Францию, где в течение некоторого времени также работал на советскую разведку до своего ареста французской полицией. Однако ему удалось обратить улики обвинения против своих французских товарищей, и он был отпущен на свободу. После этого Свитц вернулся в США и порвал с советской разведкой.

Сидорович, Анна («Белка»)

Член группы Розенберга и жена Михаила Сидоровича. Помогала своему мужу; ежемесячно получала стипендию от КГБ.

Сидорович, Михаил («Ленз»)

Член группы Розенберга. Выполнял большой объем курьерской работы, связанной с источниками, а также фотографировал материалы и передавал их КГБ.

Сильверман, Абрахам Джордж («Элерон»)

Член группы Сильвермастера. Во время войны был экономическим советником помощника руководителя армейских ВВС.

Сильвермастер, Натан Грегори (1899-?), («Пал», «Роберт»)

Родился в Одессе. В 1914 г. он и его семья эмигрировали в США. После окончания колледжа, с 1920 по 1935 г., он был активным коммунистом и занимался партийной работой на Западном побережье. Затем переехал в Вашингтон, где работал в различных правительственных учреждениях, и, наконец, обосновался в казначействе. Был знаком с Эрлом Браудером и во время всеобщей забастовки в Сан-Франциско в 1934 г. был его курьером. Именно через Браудера Сильвермастер познакомился с Яковом Голосом и группой советских агентов, работавших на Восточном побережье. В 1941–1942 г. стал координатором нескольких других советских источников в правительстве США (таких же, как и он сам, экономистов): Фрэнка Ко («Pick»),

Людвига Ульмана («Поло») и Дэвида Сильвермана («Элерон»).

После нападения Германии на СССР Сильвермастер передал Голосу и другим агентам НКВД добытые из канцелярии военного атташе США в Лондоне и из некоторых других источников документы, содержащие свежие данные о вооруженных силах Германии и об их развертывании на территории самой Германии и в оккупированных странах. Он также передал сведения о военной промышленности США и ценные материалы из администрации Рузвельта. После расследования, проведенного ФБР и Управлением разведки ВМФ, был уволен из казначейства в июне 1942 г., однако вскоре устроился в Управление безопасности фермерских хозяйств. Поскольку Сильвермастер встречался со своими информаторами вдали от места их работы, то изменение круга его обязанностей практически не повлияло на его работу по сбору информации от источников и передаче ее Якову Голосу. На его разведывательную деятельность не повлияло и возобновившееся на следующий год расследование министерства юстиции. На этот раз ему помог друг в Белом доме, Лоуллин Карри, и расследование удалось свернуть.

Ко времени расследования ФБР на основании показаний Бентли, обвинявшей Сильвермастера в работе на советскую разведку, его работа как советского агента завершилась в 1945 г. окончательно из-за осложнившихся личных отношений членов его группы. К 1951 г. Сильвермастер и Уильям Людвиг Ульман добились успеха в бизнесе — строительстве домов на побережье в Нью-Джерси.

Сильвермастер, Хелен Витте («Дора»)

Активная помощница в руководстве крупной группой Сильвермастера, которую возглавлял ее муж Натан Сильвермастер.

Смедли, Агнес (1894–1950)

Родилась в бедной семье индейца-рабочего и прачки (Осгуд, штат Миссури). С детства была вынуждена работать (посудомойка, официантка, продавщица газет). Окончила педагогическое училище в Аризоне, училась на вечернем отделении Нью-Йоркского университета. Работала учительницей в деревенской школе (Нью-Мексико). Работая машинисткой в редакции, занялась журналистикой (репортер социалистической газеты в Нью-Йорке), участвовала в профсоюзном движении. В 1918 г. в Нью-Йорке через своего друга Вирендраната Чаттопадьяя (впоследствии индийского коммуниста) была связана с индийскими революционерами и арестована за

нарушение законов о нейтралитете США, но вскоре была освобождена. В 1920-х гг. она находилась в Берлине и принимала активное участие в коммунистическом движении. В 1921 г. сопровождала индийскую делегацию на III конгресс Коминтерна. В 1928 г. Смедли через Москву отправляется в Китай. Работала в Шанхае корреспондентом: сначала в немецкой газете «Frankfurter Zeitung», а затем — в английской «Manchester Guardian». Она подружилась с Рихардом Зорге, работавшим на ГРУ, и он использовал ее квартиру для тайных сеансов радиосвязи. Именно она познакомила Зорге с Одзаки Хоцуми, который стал его главным японским сотрудником. Хоцуми был первым, кого она завербовала для агентурной сети Зорге. Смедли занималась также сбором информации для Зорге и его группы. Хотя Смедли, по всей видимости, и не была членом Американской компартии, но работала в тесном контакте как с ней, так и с советской военной разведкой. Когда Рихард Зорге в 1933 г. отбыл в Японию, Смедли отправилась в Советский Союз на лечение. Затем она отправилась в Европу, а после этого — назад в Нью-Йорк. В Китай она вернулась в 1935 г. Поддерживала дружеские отношения с британским послом в Китае в конце 1930-х годов Арчибальдом Кларк-Керром и с Джозефом Стилвеллом, который позднее командовал вооруженными силами США в Бирме и Китае (Смедли повлияла и на его взгляды относительно Китая). С 1941 г. она жила в США, писала книги и читала лекции о Китае. После войны генерал-майор Чарльз Уиллоби, начальник разведки при генерале армии Дугласе Маккартуре, в своем официальном отчете, законченном еще в 1947 г. и опубликованном в Вашингтоне двумя годами позже, объявил Смедли ключевой фигурой коммунистического заговора на Дальнем Востоке. Смедли написала президенту Трумэну, прося его заставить Маккартура извиниться перед ней или лишить его неприкосновенности, чтобы она могла подать на него в суд за клевету. Как следствие — министерство армии опубликовало опровержение. В 1950 г. Смедли отправилась в Лондон, где внезапно умерла. Она завещала свое имущество маршалу Чжу Дэ, главкому коммунистической Народно- освободительной армии Китая. Перед смертью она работала над его биографией. Она просила, чтобы ее тело было кремировано, а пепел «упокоен в любом месте, какое назначит Чжу Дэ или его потомки». Пепел был погребен в Пекине с почестями, и среди более 800, как сообщали, человек, пришедших на погребение, были некоторые китайские лидеры.

Автор книг «Индия и будущая война» (1928), «Гимн битве за Китай» (1944), романа «Дочь Земли» (1929).

Собелл, Мортон

Выходец из семьи эмигрантов из России. Работал в министерстве ВМС США и в коммерческой фирме. Сотрудничал с резидентурой советской разведки в Нью-Йорке.

Инженер, сотрудник аппарата Розенберга. Работал в фирмах «Дженерал электрик» и «Ривз электроникс», выполняя военные и правительственные заказы. В 1951 г. был обвинен в шпионаже против США и заключен в тюрьму. Ясно, что Собелл был советским агентом, но нет уверенности, что он упомянут в телеграммах «Веноны». В одной телеграмме нью-йоркской резидентуры КГБ от 11 июля 1944 г. относительно предоставления фотоаппарата члену группы Розенберга под псевдонимом «Реле», согласно сноске АНБ/ФБР, подразумевается Собелл. Однако в ссылке отмечается, что в сентябрьской телеграмме псевдоним «Реле» меняется на «Серб», а более позднее появление «Серба», по мнению АНБ/ФБР, не имеет отношения к Собеллу. В телеграмме от 4 июля 1944 г. также используется псевдоним «Реле», и этот «Реле» не был связан с группой Розенберга и имел личные характеристики, которые исключают его отношение к Собеллу.

Соубл, Джек («Абрам, «Чех»)

Многолетний агент КГБ, который проник в троцкистское движение в 30-е — начале 40-х гг. В середине 1945 г. КГБ переключила внимание Соубла со шпионажа против троцкистов на наблюдение за другими объектами. Брат Роберта Соублена.

Соублен, Роберт («Роман»)

Многолетний агент КГБ, который проник в троцкистское движение в 30-е — начале 40-х гг. В 1961 г. был обвинен в шпионаже. Брат Джека Соубла.

Соутер, Гленн Майкл (30.01.1957-22.06.1989)

Он же Орлов Михаил Евгеньевич. Родился в г. Хаммонд (штат Индиана) в семье среднего предпринимателя. Родители Гленна развелись, когда ему было четыре года; воспитывался матерью. В 1975 г. поступил в университет, но, проучившись полгода, бросил учебу. Гленн поступил в школу военных фотографов, а по ее окончании получил назначение в 6-й американский флот, базирующийся в Средиземном море. Служил сначала на авианосце «Нимиц», затем на штабных кораблях «Олбани» и «Пьюджет Саунд» в должности фотографа командующего флотом. В 1980 г. Соутер был привлечен к сотрудничеству с советской

разведкой на идейно-политической основе. Критически оценивая военно-политическую доктрину США, он был убежден в необходимости активных действий по предотвращению ядерной угрозы. От Соутера было получено большое количество важной документальной информации военного и военно-стратегического характера, раскрывающей стратегические планы Соединенных Штатов в Средиземноморье, Ближневосточном и других регионах, сценарии учений с применением ядерного оружия, сведения о боевой подготовке и планах задействования ВМС США. В начале 1982 г. истек срок контракта службы Соутера в ВМС США. Он поступил на военный факультет университета «Олд доминион» (г. Норфолк) и одновременно устроился на работу в фотолабораторию находящейся в том же городе базы ВМС США. Успешно пройдя спецпроверку, он получил допуск к обработке материалов космической разведки. В университете Соутер специализировался на изучении русского языка и литературы. По завершении учебы летом 1986 г. он должен был пройти подготовку на офицерских курсах и получить назначение на должность офицера разведки ВМС США. В июне 1986 г. в связи с возникшей угрозой ареста Соутер нелегально выехал в СССР.

Был зачислен в органы госбезопасности с присвоением звания «майор» и награжден орденом Дружбы народов. В апреле 1987 г. вступил в брак с советской гражданкой, преподавательницей английского языка одного из московских вузов. В мае 1988 г. у супругов родилась дочь Александра. 22 июня 1989 г. покончил жизнь самоубийством. Похоронен на Новокунцевском кладбище в Москве.

Сухомлин, Василий («Марс»)

Эмигрант, бывший эсер, использовался чехословацкой Службой информации (одно из ведомств чехословацкого правительства в изгнании) в США в 1941–1945 гг. Информатор КГБ, который сообщал нью-йоркской резидентуре КГБ о деятельности чехословацкого правительства в изгнании и о других европейских политических деятелях, находившихся в изгнании в США, в частности социал-демократах. Получал стипендию КГБ, ему было обещано советское гражданство.

Томпсон, Роберт (род. 1935)

Рядовой 2-го класса ВВС США. Служил в американских оккупационных войсках в Германии, где был завербован советской внешней разведкой, сотрудникам которой передавал секретную военную информацию. В 1965 г. был приговорен к 30 годам заключения. В мае 1978 г. в Западном Берлине в результате

сложного трехстороннего обмена переправлен в ГДР.

«Троп»

Американский ученый, работавший в Арагонской национальной лаборатории Чикагского университета. Завербован в 70-е гг.

Уайт, Гарри Дексер («Кассир», «Юрист»)

Сотрудник министерства финансов. Сотрудничал с ГРУ с 1935 г. Позднее его оператором был Г. Б. Овакимян, а затем — И. А. Ахмеров.

«Усач»

Американский ученый, работавший в Брукхэвенской национальной лаборатории в Аптоне, Нью-Йорк, где занимался исследованиями в области ядерной энергии, физики высоких энергий и электроники. Завербован в 60-х гг.

Фахи, Джек Бредли («Максвелл»)

Информатор военно-морского отдела ГРУ. Сотрудничал с ведомством координатора межамериканских проблем, с Палатой экономической войны и министерством внутренних дел.

Фариш, Лин Маркли («Атилла»)

Коммунист, сотрудник УСС. Обеспечивал связь с партизанами Тито в Югославии. Являлся информатором КГБ.

Фейерабенд, Альберт

Натурализованный американский гражданин, выходец из Латвии. Член КП США, курьер Коминтерна. Работал в аппарате ГРУ у Николаса Дозенберга. Арестован по обвинению в контрабанде в 1930 г., когда возвращался из-за границы. При аресте утверждал, что его зовут Джейкоб Крейтц. У Фейерабенда была небольшая белая лента, подписанная Максом Бедахтом, который был в то время членом исполнительного секретариата КП США. В ней указывалось, что «владелец этого удостоверения является полностью надежным, ему должна оказываться всевозможная поддержка для того, чтобы он мог эффективно выполнить задание, которое ему поручено». Снова был арестован в 1933 г., когда возвращался из-за границы с фальшивым американским паспортом и суммой в 28 тыс. долларов наличными. Это были советские субсидии для КП США или для советских разведывательных операций. Освобожден под залог.

«Фелке»

Агент КГБ, завербованный в 60-х гг. Работал в корпорации «Дюпон де Немур» (нефтехимия и биомедицина).

Фирлингер, Ян («Офицер»)

Сотрудник отдела информации консульства чехословацкого правительства в изгнании в Нью-Йорке. В 1943 г. был информатором КГБ. Большинство его докладов были посвящены дипломатическим контактам между США, Великобританией и чехословацким правительством в изгнании.

Фицжеральд, Эдвард Дж. («Тэд»)

Участник группы Перло. Работал в ведомстве военной продукции.

Фолкофф, Айзек («Дядя»)

Крупный функционер КП США в штате Калифорния и связник по Западному побережью между КГБ и КП США. Работал в качестве курьера, получая и передавая информацию советских источников, а также выискивал таланты и возможных информаторов. Руководил рядом субагентов.

Фостер, Джейн («Сленг»)

Тайная коммунистка. В 1942 г. работала в Палате экономической войны, а затем в 1943–1947 гг — в индонезийском отделе УСС. По окончании Второй мировой войны вошла в состав советской шпионской организации, которой руководил Джек Соубл.

«Фрей»

Агент ПГУ КГБ, в 70-е гг. работавший в американской компании «IBM».

Хелмич, Джозеф

Офицер армии США. Проходил службу в Париже с 1962 по 1964 г., был хранителем кодов. В связи с финансовыми трудностями отправился в советское посольство в Париже и предложил продать за наличные секретные сведения о системах связи армии США и НАТО. Как уорент-офицер в центре связи Верховного Главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе, Хелмич имел доступ к дипломатической и военной связи США и НАТО. Он продал советской стороне руководство по эксплуатации, технические данные, роторы и списки шифровальных ключей для криптосистемы KL-7, особо

секретной шифромашины, которая широко использовалась в армии и посольствах как США, так и их союзников. Он также знал, как функционирует другая шифровальная машина, KW-26. Его связь с советской разведкой продолжилась и в США, когда он был назначен в Форт-Брагг (Северная Каролина). Со своим оператором он встречался в Мехико. За предоставленные сведения ему было выплачено более 131 000 долларов. Хотя источники внезапного богатства Хелмича и вызывали подозрения у разведки США, невозможно было доказать, что он занимался шпионажем. Хелмич уволился из армии и основал компанию по производству черепицы во Флориде.

ФБР, по всей видимости, не знало о его шпионской деятельности до августа 1980 г., когда начало допрашивать Хелмича. Он сначала заявил, что получил от советской разведки некоторое количество денег, но не передал им никакой ценной информации.

В начале 1981 г., нуждаясь в деньгах для своей фирмы, он отправился в Оттаву и обратился там в советское посольство. Он был замечен канадскими специалистами по наблюдению, и они передали информацию ФБР, которое завело на него дело за несколько лет до этого. Представ перед судом по обвинению в шпионаже, Хелмич был признан виновным и приговорен к пожизненному заключению.

Хисс, Алджер (род. 1904)

Родился в Балтиморе, закончил Университет Джона Хопкинса в 1926 г., и Гарвардскую школу права в 1929 г. Сделал успешную карьеру на государственной службе (в 1934–1936 гг. он служил в министерстве юстиции, а в 1936–1939 гг. — в государственном департаменте помощником заместителя госсекретаря Фрэнсиса Б. Сэйра).

3 августа 1948 г. на заседании Комитета по расследованию антиамериканской деятельности У. Чемберс сначала перед членами комитета, а затем и публично обвинил Хисса в шпионской деятельности и в том, что он являлся в тридцатые годы коммунистом. Хисс отрицал, что он когда-либо знал этого Чемберса, однако тот сумел доказать это, и Хисс был вынужден подтвердить многое из того, что Чемберс рассказал об их знакомстве. Он признался, что знал Чемберса, но под именем Джорджа Кросли, но с июля 1935 г. с ним не встречался. Однако история продолжала развиваться. Чемберс предъявил в качестве доказательства того, что Хисс крал документы из госдепартамента, микрофильм с тридцатью шестью секретными документами, отпечатанными на пишущей машинке Хисса с его

собственноручными пометками. Он сумел также представить еще некоторое количество микрофильмов, хранившихся в выдолбленной тыкве на его ферме.

15 декабря 1948 г. Большое жюри в Нью-Йорке обвинило Хисса в лжесвидетельстве, основываясь на его утверждении, что он не видел Чемберса после июля 1935 г. Хисс предстал перед судом 31 мая 1949 г. К этому времени ФБР сумело найти даже ту самую пишущую машинку, представленную на суде в качестве доказательства, и провести ее экспертизу. Однако защите удалось показать возможность непричастности Хисса к краже названных документов из госдепартамента, представив версию, что к краже этих документов непосредственное отношение имел другой советский агент, названный Чемберсом, Джулиан Уадлих, который в середине 1930-х гг. был правительственным служащим и имел доступ к тем самым документам. 9 июля 1949 г. первый суд над Хиссом закончился. Голоса присяжных разделились (восемь к четырем за признание вины). Второй суд начался 7 ноября 1949 г. и закончился 21 января 1950 г. Хисс был приговорен за лжесвидетельство (не шпионаж) к максимальному сроку — пяти годам тюремного заключения, однако в 1954 г. был освобожден. Однако на протяжении всей своей жизни он не оставлял безрезультатные попытки доказать, что Чемберс лгал.

По некоторым данным, появившимся в последнее время, Хисс был связан с нелегалом Разведупра Борисом Буковым.

Холл, Теодор Элвин (род. 1926; «Млад»)

Окончил Гарвардский университет. Работал в атомной лаборатории в Лос-Аламосе (Нью-Мексико), в которой имел доступ практически во все подразделения. В октябре 1944 г. Холл приехал в Нью-Йорк в двухнедельный отпуск и встретился со своим другом физиком Сэвилом Саксом (1924–1980). Рассказав ему о своей работе, Холл попросил друга помочь связаться с русской разведкой. Через сотрудника «Амторга» они вышли на С. Курнакова. Холл передал Курнакову копию научного отчета, который он перед отъездом в отпуск написал для своего начальника в Лос-Аламосе, а также список ученых, работавших вместе с ним. Курнаков немедленно передал полученные от Холла материалы своему оператору Анатолию Яцкову. И уже в ноябре 1944 г. нью-йоркская резидентура направила в Москву донесение, в котором сообщалось о Холле, получившем псевдоним «Млад», и Саксе, соответственно, обозначенном как «Стар».

Первое время непосредственным руководителем Холла и Сакса был Сергей Курнаков. Но затем в Центре решили, что

работать со столь ценными агентами должен разведчик-профессионал. Им стал Анатолий Яцков. Один раз связной Холла была Леонтина Коэн, агент-групповод нью-йоркской резидентуры. Она встретилась с Холлом в Альбукерке в 1945 г. и получила от него очередной пакет материалов по атомной бомбе. Иногда, как это случилось, например, в октябре 1944 г., Холл и сам доставлял документы в нью-йоркскую резидентуру.

В дальнейшем Холл, контакт с которым был прекращен, продолжал заниматься научной работой. В 1962 г. Холл эмигрировал в Англию, где работал в Кембриджском университете, занимаясь исследованиями в области биоретгеновского микроанализа.

Сакс умер в США в 1980 г. Судебному преследованию, так же как и Холл, не подвергался.

Чейпин, Джон Хичкок

Ученый из металлургической лаборатории в Чикаго, являвшейся частью Манхэттенского проекта. Тайно встречался с нелегальным сотрудником ГРУ Артуром Адамсом.

Чемберс, Уиттекер (1.04.1901-9.07.1961)

Родился в Филадельфии, учился два года в Колумбийском университете, вступил в Компартию США в 1924 г., работал в газете «Дэйли уоркер», печатном органе КП, и вскоре стал ее главным редактором. В 1931 году он женился на убежденной коммунистке Эстер Шемиц и под ее влиянием стал членом подпольной партийной ячейки. Целью этой ячейки, как говорил Чемберс позднее, было проникновение коммунистов в американское правительство. Завербованный военной разведкой в 1933 г, после обучения в Москве в разведшколе Чемберс стал оператором большой группы агентов в Балтиморе, работавших в госучреждениях США (госдепартаменте, министерстве юстиции, министерстве труда, министерстве сельского хозяйства и т. д.). Оператором Чемберса был Борис Буков, назначенный новым резидентом ГРУ в 1936 г. и сумевший наладить получение ценной политической и научно-технической информации.

В 1937 г. Чемберса неожиданно вызвали в Москву. Однако он, опасаясь репрессий, которым подверглись в то время многие иностранные коммунисты, 9 месяцев оттягивал свой отъезд, пока в апреле 1938 года окончательно не порвал с ГРУ. Выйдя из компартии, Чемберс ищет себе новую работу на редакторском поприще и, наконец, устраивается в журнал «Тайм». В сентябре 1939 г. Чемберс, возмущенный подписанием пакта между СССР и Германией, окончательно теряет веру в Россию и решает

рассказать о своей деятельности властям. Он добился встречи с Адольфом Берле, помощником госсекретаря и советником президента Рузвельта, ответственным за национальную безопасность. Чемберс рассказал ему о деятельности многих людей, например о математике Франклине Викторе Рено, работавшем на абердинском испытательном полигоне и имевшем доступ к разработкам прицелов для бомбометания, и требовал немедленно отстранить его от работ. Он также рассказал Берле о деятельности Букова и объяснил ему, каким конкретно образом коммунистам удается узнавать военные и государственные секреты. Среди многих имен, названных им Берле, было и имя Алджера Хисса, который в 1934–1936 служил в министерстве юстиции, а в 1936–1939 годах — в государственном департаменте. Однако Берле счел его истории чересчур фантастичными, чтобы быть правдой, и ничего не предпринимал. Президент Франклин Д. Рузвельт, которому Берле доложил о произошедшей беседе, счел мысль о масштабном проникновении коммунистов в американское правительство и о массовой торговле секретами просто смешной. Не поверил Чемберсу и шеф ФБР Э. Гувер, назвавший в 1942 г. протокол допроса Чемберса «сборником россказней, гипотез и умозаключений». Чемберс вернулся к своей работе в «Тайме» и достиг поста главного редактора.

В 1948 г. (3 августа) перед Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности выступил Чемберс, в то время бывший уже редактором журнала «Тайм», и рассказал то же самое, что рассказывал почти десять лет назад Адольфу Берле. Показания Чемберса спровоцировали самую большую в истории США волну охоты на шпионов и на коммунистов.

Шерман, Джон Лумис

Активист КП США в конце 20-х гг. Был исключен из партии в 1929 г. как сторонник Лавстона и почти сразу же был завербован для подпольной партийной работы. Работал главным образом для ГРУ вместе с Уиттакером Чемберсом и Уильямом Крейном. В конце 30-х гг. прекратил работать на советскую разведку, но остался коммунистом.

«Шеф»

Профессор Макмастерского университета. Завербован в 1974 г. во время поездки в Литву. В дальнейшем был передан на связь нью-йоркской резидентуре КГБ.

Эпштейн, Джекоб («Гарри»)

Американский коммунист, служивший в интербригадах. В 1943–1944 гг. работал на резидентуру КГБ в Мехико, неудачно пытаясь освободить убийцу Троцкого из мексиканской тюрьмы.

«Эрроу»

Неизвестный информатор КГБ, который выполнял задачи, работая среди эмигрантов. Специализировался на уроженцах Закарпатья.

Якобсон, Арвид

Финско-американский коммунист, завербованный советской разведкой в Финляндии (сетью ГРУ в США, в которую входил Уиттакер Чемберс). Был арестован в Финляндии в 1933 г.

notes

Примечания

1

Е. П. Евстигнеев, бывший первый секретарь постоянного представительства РФ при ООН, с сентября 1990 года перешел на работу в ООН и в Россию не вернулся;

С. Б. Четвериков, бывший советник-посланник посольства РФ в США, в конце 1991 года подписал контракт с юридической фирмой и остался в Америке;

А. Л. Потемкин, бывший советник посольства РФ, в мае 1992 года перешел на работу в американскую организацию «Фонд культурного сотрудничества»;

А. А. Еремеев, бывший помощник посла РФ, в 1992 году перешел на работу в американскую компанию;

А. Н. Ильичев, бывший первый секретарь постоянного представительства РФ при ООН, в 1992 году перешел на службу в ООН;

Р. Г. Джейкия, бывший старший советник постоянного представительства РФ при ООН, в 1992 году после окончания срока командировки остался в США;

Н. А. Гоморев, бывший второй секретарь посольства РФ, в 1993 году остался в США и работает в турфирме;

Р. М. Халиков, бывший первый секретарь постоянного представительства РФ при ООН, в 1993 году перешел на работу в ООН и остался в Америке;

Б. Ф. Чуприков, бывший советник постоянного представительства РФ при ООН, в 1993 году остался в США и попытался основать собственную фирму;

С. И. Кузнецов, бывший помощник посла РФ, в 1994 году был принят на работу в корпорацию «Шеврон», расположенную в Сан-Франциско;

Л. Е. Видный, бывший старший советник постоянного представительства РФ при ООН, в 1994 году перешел на работу в секретариат ООН;

А. Н. Аванесов, бывший первый секретарь постоянного представительства РФ при ООН, в 1994 году перешел на работу непосредственно в ООН и остался в США;

В. А. Смирнов, бывший старший советник постоянного представительства РФ при ООН, в ноябре 1995 года остался в США, надеясь найти здесь работу;

С. Н. Шестаков, бывший помощник постоянного представителя РФ при ООН, в 1995 году остался в США и устроился на работу в Ассоциацию российско-американских банков;

В. И. Бахуров, бывший первый секретарь постоянного представительства РФ при ООН, в сентябре 1996 года остался в Нью-Йорке.

2

«Фермой» на жаргоне сотрудников ЦРУ называют учебное заведение, расположенное вблизи Вильямсбурга, штат Виргиния, где готовят будущих офицеров разведки. Школа находится в густом лесу и занимает 10 тысяч акров земли вдоль реки Йорк. Учащиеся, кадровые сотрудники ЦРУ, в течение 18 месяцев проходят здесь профессиональную подготовку. Официально школа ЦРУ имеет прикрытие военной организации под названием «Экспериментальный центр подготовки вооруженных сил. Министерство обороны. Кэмп-Питтри».

3

См.: *Эрли П.* Признания шпиона. Подлинная история Олдрича Эймса. — М.: «Международные отношения», 1998.